

**КУЛЯБСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АБУАБДУЛЛОХ РУДАКИ**

На правах рукописи

**КАРМЫШЕВА БУНАВША НАЗРУЛЛОЕВНА
ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ**

**13.00.01. – общая педагогика, история педагогики,
образования (педагогические науки)**

**Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук**

Научный руководитель:
доктор педагогических наук,
профессор Кодиров К.

Куляб – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТАДЖИКСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИДЕЯ И ФОРМА НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ	12
1.1. Фольклор – важнейший фактор развития и обогащения народной педагогике	12
1.2. Нравственно-поучительные идеи в поэмах и сказаниях фольклорного содержания	33
1.3. Морально-этические ценности в народных четверостишиях и таджикских сказках	62
Выводы по первой главе	82
ГЛАВА II. ИДЕИ ВОСПИТАНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ.....	88
2.1. Опыт народного воспитания в таджикских обрядовых песнях, и рассказах	88
2.2. Таджикские пословицы и поговорки – народные педагогические миниатюры	105
2.3. Методы, средства, приемы, формы использования устного народного творчества таджиков в ходе этнопедагогизации учебно– воспитательных работ в образовательном учреждении	116
Выводы по второй главе	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
ЛИТЕРАТУРА	148

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Устное народное творчество в форме народного педагогического творчества – важная сторона развития человеческой цивилизации в его тысячелетней истории. Веками формировалась и утверждалась точка зрения народа в отношении проблем воспитания и именно на её основе зиждется народная педагогика. Что кроется в «народной педагогике»? Народная педагогика – это накопленные и проверенные в практике эмпирические знания, сведения, умения, навыки, в основном устно передающиеся от одного поколения другому поколению как исторический и социальный опыт человечества.

Национальное развитие и национальное возрождение – это плоды народного педагогического творчества, которые воспитывают в каждой личности патриотизм, национальную гордость и человеческое достоинство. В народном педагогическом творчестве развиты такие приёмы влияния, как действенность, практическая направленность, массовость, перманентность. У него широкая аудитория и оно, как народное творчество, постоянно и неограниченно воздействует на человека.

Народное воспитание естественно, многообразно и многогранно, поэтому оно охватывает межличностные и межнациональные отношения. Эта естественность является признаком демократизма и гуманизма, так как их сущность также естественна. В традициях народного воспитания ощущается быстрое, оперативное реагирование, надёжная тактика действий, эффективная деятельность. Наиболее эффективны не научные аргументы и стройная система доказательства, не обширные теоретические обобщения, а отобранные и отшлифованные веками народные взгляды.

Меры по возрождению национальных традиций воспитания, которые предпринимаются в последнее время в Республике Таджикистан, неэффективны, так как, не восстановив национальную образовательную систему, основанную на прогрессивное народное педагогическое творчество,

невозможно развивать этническое самосознание. Однако данная тема еще не разработана как самостоятельная проблема в системе национального образования, и поэтому отсутствие комплексного подхода и современной оценки народного педагогического творчества в системе традиционного воспитания определило выбор темы исследования: «Традиции воспитания в таджикском фольклоре».

Степень разработанности проблемы. Изучение и анализ традиций воспитания в таджикском фольклоре выявили, что классиками науки о педагогике Я.А. Каменским, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинским, В.А. Сухомлинским и другими выдвинута гипотеза о том, что научная и теоретическая педагогика берёт свой источник из народного педагогического творчества. К.Д. Ушинский «народную педагогику» ввёл в качестве научного термина. На его взгляд, народная педагогика – это фактор, оказавший влияние формированию педагогической науки. К тому времени учёные пытались теоретически разработать вопросы народной педагогики, определить ее структуру, содержание, методы исследования с анализом методов и средств воспитания (А.М. Арипов, В.Х. Арутюян, Г.Н. Волков, М. Лутфуллоев, Ф.Шарифзаде и другие). Так, Г.Н. Волковым народное воспитание основывается семейной жизнью и семейным бытом. В народном педагогическом творчестве он видит «совокупность и взаимозависимость целей, задач, путей и средств воспитания и обучения, педагогических навыков и приемов, применяемых народом в целях привития личности желательных ему качеств» [37, 11]. Автор «народную педагогическую культуру» трактует как воспитательные цели, средства и содержания традиции.

С начала 60-х годов, как методология, большой интерес вызывает народная педагогика (М.А. Арипов, Р. Амонов, В.М. Асроров, Г.Г. Алиев, В.Х. Арутюян, С.А. Арутюнов, Ю.Э. Брегель, Е.С. Бертельс, Г.Н. Волков, И.С. Брагинский, А.Н. Болдырев, М.И. Богданова, И.Н. Винников, Х.Г.

Короглы, В.А. Жуковский, Я.И. Калонтаров, Р. Кодиров, С. Норматов, Б. Ниёзмухаммадов, З. Османова, М.В. Попов, Б. Тилавов, М. Фозилов, А.З. Розенфельд, Э.А. Шварц, Н. Шакармамадов, Б. Шермухаммадов и др.). В настоящее время выделяются следующие научные течения: 1) течение, изучающее педагогические взгляды таджикских мыслителей по материалам устного народного творчества (Р. Амонов, Р. Кодиров, Б. Тилавов, М. Фозилов и др.); 2) течение, в котором рассмотрение педагогической практики таджиков основывается на их традиции и обычаи (Р. Кодиров, В.М. Асроров, А.Н. Болдырев др.); 3) течение, изучающее педагогические идеи и педагогический опыт таджиков (М.А. Арипов, И.С. Брагинский, М. Лутфуллоев, Ф. Шарифзаде, Я.И. Калонтаров и др.)

Сегодня интенсивно исследуются традиционные формы воспитания, способствующие всестороннему изучению культуры и быта таджиков, пониманию их психологии, раскрытию механизмов, передающих этнокультурные традиции в воспитательном процессе, определению более продуктивных сторон таджикской традиционной педагогики.

Анализ литературы по теме исследования показал, что в историко-педагогической науке накоплен значительный по объему материал. Однако научный анализ традиций воспитания в таджикском фольклоре не проводился. Не изученность традиций воспитания в таджикском фольклоре как педагогического потенциала подчеркивает необходимость исследования данного вопроса. Система национального воспитания молодёжи в социокультурной сфере нуждается в практическом решении таких проблем. Также необходимо возродить и сохранить национальные традиции, которые положительно влияют на жизнь и деятельность учащихся. Этим определяется актуальность темы диссертации.

Цель исследования заключается в определении педагогического потенциала устного народного творчества таджиков в качестве

воспитательного средства и выявлении форм его применения современными общеобразовательными учреждениями в процессе обучения и воспитания.

Объект исследования: воспитательные мысли в устном народном творчестве таджиков в качестве важнейшего фактора национального самопознания, как составная часть культурных традиций таджикского народа.

Предмет исследования: фольклор как важнейший фактор развития и обогащения традиций воспитания.

Гипотеза исследования направлена на включение в учебно-воспитательный процесс идей умственного и нравственного воспитания фольклора, нашедших отражение в народно-педагогическом творчестве таджикского народа, способствующих оптимизации процесса формирования этнической ценности у подрастающего поколения, приоритетности при определении целей и задач современного образования, связанные с демократически - гуманистическими традициями общеобразовательных учреждений.

Гипотеза исследования проверялась нами решением следующих **задач:**

1. Выявить педагогические основы идей воспитания в таджикском фольклоре.

2. Исследовать традиционные идеи воспитания в таджикском фольклоре с позиций фактора умственного и нравственного воспитания учащихся.

3. Определить значимость традиций воспитания в таджикском фольклоре в контексте народной педагогики и системы воспитания подрастающего поколения.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют теория развития личности: С.С. Арипов, Ф.Ш. Абдурахимов, Б.Р. Рахимов, К.Д. Ушинский, Б.Т. Лихачев, М. Лутфуллоев, С. Сулаймони, И.Х. Каримова,

А.П. Пахлавонов, Ф. Шарифзаде, Дж.Ш. Шарипов; теория деятельности и общения: Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин, В.Н. Сагатовский, В.Д. Шадриков, В.К. Шаповалов и др.; роль воспитания и культуры в развитии личности: С.Н. Артановский, Э.А. Баллер, Ю.В. Бромлей, Г.С. Виноградов, Д.И. Водзинский; о нравственном воспитании личности: А.С. Сухомлинский, Д.И. Фельдштейн, Е.М. Рангелова, Э.И. Сокольникова, И.Н. Федотова, Х.М. Маджидова, М.Г. Харитонов, А.Ш. Комилов; свойства народной педагогики: В.Ф. Афанасьев, Н.П. Аникеев, Г.Н. Волков, С.Н. Артановский, А.Э. Измайлов, И.Т. Глашев, В.А. Ядов и др.; народная педагогика и фольклор: В.М. Асроров, Р. Амонов, А.Н. Болдырев, М.И. Богданова, А.М. Мирзоев, И.С. Брагинский, Б.Т. Тилавов, М.Ф. Фазылов, Суфизаде А. и другие.

Историческая база исследования составлена теоретическими трудами, сочиненными отечественными и зарубежными исследователями. Она представлена монографиями, книгами, диссертационными исследованиями, посвященными вопросам народной педагогики, истории мировой и отечественной культуры, этнографией, педагогикой, психологией, философией, социологией. Сюда входят и материалы, находящиеся в фондах сектора фольклора Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия имени Рудаки АН Республики Таджикистан, Академии образования Таджикистана, Института образования Академии образования Таджикистана, Национальной библиотеки имени Фирдоуси Республики Таджикистан, Центральной научной библиотеки имени Индиры Ганди АН Республики Таджикистан, а также непосредственное исследование автора диссертационной работы за 2013-2018 годы.

В своей работе пользовались исследовательскими методами: теоретически проанализировали философскую и педагогико - психологическую, социологическую, филологическую, биографическую литературу по теме исследования; использовали такие методы, как

экспертная оценка; самооценка; беседа с каждым отдельным студентом, учащимся, родителем, педагогом, также обобщили передовой педагогический опыт; сравнительно обработали результаты исследования.

Экспериментальная база исследования. Исследовательская работа проводилась на базе Института повышения квалификации, переподготовки и методических служб учителей общеобразовательных школ Хатлонской области Республики Таджикистан, педагогического факультета Кулябского государственного университета имени Абуабдуллоха Рудаки. В процессе опытно-экспериментальной работы приняли участие 200 учащихся-старшекласников и 100 обучающихся - старших курсов.

Этапы исследования. Исследовательская работа осуществлялась в 2013-2018 годы и охватывает три этапа:

На первом этапе (2013-2014годы) были изучены и определены основные теоретические положения работы, проанализирована философская, культурологическая, педагогическая и психологическая литература; сформулированы проблема, цель, задачи и рабочая гипотеза исследовательской работы.

На втором этапе (2015-2016годы) была разработана программа исследовательской работы, в которой выявлена воспитательная ценность и использованы различные формы воспитательных традиций таджикского фольклора. Подвергнуты корректировке содержание и методы применения устного народного творчества таджиков в процессе воспитания с целью формирования нравственных и моральных качеств учеников старших классов.

На третьем этапе (2017-2018годы) на основании проведённого обучающего эксперимента проанализированы и обобщены полученные результаты по теме исследования, оформлены и завершены теоретические и практические основы исследования, сформулированы выводы и оформлена диссертационная работа.

Достоверность научных результатов заключается в том, что использованы основные теоретические положения, принятые как основа этой исследовательской работы, проанализированы данные (применен сравнительный анализ в качестве метода), полученные в ходе диссертационной работы. Ими подтверждена исходная гипотеза, проверена методика применения воспитательных традиций в устном народном творчестве таджиков, чтобы определить народно-педагогические воззрения в средних школах.

Основные положения и виды исследования апробированы на научно-теоретических и практических конференциях, касающихся различных педагогических проблем; международная научно-теоретическая конференция «Философия, математические и естественные науки: проблемы и перспективы». Курган-Тюбе, 2012; международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы профессионально-методической подготовки учителей начальных классов в высших педагогических школах». Душанбе, 2013; республиканская научно-практическая конференция «Ответственность родителей в обучении и воспитании детей». Душанбе: ТНУ, 2012; республиканская научно-практическая конференция «Семья как социальный институт и основа развития общества». Душанбе: ТНУ, 2015; республиканская научно-теоретическая конференция «Модернизация системы образования Республики Таджикистан». Душанбе: ТНУ, 2015. Результаты и основные положения диссертационной работы опубликованы в 6 статьях автора в изданиях, рекомендованных ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Внедрение результатов исследования осуществлялось на базе Института повышения квалификации, переподготовки и методических служб учителей общеобразовательных школ Хатлонской области Республики Таджикистан и Кулябского государственного университета имени Абуабдуллох Рудаки.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования

заключается:

- в выявлении фольклора как важнейшего фактора таджикской народной педагогики в процессе умственного и нравственного воспитания;
- в определении традиционных форм воспитания таджикского фольклора как видовой профилированности педагогического воздействия;
- в выявлении нравственно-поучительного характера таджикского фольклора, имеющего воспринимаемые назидания, отражающие жизнь во всем многообразии и воспитывающие способности и убеждения личности;
- в определении воспитательного резонанса таджикского фольклора как традиционных форм воспитания в развитии общечеловеческих и этнических ценностей;
- в выявлении традиционных форм воспитания в таджикском фольклоре, носящих мировоззренческий характер, определяющие нравственные установки, эстетическую направленность и приобщающие к национальной культуре, традициям и языку.

Практическая значимость исследования. На основании научно обоснованных выводов могут быть разработаны учебные пособия, в которых изучаются народные педагогические воззрения средствами устного народного творчества таджиков для воспитания таджикской молодёжи в нынешних средних школах, составлены программы подготовки педагогов при проведении лекционных занятий в институтах повышения квалификации работников сферы образования Республики Таджикистан. Все практические материалы могут быть использованы в ходе семейных воспитательских работ в семье.

На защиту выносятся следующие положения:

Умственное и нравственное воспитание учеников старших классов формируется средствами воспитательных традиций таджикского педагогического творчества.

Как форма таджикского народного педагогического творчества, устное народное творчество духовно возрождает национальную культуру, ориентированную на комплекс общечеловеческих и гуманистических интеллектуальных, познавательных, эмоциональных и моральных компонентов.

В процессе обучения и воспитания таджикский фольклор приводится в систему, при этом учитывается тот факт, что нравственное, духовное, этическое, эстетическое, этническое воспитание служат источником и средством развития национального самосознания.

Успешное использование таджикского фольклора как традиционной формы воспитания способствует эффективности учебно-воспитательного процесса и развитию основ национальной культуры у учащихся.

Структура диссертации. Введение, две главы, заключение и список использованной литературы составляют структуру диссертации. Содержание диссертационного исследования изложено в 158 п.л. Список использованной литературы насчитывает 136 наименований.

ГЛАВА I. ТАДЖИКСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИДЕЯ И ФОРМА НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ

1.1. Фольклор – важнейший фактор развития и обогащения таджикской народной педагогики

Теоретическая педагогика возникла на базе народной педагогики. Она способствовала превращению народной педагогики в этнопедагогiku. Этнопедагогика в качестве термина впервые была применена в трудах Г.Н. Волкова. Об этой науке он говорит как «об опыте народных масс по воспитанию подрастающего поколения, об их педагогических воззрениях, науку о педагогике быта, педагогике семьи, рода, племени, народности и нации. Этническая педагогика исследует особенности национального характера, сложившиеся под влиянием исторических условий» [36, 13].

К народной педагогике относят опыт и отражение этого опыта, средства и идеи фольклора о народном воспитании, а к этнопедагогике – теоретическую мысль, сферу науки. «Если бы была составлена хрестоматия двух родов – по народной педагогике и этнопедагогике, то в первую бы вошли произведения устного народного творчества о воспитании, этнографические описания традиций, связанных с воспитанием подрастающего поколения, а вторая - содержала бы отрывки из сочинений деятелей педагогической науки о народной педагогике и народном воспитании» [30, 52].

Народное воспитание посредством фольклора изучалось в течение веков. Своего глубокого обоснования оно нашло в педагогических трудах Я.А. Коменского. Коменский отмечал, что нужно обучать детей средствами родного языка. Он также подчёркивал, что педагогически эффективны фольклор и народные традиции. Я.А. Коменский в начале своей просветительской деятельности собирал произведения чешского фольклора.

В центре его выдающегося произведения «Мудрость старых чехов» находятся чешские пословицы и поговорки. «Афористичность в духе произведений устного народного творчества стала особенностью стиля творений и самого Коменского» [10, 117].

Основателем народной школы России К.Д. Ушинским выдвинут тезис о том, что первым воспитателем является народ. Отмечая высокое идейное содержание, наблюдательную силу, точность мыслей и выражений народного воспитания и его оригинальность, автор подчёркивает, что «никто не в состоянии состязаться с педагогическим гением народа» [71, 26]. В произведениях этого великого педагога говорится о неоценимой роли фольклорных произведений для детей и подчеркивается, что содержание произведений устного народного творчества близко детским впечатлениям, отвечающим каждому духовному запросу детей. Эти произведения знакомят детей с жизнью своих предшественников, с народными традициями, которые воспитывают детей гуманизму и патриотизму, формируют жизненную позицию детей и подростков. Этот выдающийся педагог справедливо замечает, что «на каждое такое произведение мы должны смотреть как на окно, через которое можем показать детям ту или иную сторону народной жизни» [71, 41].

Великим русским писателем и педагогом Л.Н. Толстым народная поэзия рассматривалась в качестве своеобразного кодекса, стержнем которого является нравственное воспитание. На его взгляд, в народной поэзии в широкой форме отражена народная жизнь, основные качества простого народа, посредством фольклорных сюжетов учащиеся узнают сам дух родного языка, народный взгляд на своё существование, на других людей.

В таджикской народной педагогике по материалам фольклора (И.С. Брагинский) проведены некоторые исследования. Так, проблемам этнопедагогической афористики посвящен ряд произведений, исследующих

афористическую этнопедагогику как единый многовидовой комплекс воспитания. Этот комплекс входит в общую систему его традиционной культуры. На взгляд исследователей, средствами народного устно-поэтического творчества можно воспитывать, сохранять и пропагандировать теоретические мысли о воспитании личности. С целью этнического осмысления содержания учебно – воспитательного процесса предполагается методика, где используется этнопедагогическая афористика.

Как было отмечено выше, многочисленные исследования посвящены народной педагогике и фольклору. В частности, В.М. Асроров в своей докторской диссертации «Литература и фольклор» рассматривает проблему воспитательного опыта таджиков. Рассматривая народное воспитание посредством анализа произведений устного народного творчества, автор подчеркивает, что ими можно приобщить молодое поколение к тому или иной ценности фольклора [12,12].

Народную педагогику необходимо рассматривать посредством содержания фольклора (Р. Амонов, А.Н. Болдырев, М.И. Богданова, И.С. Брагинский). Анализируя народную поэзию устного народного творчества, т.е. фольклора, В.М.Асроров определил совокупность его основных воспитательных идей. Он раскрыл весь комплекс народных идеалов и представлений открывающие различные стороны воспитательного процесса. Концепция, методология, практический аспект исследования, проведённый А.Н. Болдыревым в «Народном эпосе таджиков» наиболее близко подходит нашему представлению о фольклоре. В этом труде подчёркивается роль эпоса, таджикского фольклора. Он возрождает и формирует нашу национальную культуру, наше самосознание. А.Н. Болдыревым раскрывается ряд воспитательных и образовательных значений эпического произведения. И.С. Брагинский в книге «Из истории таджикской народной поэзии», выделяя ряд главных целей и задач, заключает, что необходимо развивать у молодежи таких умений и навыков и способствовать формированию такого

мировоззрения, отвечающего в большей степени тому или иному насущному интересу данного общественного строя [27, 46]. И.С. Брагинским особо подчеркивается, что у человечества возникли потребности в решении задач воспитания молодёжи. Эти духовные потребности обеспечивают непрерывный процесс человеческих изменений. Народное воспитание играет огромную роль в развитии общества, что доказано неопровержимыми фактами в истории человечества. Мудрой эпической поэзией вполне ясно расшифровываются определённые возможности воспитательного процесса. Уделяя огромное внимание народному воспитанию, которое опирается на традиции, включая народный эпос таджикского фольклора, И.С. Брагинский рассуждает о возможностях эпической поэзии в деле воспитания молодёжи. Эпосом можно передать богатый жизненный опыт, традиции, обычаи. И.С. Брагинский научно обосновывает таджикский фольклор как передающего этнопедагогические идеи. Эти идеи, как и вся народная педагогика играют заметную роль в формировании культуры таджикского народа.

Вычленение традиций воспитания в таджикском фольклоре, имеют принципиальную значимость, которые раскрывают особенности каждой национальной традиции таджикской народной педагогики и определяют ряд ориентиров национальной культуры в педагогической работе. Анализируя труды таких учёных, как Р. Амонов, В.М. Асроров, И.Н. Виников, А. Мирзоев, А. Мазори, Я. Нальский, Б. Ниёзмухаммадов, Ш. Нисормухаммадов, Суфизаде А., Б.Тилавов и др., мы выяснили, что посредством фольклора происходила передача народных знаний будущим поколениям. В фольклоре педагогический аспект в устном народном творчестве преобладал над другими. Воспитательные взгляды народной педагогики, рассмотрение идеала полноценной личности с прямыми регламентациями поведения, а также присутствие нацеленности на единения, добрые дела и добрые порывы посредством поэтического гения таджиков пережили свой век. Устное народное творчество таджиков играет огромную

роль в деле воспитания будущего поколения. Оно выделяется эпосом «Гуругли», сказками, легендами, благопожеланиями и восхвалениями, пословицами, поговорками, загадками, песнями и танцами.

Развитие таджикской народной педагогики невозможно без развития фольклора. На взгляд В.Г. Белинского, изучение народной поэзии должно осуществляться в подлинной, неискажённой форме. Он полагал, что первый долг перед современниками – это необходимость в уяснении насколько взаимосвязаны между собой народная поэзия и художественная литература: «Вопрос о народной поэзии, - говорил критик, - и теперь принадлежит к числу самых интересных вопросов современной литературы, потому что он сливается с вопросом о народности в поэзии» [15, 35].

Фольклор является одним из важнейших источников и факторов развития и обогащения таджикской народной педагогики. В свою очередь народная педагогика послужила важным фактором и источником развития таджикского фольклора, сыграла большую роль в развитии, усовершенствовании и обогащении различных воспитательных его жанров.

Влияние таджикского фольклора на народную педагогику проявилось различными путями: а) широкое устное распространение книжных афоризмов; б) распространение народных пословиц и поговорок в воспитательной обработке; в) идейное влияние фольклора на народное воспитание; г) влияние литературного языка и художественного стиля классической таджикско-персидской поэзии на народную педагогику; д) творческое вдохновение на народное педагогическое творчество.

Мы наблюдаем подлинно творческое влияние письменной классической литературы на народную педагогику в целом. Глубокое исследование фольклора и народной педагогики, отдельных жанров, творчества писателей в этом плане, как показали научные поиски И.С. Брагинского [27, 29], Р. Амонова [8] и В.М. Асророва [11, 12], дает важный

материал для более глубокого познания творческой лаборатории народа и отдельных писателей.

Такое исследование имело бы большое значение. Мы можем подчеркнуть, что вполне обоснованно вытекает следующий вывод: фольклор различными путями оказал глубокое влияние на развитие воспитания и таджикской народной педагогики.

До последнего времени взаимоотношения фольклора и народной педагогики рассматривались лишь в аспекте влияния фольклора на народную педагогику. В ряде работ крупнейшего ираниста Е.Э. Бертельса, в некоторых работах Б. Сируса, А.Н. Болдырева, А.М. Мирзоева, Ю. Салимова, в специально посвященном этой теме капитальном труде И. С. Брагинского и последней работе В.М. Асророва о фольклорной традиции в таджикской народной педагогике показаны место и роль фольклора в творчестве писателей и поэтов. Но никто из исследователей этой проблемы не попытался посмотреть на обратную сторону медали. Впрочем, возможно, это объясняется недостаточной изученностью таджикского фольклора, однако это вряд ли может служить основанием для столь одностороннего подхода к вопросу. Исходя из того, что классическая поэзия в течение тысячелетия развивалась рядом с устным народнопоэтическим творчеством, уже по теории вероятности можно было бы предположить неизбежность влияния классической поэзии на таджикское народное творчество.

Таким образом, в форме фольклора предельно ясно выражаются этнопедагогические воззрения таджиков. Как крылатые слова, ими придается речи особая острота и неотразимое воздействие на людей. Целое изречение, с одним общим смыслом называется пословицей. В ней присутствует народная мудрость и состоит она из стонов и вздохов, плачи и рыданий, радости и веселья. В пословицах реально отображается человеческий труд, желание людей за достойное проживание,

патриотические чувства, а также использование житейского опыта и наставлений, целей и убеждений в каждодневной жизни.

Для таджикского народа знание, воспитанность, благородство и человеческое счастье взаимосвязаны: «Солнце освещает вселенную, а знание - человека»; «В учении видят семя знаний, а в знании - семя счастья». Таджики всегда считали, что знания необходимо применять в повседневной жизни. Они не верили в полезность абстрактных знаний. С древних пор с пренебрежением относились к зубрежке и книжным знаниям: «Тот, кто приобретает знание исключительно по книге, он делает неправильные шаги». Осуждались люди, которые скрывали свои знания и не делились с другими, они подобны «свету в кувшине» [27, 59-60].

Таджики считали, что необходимо систематически пополнить свои знания, а народная педагогика гласила: «Учение равняется плаванию против течения: минутная остановка отнесёт тебя назад» [27, 60-61]. Таджики создавали прекрасные афоризмы, посвящённые книгам – источникам знаний: «Природа пробуждается восходом солнца, а голова просветляется чтением книг», «Самое большое наслаждение - это чтение книг», «Не прочтёшь книги в течение трёх дней - в твоей речи потеряется прелесть» и другие. [27, 62].

В течение тысячелетий таджики обобщали в народном фольклоре всю совокупность своего педагогического опыта. Фольклор в афористической форме и поучительном содержании становится выразителем дум и чаяний людей. В них отражается социальная жизнь, формируется эмпирическое представление о взглядах на воспитание. Таджики в течение веков отбирали педагогические ценности своих предшественников, которые имели отношение к воспитанию и выражали их как поучительные афоризмы.

Таджикскими народными афоризмами выражены те или иные воспитательные идеи и они, отшлифованные, насыщены определенными воспитательными задачами, дидактическими целями, которых диктует

педагогическая интуиция людей, принцип целесообразности. Совокупность мыслей, пожеланий, рекомендаций, требований народных поучений облечены в форме педагогической интуиции и педагогической целесообразности.

Краткое и лаконичное изложение каждой пословицы даёт возможность легко запоминать важные нравственные формы и правила: «Твой друг – твоё зеркало». Таджикский народ при выражении своих патриотических чувств использовал следующие крылатые фразы: «Тюльпаном украшается даже плешивая голова». Многие миниатюры таджиками сложены как однострочные: «Обойди кривую стену».

В двухстрочном афоризме главная смысловая нагрузка и общая воспитательная идея пословиц усиливается при сопоставлении первой половины со второй половиной. Это так выглядит в следующем таджикском афоризме: «Не опасны черная туча и говорливый, а опасны белая туча и молчаливый». В многострочных ступенчатых афоризмах частое повторение направляет слушателей на восприятие основной идеи пословиц: «Кто сказал, что кошка мышке, шакал курице, волк овце даёт хорошие советы?» и другие. В этом ключе таджики слагали и выражали ряд педагогических рекомендаций с опорой на жизненные потребности и с реагированием на цикл разнообразных проявлений, которых диктует условия материального благосостояния народа. Эта точка зрения прекрасно выражена П. Лафаргом: «Отходные выражения и пословицы показывают, быть может, ещё яснее, чем отдельные слова, те нити, которые связывают язык с явлениями окружающей жизни» [73. 26].

Итак, сама композиционная структура таджикского афоризма сильна своею педагогической целесообразностью, при которой не только усваивается истина, но и становится неписанным законом для людей, способствует развитию личности.

Чтобы педагогические миниатюры в воспитательном плане оказывали ещё большего влияния на молодёжь, таджики заботились о художественном оформлении своего творчества и с этой целью использовали разные художественные приёмы, поэтическую образность, словесную ритмику, тем самым придавали афоризмам яркое интонационное и смысловое звучание.

Анализируя произведения устного народного творчества, можно заключить, что они построены на смысловом параллелизме и противопоставлении, где выражение мысли в одном месте приобретает особую силу, когда противопоставляется с другим его местом. Иногда в этих произведениях наблюдается смешанный параллелизм, когда в обобщённом виде сопоставляют разных предметов, явлений и понятий. Таджикская народная поэтическая речь получает особую силу и эмоциональное выражение в том случае, когда ставится риторический вопрос: «Разве можно сравнивать то, что слышал с тем, что видел?». Согласно этому изречению, люди слышанное должны закреплять увиденным, т. е. закреплять в практическом плане.

Чтобы повышать эмоциональное воздействие на молодёжь, таджики рационально использовали всё богатство интонационных конструкций и указывали на то, что насколько музыкальны и мелодичны афоризмы. При этом, в таджикском фольклоре используются такие художественные приёмы, как сравнение, антитеза, гипербола, метафора, ирония, аллегория и другие. Большею частью таджикский народ использовал иронию, так как в художественном плане ирония - это мягкая форма осмеивания негативных явлений, притворным облечением мысли в иносказательной форме. В этом случае клубок комического и смешного специально передаётся с показом своего серьёзного вида. В скромности - человеческая красота, однако в нашей жизни бывают случаи, когда скромного человека просто не замечают и он несправедливо становится тенью других людей. На это и указывается в следующей иронической пословице: «Ферзь, который ходит вкось,

удостоился чести быть рядом с королем, бедная ладья, что ходит прямо, осталась в стороне» [75, 94].

Таджикские народные афоризмы полны гиперболами, как тропами, в которых намеренно преувеличены важнейшие педагогические понятия. Указывая на то, что насколько важно трудовое воспитание и профессиональная подготовка молодёжи, таджикский народ говорит: «Для однодневного путешествия обеспечить себя десятидневным запасом».

Для образного определения эпитетов, как скрытого сравнения, даётся дополнительная художественная характеристика тому, или иному предмету. С использованием самых разнообразных эпитетов таджики выражали свои взгляды, мысли. К тому же, благородные нравственные качества людей передаются специальными возвышенными эпитетами: «Человек нежнее цветка, крепче камня», «Золото проверяется огнем, а человек - трудом» и другие.

Всё перечисленное свидетельствует о том, что пословицы и поговорки - это народные педагогические миниатюры, где большей частью нашли своего выражения представления народа о том или ином дидактическом принципе, которым воспитывается и обучается человек. Так принцип доступности осуществляется благодаря лаконичности и краткости каждого афоризма. Афоризмы, как основа наглядности, посредством общих элементов ритмики и поэтики, включающие в себя параллелизмы, рифм, гипербол, метафор, аллегории, эпитетов, становятся образными. В композиционной структуре афоризма (однострочный, двухстрочный, многострочный), в применении повтора, напоминания, риторического вопроса и восклицания реализуется принцип прочности, систематичности и последовательности. Таким образом, «все афоризмы, отражающие условия материальной жизни общества, сокровенные чувства, мысли, чаяния народа, создают условия для обеспечения связи воспитания с жизнью» [108, 95].

При рассмотрении таджикского фольклора в качестве «цвета народного ума» и педагогической миниатюры, обращается внимание на тот факт, что они обладают ярко выраженным нравственно-поучительным характером. Характером сюжетной линии и особенностью развития действия жанры фольклора отличаются друг от друга. Так, в жанре былины они обладают героическим характером, в сказках – чудесно-фантастическим, а в лирике – жизненно-убедительным, поскольку намерения и действия персонажей в упомянутых жанрах являются различными. В связи с этим, следует говорить о нравственно-поучительном характере пословиц и поговорок.

Всё перечисленное говорит о том, что таджикское устное народное творчество в действительности обладает всеми признаками педагогической миниатюры. На взгляд В.А.Сухомлинского, народный фольклор можно представить в качестве народных педагогических миниатюр [109, 165].

В творчестве классиков таджикско-персидской литературы широко использован фольклор. Лучшие представители письменной литературы писали для народа, они старались, чтобы их мысли, призывы, мечты доходили до широких масс. «Еще в X в., т. е. с начала своего развития, таджикская классическая литература была тесно связана с народным творчеством, - пишет Е.Э. Бертельс, – дошедшие до нас разнообразные фрагменты литературных памятников X в. показывают ту огромную высоту, на которой тогда стояло воспитательное слово. Пусть эта литература обслуживала феодальную знать, но творили-то ее все же, не представители знати, а тогдашняя интеллигенция, связанная с народными массами. Нет сомнений, что многое в литературе X в. (не говоря уже о величественном героическом эпосе) связано с творчеством масс, что отдельные образы и сравнения того времени можно и сейчас найти в смешанном народном творчестве (устном и письменном)» [19, 168].

Многие классики таджикско-персидской поэзии, начиная от Абуабдуллоха Рудаки, использовали в своем творчестве фольклор, а затем в переработанном виде возвращали его народу. Народ находил в их произведениях правдивое, искреннее восприятие мира, свежесть чувств, высокие гуманистические идеи и жизнелюбие.

Известный литератор Парвиз Хонлари в своем труде «Стих и мастерство» выражает мысль, что не всё, что в прошлые века создавалось поэтами, было доступно народу и принималось им. Всегда были поэты, которым были чужды интересы простых людей, особенно жителей деревень. Парвиз Хонлари отмечает, что простые люди имели своих любимых поэтов, которые писали на простом, доступном широком массам языке. Такие стихи, говорит он, читали и пели с удовольствием. Однако народ не сохранял имена их авторов [91, 24-25]. К таким поэтам Парвиз Хонлари относит Боботахира, Пиндори Рози, Шарифшоха Гелони и других. Однако он не говорит об отношении народных масс к творчеству многих прогрессивных писателей, классиков таджикско-персидской литературы и тем самым ограничивает те источники, за счет которых постоянно обогащалось устное поэтическое народное творчество.

Еще в 30-е годы один из зачинателей фольклористики в Таджикистане А.Н. Болдырев отмечал значение их в народной педагогике и фольклоре [23, 121]. Но как бы то ни было, эта любопытная традиция в условиях прошлых веков способствовала сближению народной педагогики и фольклора, усилению их взаимовлияния. Одной из любимых тем фольклора были рассказы и легенды о необычайных доблестях, охотничьих подвигах и любовных похождениях Бахрама Гура. Легенды об этом неистовом охотнике явились темой эпических поэм, созданных в разные эпохи. Бахрам Гур - один из героев «Шахнамэ» Фирдоуси. Легенда о Бахраме Гуре у Фирдоуси законченной формы не имеет. Она представляет собой ряд исторических фактов, на которые наложены отдельные эпизоды, между собой почти ничем не

связанные. Но образ Бахрама, созданный Фирдоуси, стал популярным в народе благодаря тому, что воплощал в себе благородный идеал защитника бедных и угнетенных.

Таким образом, многочисленные поэты неустанно творили во все века. Творили по вдохновению, по традиции. Творили и для себя и для других. Об этом красноречиво свидетельствует не только огромное количество сохранившихся диванов и баязов, но и стихотворные надписи на разнообразных предметах материальной культуры.

На данном этапе при исследовании соотношения устной и письменной (классической) поэзии следует опираться, прежде всего, на систематические и осмысленные факты. Изучая проблемы влияния народного педагогического творчества на фольклор, почти не приходится ни с кем спорить, так как на эту тему в нашей литературе имеются лишь отдельные наблюдения у некоторых исследователей.

Таким образом, таджикский народ имеет не только богатейшую письменную литературу, насчитывающую свыше тысячи лет; наряду с ней он создал свой оригинальный, разнообразный фольклор. Фольклор, как важная часть устного творчества, на протяжении многих веков занимал значительное место в традиционной культуре воспитания таджикского народа.

Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский вслед за В.Г. Белинским указывали вместе с тем на необходимость дифференцированного подхода не только к различным идеологически пёстрым проявлениям литературной «народности», но и к самому фольклору, не все элементы которого одинаково народны по своему происхождению. Н.Г.Чернышевский отмечал, что, например, в духовных стихах, излюбленных славянофилами, подлинное мирозерцание народа затемнено отрицательным, чужеродным влиянием церковной письменности. Следы наносного влияния византийской книжности усматривал критик и в некоторых чертах содержания народных эпических песен – былевых и исторических. Так, был поставлен

Н.Г.Чернышевским вопрос об обратном воздействии на народное творчество древней литературы. Им же было начато изучение особенностей художественной формы устной поэзии сравнительно с книжной литературой [119, 56-57].

К началу научно-литературной деятельности Ф. Энгельса относится его работа «Немецкие народные книги», целиком построенная на материале, стоящем как бы на переходе от фольклора к литературе. Характеризуя книги для народного чтения, Ф. Энгельс уже в этой статье наметил ряд положений принципиально методологического характера. Романтическому любованию «живой стариной» он противопоставил понимание народно-поэтического творчества как активной силы, вторгающейся в современную жизнь, облегчающей «тягостный труд» крестьянина и ремесленника. Народные книги интересовали Ф. Энгельса не как «памятники старины»: в них он расслышал живые голоса людей, доносящиеся из глубины веков и помогающие массовому читателю «осознать свою силу, своё право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству» [77, 26]. Автор статьи тем решительнее протестовал против фальсификации народных сказаний в печатных популярных изданиях, против всякого рода «придатков», сделанных издателями в клерикально-назидательном духе. Возражал он и против реставрации, а тем более популяризации пережитков отсталых, суеверных представлений, унаследованных самой же фольклорной традицией. Жизнеутверждающие силы фольклора он учил не смешивать с проявлениями вековой отсталости в самом же народном предании.

Ф. Энгельс восхищался народными песнями. В истинно народных сказаниях он находил «больше глубины и поэзии», чем в произведениях современных ему литераторов. Обращение одного из них к народному сказочному фонду, как к источнику, вызвало его сочувственный отклик [78, 5]. Мысль о плодотворности сближения творчества писателей с народной

поэзией, с её исконно реалистическими традициями проводилась Ф.Энгельсом и в ряде более поздних его сочинений.

Но творческое освоение фольклора нельзя смешивать с антиисторическим, реставраторским его использованием, указывал К. Маркс: попытки французов XVIII столетия создать эпос по образцу древнегреческого привели к тому, что взамен «Илиады» появилась «Генриада» [77, 35]. Греческое искусство и эпос, писал К. Маркс, «еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца», но они связаны с известными общественными формами развития. «Возможен ли, - спрашивал он, - Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще «Илиада» наряду с печатным станком и типографской машиной?» [77, 37-38].

Знатоки фольклора многих веков и народов К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали народное творчество как отражение реальной исторической действительности, ценное в познавательном отношении, и в то же время как могучее средство воспитания масс. Пословицы и поговорки в этом отношении могут послужить ярким примером.

На взгляд В.Г.Белинского, фольклор и народная педагогика должны сближаться друг с другом. Одновременно он отчаянно боролся с вульгаризаторами данной мысли, которые в народности видели маскарадное изображение понятия «простонародность». Он также боролся со стилизаторскими подделками народного творчества. По мнению В.Г. Белинского, художник может на законном основании использовать изобразительные средства народной поэзии. Но это возможно только в том случае, если это творческое использование, при котором не снижается идейный замысел своей будущей поэзии или прозы, а мышление не останется неразвитым и примитивным. Идеи, высказанные В.Г. Белинским, были поддержаны Н.А. Добролюбовым и Н.Г. Чернышевским. Н.А.Добролюбов и Н.Г.Чернышевский с особой отзывчивостью и чуткостью

принимали появившиеся в то время новые публикации и исследования. Они поддерживали обнародования каждого этнографического и фольклорного материала, подчёркивали общественное и историческое значение этих материалов. В 1854 году мир познакомился со сборником Н. Берга «Песни разных народов» и с рецензией Н. Г. Чернышевского на этот сборник. Касаясь народной поэзии, он отмечает, что «до сих пор остаётся единственной поэзией массы народонаселения; поэтому она интересна и мила для всякого, кто любит свой народ. А не любить своего родного невозможно. Другое достоинство её - чисто учение: в народной поэзии сохраняются предания старины. Поэтому важность её неизмеримо велика, и посвящать свою жизнь собиранию народных песен - прекрасный подвиг» [120, 308].

Нации и народности самобытны и вносят свой посильный вклад в развитие общечеловеческой культуры. Таджикский народ не остаётся в стороне от этого дела; все передовые, прогрессивные и положительные в воспитании и обучении идеи он вносит в современную педагогическую науку. В настоящее время целый ряд этнических ценностей становятся педагогическими ценностями. Определяя цели и задачи образовательного процесса, приоритет отдаётся предпочтительному положению в общественной жизни. Но при этом, актуально и неизменно то, что является с самого начала национальным, (народным) ядром, заложенным в них. В его содержании тесным образом переплетены демократические и гуманистические традиции общеобразовательного учреждения с народной педагогикой.

Назначением таджикского фольклора является развитие и усовершенствование склонностей, влечений и эмоций, чтобы они стали разумными. Воспитание и есть достоинство, т.е. взаимное проникновение разумного и чувственного в человеке. В самом деле, художественное воплощение в фольклоре имеет сложную структуру, но воссоздание идеала

совершенного человека является главной целью педагогической и дидактической значимости таджикского народного творчества. Человек в идеале или же идеал в человеке является центральной темой таджикского фольклора. Особенно в рубаи (четверостишия) показывается человек во всей сложности его интеллектуально-нравственного мира и его отношения к окружающему миру.

Достижение таджикского фольклора в традиции воспитания заключается в том, что в различных социально-исторических ситуациях провозглашает человека главным предметом фольклора. Человеческий и гуманистический характер предмета и назначение таджикского фольклора в том, что целью различных художественных воплощений является «человек во времени», «человек в идеях», создание «очеловеченных» обстоятельств жизни.

В различных жанрах таджикского фольклора, в качестве главного предмета и главной цели выступает человек созидательный, преобразующий и человек величайшей творческой активности. В сюжетах пословиц, поговорок, а также сказок-загадок содержится то или иное морально-эстетическое положение.

Создание и разрушение загадочных эпизодов приводят в конце к развязке, т.е. нравоучительной ситуации. Пословицы и поговорки – это явление таджикского языка, так как он оформляется по грамматическим законам; это явление мысли, ибо они представляют собой суждения или умозаключения, и наконец – это явление таджикской народной педагогики, - имеет яркую, но и простую форму морально-этического характера. К сожалению, эта особенность пословичных изречений не всегда принимались во внимание при изучении народно-педагогического творчества таджикского народа, ибо пословично-поговорочные предложения бывают простыми и сложными (по синтаксическому типу), имеют разные «цели высказывания» (т.е. могут быть утвердительными или отрицательными), имеют модальность

(могут быть повествовательными, побудительными или вопросительными). Загадки являются ценным и своеобразным жанром таджикского фольклора. Загадки по своей внешней (композиционной) структуре близки к побасенкам (также состоят из короткой цепочки предложений и изображают какую-то элементарную сценку), а по своей внутренней (логико-семиотической) природе не сходны с ними, так как являются знаками отдельных вещей. По форме загадки состоят из предмета загадки и формулы, содержащей признаки предмета, т.е. этнические и этические признаки. Мораль, в таджикском фольклоре совпадает непосредственно с тем, что называется добродетелью, нравственностью, добропорядочностью, так как мораль предполагает осознание долга и действие согласно этому осознанию. Этот долг, в таджикском фольклоре рассматривает как закон.

Таджикский фольклор как памятник народного воспитания, принимая к себе и мифы и сказки, формирует связь между природой и обществом, между бытием и сознанием, которая лежит в основе художественно-эстетического идеала. Первоначально, представляется – одновременно предмет – мысль – действия. Именно эта ступень формирования фольклора существует не как «чистая» художественная мысль, а одновременно и как ее плоть (вещь), и как акт, действие и процесс создания и воссоздания. Вся суть таджикского фольклора в том, что он одновременно охватывает основные формы человеческого бытия. Но, разумеется, в различных его жанрах на первый план выступает воспитательно-преобразующая деятельность. Равновесие, симметричное (т.е. внешняя, количественная гармония), соотношение противоположных сторон, производящие, в общем впечатление статичности при том, что внутри каждого жанра таджикского фольклора идет непрерывное превращение ситуаций: герой, бывший правым в одном эпизоде, непременно в последующей уже оказывается виноватым, затем каким-то действием он вновь обретает правоту, однако в следующем эпизоде непременно идея морализации человека, т.е., та морализация, которая потом

становится рассудочным дидактизмом, и который носит эстетический и нравственный характер. Характер человека в таджикском фольклоре обусловлен тем, что нормы общественной морали вытекают как внутренний позыв личности, способного к самоопределению.

В таджикском фольклоре существует платформа для познания человека, что человек отражается принципиально иным способом: он предстал не сам по себе, а как разновидность человек рисуется так, как он выглядит со стороны (субъектом познания выступает общество). У человека возникает потребность обрести стержень, положительную определенность внутри себя. «Нрав» - и есть это средоточие человека, его центр тяжести, следовательно, необходимо традиции воспитания и таджикский фольклор ставить сознательно в учебно-воспитательном процессе. Сознательно собирать таджикский фольклор, так как фольклор впитывает в себя идеи воспитания.

Предметно-образный состав таджикского фольклора отличается национальным своеобразием. В таджикском фольклоре находят отражение реальные события и факты о духовной жизни таджикского народа, его быта, обычаев и нравов. Рассказы, народные обрядовые песни, загадки, предания, сказки, пословицы и поговорки как фольклорные жанры отражены в нравственных представлениях таджикского народа. В иносказательной форме в этих фольклорных жанрах такая черта таджикского фольклора, как утверждение незыблемых нравственных ценностей духовного начала и доброты – высшего мерилы человеческих поступков. Главное в человеке – это «сердце», именно это составляет суть человека, как такового. Воспитательные ценности таджикского фольклора очевидны, так как цель фольклора заключается в развитии самых различных человеческих склонностей, страстей и стремлений. Фольклор помогает перечувствовать все богатство человеческих переживаний – высоких и низких, прекрасных и безобразных, радостных и горестных тем самым обогащает таджикский

стиль воспитания. Различные жанры таджикского фольклора вызывают самые различные переживания. Однако противопоставление чувства и представления развивают и укрепляют морально-этические нормы. К этому контексту близка и другая позиция – позиция о высшей цели фольклора в совершенствовании педагогической и дидактической мысли таджикского народа. Определяется и тем, что говоря о традиции воспитания в таджикском фольклоре, имеется в виду и нравственное совершенствование. Различные жанры таджикского фольклора имеют воспитательные цели, моральные наставления и назидания. Формы выражения воспитательной цели различны, но имеют общие педагогические наслаждения. Отсюда следует, что таджикский фольклор является одной из форм нравственного воспитания. Конечно, определение моральной стороны таджикского фольклора не простая задача, но фольклор всегда связана с морально-этическим наслаждением. По-своему содержанию и значению таджикский фольклор, будучи взаимопроникающим, входит в качестве необходимых элементов воспитательного процесса.

Выявить эстетическую и нравственную природу таджикского фольклора, означает установить глубоко запрятанные в предмете, в материальной жизни – то же содержание и идеи заложенной внутри – образной формы различных жанров. В таджикском фольклоре создана особая жизненная и историческая ситуация, в силу которой фольклор стал как бы средоточием национальной жизни. Образы, тем самым созданы коллективным творчеством. Их авторы – жизнь, народ, превращающие поведения, обобщающие в них знание и себя и действительность.

Соединение современного воспитания с прошлым – народным, прогрессивным, т.е. соединение общественной любви, патриотизма открывает способ непосредственного слияния с таджикской народной жизнью, который был так ярко выражен в таджикском фольклоре. В чувстве родины человек обретает и чувства своей личности, осознает себя, как

личность и гражданин. А. Блок с гордостью писал: «...чем более пробуждается во мне сознание себя как части этого родного целого, как «гражданина своей родины» и тем громче говорит во мне кровь ...» [36, 21].

Чувство «гражданина своей родины» и чувство нравственного достоинства человека, личности, ее права на свое видение мира, ценность этого особого, от души, индивидуальности идущего видения и чувствования все это слилось воедино в таджикском фольклоре.

Народная педагогика, как и педагогическая наука, должна в гораздо большей степени, чем это имеет место сейчас, быть связана с современностью, с потребностью воспитания. Это общепризнано. Трудность заключается, однако, в том, чтобы найти конкретные воспитательные ценности народной педагогики, способные на деле приблизить ее к современной педагогической науке. Рассматривая роль педагогической культуры в современной педагогике, мы должны исходить из общего соотношения теории и практики воспитания, в особенности из чего нового мы можем обогатить педагогическую науку.

В каждом подлинно народно-поэтическом творении перед нами встает целый эстетико-нравственный идеал – педагогический материал, который перерабатывает в соответствии со своей внутренней логикой, неотделимой от закономерностей развития педагогической культуры в целом и, в конечном счете, обусловленной общими закономерностями развития личности.

Человек и жизнь народа является предметом народной педагогики и духовное совершенствование человека должно находиться в фокусе внимания педагогической науки. Только такая постановка вопроса способна подвести к нашей жизни, к новому человеку, к современному духовному сознанию, к педагогической практике, к теоретическим и практическим вопросам, имеющим актуальные значения в воспитании. Формирование «человека во времени», «человека в его идеи», создания «очеловеченных» обстоятельств жизни и т.п., является назначением народной педагогики.

Создание «формы жизни» служит тем единственным, путем, которому стремилась народная педагогика. В полной мере это следует отнести к понятиям предмета и назначения таджикской народной педагогики, так как «имя чего» познается и изображается в различных жанрах народно-педагогического творчества.

В таджикском фольклоре не ограничивается положение о человеке как познавательной функции. Действительно, истинным содержанием различных жанров народно-педагогического творчества является человек и человеческая жизнь, а также эстетические и нравственные потребности человека.

Созданная таджикской народной педагогикой теория и практика воспитания имеет действенный, творческий характер. Помочь человеку осознать и прочувствовать красоту и безобразие тех или иных характеров, поступков, действий, мыслей, чувств, обстоятельств, – таково величественные назначения народно-педагогического творчества таджикского народа – учебника жизни.

1.2. Нравственно-поучительные идеи в поэмах и сказаниях фольклорного содержания

В диванах Джами есть и строфические формы нравственной поэзии. Это «тарджибанд», составленный из нескольких газелей, написанные единым стихотворным размером, каждый из которых имеет свою собственную монорифму; газели-строфы заключаются одним и тем же повторяющимся в виде рефрена бейтом. Более усложненное строфическое стихотворение – «таркиббанд», в котором строфы – газели завершаются каждый раз новым бейтом, а завершающие бейты образуют самостоятельную газель. И «мурабба» – четырехстрочник, редкий вид строфической газели, где каждая

строфа состоит из четырех строк с монорифмами. Нравственно-поучительные строфические стихи Джами близки народному песенному творчеству. Газели Джами вошли в репертуар народных певцов, афористические строки его стихов получили широкое устное обращение как народные пословицы. Помимо этих распространенных форм средневековой поэзии, представленных в настоящем томе, Джами творил и в других, более сложных поэтико-педагогических формах.

Лирика Джами предлагает современному читателю несколько непривычную для него систему педагогических ценностей. Читая газели, нельзя не заметить в них некий повторяющийся круг мотивов и образных средств. В этом кажущемся однообразии следует видеть определенную общепедагогическую и общедидактическую норму эпохи, отличительные черты национальной педагогики.

«Пятерицу» Джами завершает поэма об Александре (Искандаре - в персидском употреблении). К XV веку таджико-персидская литература накопила уже многовековой опыт воссоздания образа Александра Македонского. Исследователи отмечали, что восточная трактовка образа Александра существенно отличалась от западных «александрий» - рыцарских романов о подвигах великого полководца, о завоевании им стран и победах над фантастическими чудищами. Восток воспринимал Александра Македонского, прежде всего, в его связи с Аристотелем, и центр тяжести в повествовании об Александре перемещался на вопросы политического управления страной, теорию военного дела, систему философско-этических учений. Уже в VI веке на Ближнем Востоке сложилась традиция придавать Александру черты идеального правителя.

Восточные «александрии» сближаются с жанром «зеркала», адресованного правителям. Эти романы, где действующим лицом выступает и Аристотель, были одновременно и занимательным чтением, и

своеобразными энциклопедиями, из которых можно было почерпнуть необходимую сумму научных представлений.

Как своды дидактической мудрости создавших их эпох, восточные сказания об Александре интересны и ценны не только с историко-педагогической точки зрения, но и, в частности, для воссоздания истории педагогических учений на Востоке.

«Книга мудрости Искандара», созданная Джамии (она насчитывает 2315 бейтов), в этом отношении наиболее показательна. У Абдурахмана Джамии, по сравнению с предшественниками, идеальный правитель получается наиболее завершенным образом. Идеальный правитель в лице Александра Македонского у Фирдоуси (934-1020гг.) в основном представляется завоевателем. У Низами он ратует за справедливость, у Дехлеви представляется блестящим венценосцем, который устраивал пышные дворцовые празднества, а у Абдурахмана Джамии Искандар в основном воин, борется за идеалы справедливости и гуманизма на земле, освобождает обездоленных и бесправных и в нём воплощается народная мечта о справедливом шахе.

На взгляд Абдурахмана Джамии, правитель, в первую очередь, должен быть просвещенным. Прежде чем сесть на трон, - полагает Джамии, - его с самого детства должен воспитать и обучать мудрый наставник, как, например, Александр получил воспитание и образование у великого философа Аристотеля. Только после этого шах может править над людьми. Однако, став венценосцем, правитель обязан заботиться о своём народе, ежедневно советоваться с каждым мудрецом.

Искандар у Абдурахмана Джамии обращается к шахам со следующими словами:

Если царь не будет мудрецом,
Он родину не озарит венцом.

И если царь в невежестве погряз,
Он – горе для народа и для вас...[3, 24].

Последователь Низами, поборник гуманистических идей, Джами опережает Низами в этом плане. Перед нами демонстрируется развернутая картина идеальной страны, в которой нет войны, нет ни одного господина, ни одного раба. Это идеальное государство характеризуется равенством людей, свободным трудом и справедливостью. Оно не нуждается в шахе:

То город был особенных людей.
Там не было ни шаха, ни князей,
Ни богачей, ни бедных. Все равны,
Как братья, были люди той страны.
Был труд их легкий, но всего у них
В достатке было от плодов земных.
Их нравы были чисты. И страна
Не ведала, что в мире есть война.
У каждой их семьи был сад и дом,
Не заперт ни затвором, ни замком...[3, 26].

Самым широко известным дидактическим произведением Абдурахмана Джами считается «Бахористон» (Весенний сад). Это бессмертное произведение - венец литературно-педагогического творчества Джами.

В последние годы своей жизни Абдурахман Джами, сочинил «Бахористон» (Весенний сад). В этом произведении изложены гуманистические идеи поэта. Доходчивое и увлекательное изложение этих идей Джами принесли огромную популярность «Бахористону». В первую очередь, он подразумевал воспитание юноши, олицетворенного образом

сына поэта. Десятилетний сын Джамии - Зийааддин Юсуф получил в дар от отца Джамии «Бахористон», и некоторые другие поучительные вставки, имеющие место в поэме.

«Бахористон» (Весенний сад) является ответом поэме Саади «Розовый сад» – «Гулистон». В «Гулистоне» (Розовом саде), как и в «Бахористоне» (Весеннем саде) - восемь глав, которых Джамии называет «садами». Джамии в самом начале «Бахористон», обращаясь к читателю, приводит такие слова: «Прошу того, кто начнет ходить по каждому саду. В этих садах отсутствуют шипы и спрашивания дара, сухая трава и требование награды: когда проходите по этим садам, озираясь по сторонам, скажите добрые слова садовнику и хвалите его, ведь он тяжким трудом, обливаясь кровью, вырастил каждый сад, выхаживал каждого из них, отрекшись от жизни».

В первой главе «Бахористон» (Весенний сад) приводится поучительная жизнь того или иного знаменитого шейха или мудреца; вторая глава полна изречениями наших известных предшественников; в третьей главе приводится рассказ о справедливых делах правителей. Щедрость, великодушие и благородство составляют стержень четвертой главы, пятая глава посвящается теме любви и верной дружбы. В шестой главе собраны анекдоты, посвященные жизнедеятельности великих предшественников, приведены забавные притчи. Седьмая глава посвящена поэзии, в главе приводится краткий очерк о природе эстетики стихов, а также небольшая антология великих поэтов, творивших в X-XV веках, с приведением тридцати девяти имен: Рудаки, Дакики, Фирдоуси, Насири Хусрав, Низами, Муиззи и др. Восьмая глава «Бахористона» (Весенний сад) состоит из басен, а роль персонажей предоставлена животным.

Таким образом, «Бахористон» (Весенний сад) представляет собой своеобразную энциклопедию, посвященную жизни и нравам всех слоёв населения, которые жили в 15 веке.

Художественная манера изложения «Бахористона» тождественна с «Гулистоном», т. е. использована орнаментированная проза – садж – вкрапленные стихи. Подобно произведению Саади, язык «Бахористон» предельно прост и ясен. К мерным строкам садж, и иллюстрируемым стихам, сближаются народные пословицы, в то же время, эти назидательные и юмористические новеллы-притчи своим сюжетом могут соприкасаться с устным народным творчеством. В произведениях обоих поэтов сближается активный гуманизм, с которым связан замысел этих двух поэм. Со стороны Джамии были развиты и продолжены такие темы поэмы «Гулистон», как справедливость, нравы дервишей, любовь и молодость. Одновременно со стороны Джамии введены многие новые сюжеты. Структура новелл Джамии отличается разнообразностью. Можно говорить об усилении назидательного начала произведения: каждая глава «Бахористона» состоит из небольшого введения, называемого «Фоиде» – «Польза», с кратким изложением общего смысла глав. Завершением этого введения является соответствующее стихотворное резюме. К примеру, «Польза» четвертой главы, названной «О деревьях щедрости и благородства, которые дают плод своих цветов даром», имеет следующее звучание: «Щедрость – это дарение без помыслов корысти и надежды на воздаяние, даже если под воздаянием понимается искреннее восхваление или благодарность.

Кто щедр? Не тот, кто хочет воздаяний
За проявление щедрости своей:
Здесь корень дела – купля и продажа.
Нет ни добра, ни благородства в ней!

Кто проявляет щедрость ради славы –
Зачислен дом хозяина того

Не в город щедрых, в город благородных,
А в сторону, за стенами его!» [3, 39].

Утверждая идеал справедливости, Абдурахман Джами также предъявляет некоторые нравственные требования к каждой личности. Они подразумевают благородство помысла и действия, верности и доброжелательства в отношениях между людьми. На взгляд Абдурахмана Джами, человеческая личность ценна не тем, что она происходит из знатного рода, не тем, что она из высшего сословия и богата, а тем, что красив её духовный мир, сильна она умом и знаниями.

Таджикская народная педагогика обосновала идею о том, что все дети имеют право на всеобщее обучение. Согласно этому, Джами советует пользоваться методом беседы в процессе обучения, цикл умственных занятий, физических упражнений и игру нужно проводить в сочетании друг с другом. Он ратовал за коллективное обучение, т.е. все учебные занятия независимо от вида нужно строить таким образом, чтобы дети обучались вместе, так как именно тогда «они станут дружить, с уважением относиться друг к другу. Усваивая учебные материалы, превращают занятия в соревнования, но при этом одни дети оказывают помощь другим, что в итоге это становится предметом их гордости. Дети также обмениваются «хорошими привычками».

Интересные мысли по вопросам нравственного воспитания высказаны Аттаром. Давая высокую оценку некоторым нравственным качествам (правдивости, честности, справедливости), поэт высказывает об обязательном учёте «нравственных особенностей личности и некоторых её вековых традициях, побуждающих к «праведным делам». В гуманистических воззрениях мыслителя особое место занимают дружба и товарищество. Опираясь на народную мудрость, отмечает, что есть истинные друзья и ложные, нужно отличать их друг от друга, дружба должна подразумевать

совместную трудовую деятельность. Трактат Аттара «Мантик ут-тайр» (Разговор птиц) поведает об умном друге – добром советчике и о его выборе.

Всю свою жизнь Саади посвятил развитию прогрессивных педагогических идей (тридцать лет объездил он весь Ближний Восток и искал справедливость в этих странах). В знаменитых произведениях – шедеврах, т.е. в «Бустоне» («Плодовый сад») и «Гулистане» («Розовый сад»), написанные поэтом в пожилом возрасте, он подобно своим предшественникам, в первую очередь, ставит вопросы труда, любви и уважения к трудящимся. Саади каждому юноше даёт следующие советы: «Трудись для себя и для других. Не будь прихлебателем трапез чужих» [105, 139].

Главным наследием Низами, послужившим учебником воспитания, является собрание шести его поэм – месневи: «Семь портретов», «Книга славы» и «Книга счастья». Две последние слиты в одну - «Книгу Искандера» (Александра Македонского), и, таким образом, это собрание поэм признано последующими поколениями единой *пятерицей* (хамса), канонизированной как особая жанровая форма, предмет бесконечных подражаний и перепевов, «ответов» и поэтического соревнования (назира).

«Сокровищница тайн» - дидактическая поэма, состоящая из большой вступительной части и двадцати глав («макала», то есть «речь», «беседа»), содержащих нравоучительные притчи. Традиция составления подобных «обрамленных» и «сцепленных поэм», когда в общую «рамку» повествования либо назидания инкорпорируются различные сюжеты, восходит к древнеиранской литературе: жанр дидактических сочинений - «андарзов», типа поучений Хосрова Ануширвана и др. В классической поэзии таковы поэмы Рудаки (в том числе, например, обрамленная «Калила и Димна») и его ближайших преемников, например, Шукури Балхи «Афарин-наме», а особенно дидактическая «сцепленная» поэма Санаи «Хакикат-ул-хакоик».

Основное содержание поэмы – тема справедливости и идея справедливого управления. При определенной традиционности темы и композиции поэмы Низами (в частности в разработке ее художественной формы) уже относительно оригинален, о чем он и сам говорит: «Создал я новые чары, облик из новой формы отлил» [20, 63].

Поэма, следовательно, в понимании Низами, это не простое собрание увлекательных притч, это апостол правды в яркой дидактической форме.

Высокий стиль поэмы вызван отнюдь не погоней за риторическими красотами, но также обусловлен пониманием особой миссии самого слова, являющегося ключом к сокровищнице тайн – открывающим, и закрывающим ее. Почтительное тайн – отношение к поэтическому слову сказывается в филигранной отделке его, в использовании полисемантической для многозначных ассоциаций, которые окутывают бейты дымкой намеков и сложных метафор, возвышают образы, подымая их смысл со ступеньки на ступеньку.

Говоря в одной из притч о нравственном бремени, возлежащем на людях, стремящихся к справедливости, Низами заключает:

Не стану повторять (ведь это неучтиво),
Что дело Низами – бремя свое нести [20, 49].

Высокие идеи, высокие помыслы, высокие слова, высокий стиль – таково понимание ответственного, необыкновенного поэтического бремени, которое добровольно, любовно и самоотреченно взвалил на себя поэт – апостол правды. Правда же эта относится, прежде всего, к человеку, к человечеству.

Это правда о положении человека в обществе, основанном на угнетении людей:

Взгляни на век наш: от бесчеловечности
Ведь страшится человека человек [20, 51].

Это правда о том, как должна быть устроена жизнь людей – на началах справедливой взаимопомощи и служения друг другу:

Служение – вот свойство человечности,
Служение – вот честь для человека [20, 52].

Изображение человека для Низами, начиная с этой поэмы, означало раскрытие богатого внутреннего мира, освещение всех его уголков. Личность человека показана во всем ее богатстве, со всеми ее противоречиями, взлетами и падениями. К этой верной формулировке следует добавить лишь уточнение: «было открыто показано (причем впервые в эпосе), ибо в скрытом виде, на втором глубинном уровне, это было осуществлено уже Фирдоуси, а еще раньше – в лирике Рудаки. У Низами нет деления на внешнее и существенное изображение человека, он начинает с сущностного раскрытия человеческой психологии. Мы наблюдаем у него другое: излюбленный им прием дублетов по отношению к персонажам приводит (отмеченный исследователями) к тому, что появляются герои - двойники, при котором над первым персонажем возвышается двойник. Само педагогическое изображение в соответствии со своей логикой и требованиями жизни определяет роль первого персонажа и многочисленных двойников.

К примеру, Фархад – один из наиболее высоких, идеальных характеров, имеет отношение к двум парам. К первой паре относят городских мастеров - верного и благородного товарища, художника Шапура и «двойника» - титанического образа, которым является архитектор-каменотес Фархад. Ко второй паре относятся любящие люди; первым из них является шах Хусрав, а ко второму относят его «двойника» - того же величественного своєю

самоотверженной любовью Фархада. Фархад, сказочный богатырь, единожды в жизни полюбил; он полюбил Ширин с первой же встречи с ней, по голосу ее, который слушал из-за занавеса, но полюбил любовью, которая «сильна, как смерть». Простодушный, великолепный в своей наивно-чистой вере в людей, он, совершивший невозможное ради соединения с Ширин, которая была ему обещана, расколовший и разметавший неприступную скалу Бисутун, с легкостью необычайной, видя, как спотыкается о камень конь Ширин, возносит на руках ее вместе с конем к замку, на высочайшую горную вершину, он, несравненный и неповторимый Фархад, на пороге торжества своей любви падает сраженным и испускает дух, едва услышав весть (ложную, намеренно измышленную) о смерти Ширин. Его поистине великое сердце, выдержавшее все, не может и мига биться, если нет в живых его Ширин.

К двум парам имеет отношение и Хусрав: к первой, как было отмечено выше, относят Хусрава и Фархада, а ко второй – Хусрава и Ширину, где в лице искренне и глубоко любящего Хусрава, мы видим ведомого, а в лице Ширин – ведущую, у которой более возвышенный характер. Хусрав вначале показан эгоистичным, легкомысленным, нерешительным ни в любви, ни в управлении царством. Не будучи способен на прямое убийство, чтобы убрать Фархада, он идет на коварство, - это он послал гонца, чтобы сообщить Фархаду ложную весть о мнимой смерти Ширин: удар был рассчитан подло, но точно. При этом у Хусрава всегда наличествуют, однако, хорошие и добрые задатки (Низами не доходит до той изобличительно-сатирической критики царей, до которой дошел его предшественник Фахриддин Гургани). Под влиянием же Ширин Хусрав преобразается, становится одновременно и справедливым правителем, и верным в любви. Апофеоза достигает его любовь тогда, когда он оказывается заточенным в тюрьму своим сыном – узурпатором: в страданиях очищается страсть. Ночью рядом с ним в темнице спит его верная Ширин. Врывается подосланный убийца и наносит

смертельный удар Хусраву. Он умирает, но и в последние минуты не разрешает себе нарушить спокойный сон Ширин, на короткое время уснувшей после хлопот тюремного дня. Хусрав возвышается здесь до подлинно трагического героя. И все же Ширин всем своим образом возвышенной и Хусрава, и Фархада. Она доказывает это не только своей смертью, - после того, как она увидела мертвого Хусрава, она закаляется, «не желая расстаться ни при жизни, ни при смерти». Вся жизнь Ширин – это сплошной подвиг. Если Фархад – это само воплощение жертвенной, но слепой любви, то Ширин, не уступая ему в жертвенности, воплощает великую любовь, ясновидящую, мудрую, вдохновляющую и преобразующую людей.

Во вступительной части Низами, переключаясь воззрениями, пишет:

Что ты шею свою подставляешь под каждый удар?
Как ты можешь мириться с насильем любим? [20, 59].

Если Низами говорит о смирении, то не перед насилием человека, а в высоком смысле слова (Низами признает вообще только высокое, высокий смысл), имея в виду самосовершенствование человека в страданиях и испытаниях перед лицом божества, не для того, чтобы пасть ниц, а для того, чтобы духовно подняться. Этой мыслью пронизана одна из глав вступительной части: «Смиряться, дабы возвыситься».

Свою любовь Маджнун так характеризует в песне:

С молоком вошла в тело мое эта тайна любви,
Лишь с душою она тело покинет [20, 60].

В четвертой поэме, «Семь красавиц», самом виртуозном произведении

Низами, совмещены две темы – идея справедливости и образы чистой любви. Главным героем является, как и в поэме Хусрав и Ширин, историческое лицо, то есть сасанидский царь Бахрам Гур, окруженный легендами и воспетый уже Фирдоуси. Следовательно, сюжет восходит к древнеиранской традиции, но разработан совершенно самобытно. При этом поэт открыто характеризует свою эстетику – от высокого к более возвышенному, когда говорит, чем отличается его поэма от изображения Бахрама Гура у Фирдоуси:

Два художника чарованием слова
Древней монеты чекан обновили:
Один – в серебро неподдельное медь превратил,
А другой серебро превратил в чистое золото [20, 69].

Бахрам Гур, подобно Хусраву, представляется как вольнолюбивый, буйный человек, ему свойственны эгоизм, необузданность страстей, прожигание жизни в утехах. Лишь под воздействием любви и житейской мудрости Бахрам преобразуется и становится справедливым царем. Любовь воплощена в образах семи красавиц, которые рассказывают Бахраму семь красочных новелл. Житейская мудрость воплощена в образах семи невинно осужденных людей разных профессий, освобожденных Бахрамом из заточения и рассказывающих ему семь новелл о своих жизненных судьбах. Каждая из новелл – шедевр художественной инкрустации и по наполненности яркой, но правдоподобной фантастикой, по включению загадки в сюжет «сказки в сказке», и по сцеплению эпизодов, и по прелести языкового оформления. Любовная фабула развивается и подымается от изображения чувственной любви в первых новеллах к чистой и непорочной – в последних.

Вершиной творчества Низами являются две поэмы, объединенные в «Книге об Искандере». И здесь поэт прибегает к античной традиции,

использованной уже Фирдоуси, и здесь он, как всегда, самобытен, и здесь верен себе в подборе темы – не обыкновенной, а высокой.

Во введении поэт говорит о своем сюжете:

Более славного повествования

Не находили еще правдивые люди [20, 76].

Героями-«двойниками» в обеих частях поэмы являются разные ипостаси одного и того же прототипа – Александра Македонского. В «Книге славы» - это Искандар, могучий воин, ратоборец справедливости. В «Книге счастья» - это Искандар - мудрый, апостол правды, пророк грядущего.

В «Книге славы» показана дружба Искандара с Аристотелем (то есть герой-двойник – воплощение мудрости, в то время как Искандар – воплощение и мудрости, и дела), рассказывается о шести его триумфах – победоносных походах против царей-тиранов по просьбе угнетенных стран для облегчения участи народов и знаменательной неудаче в седьмом походе – за живой водой. Здесь Искандар еще не заслужил бессмертия, хотя образ его возвышеннее Бахрама – даже в пору справедливости последнего. Еще предстоит, однако, новая ипостась Искандара.

В «Книге счастья» Искандар уже другой – это мудрец, ведущий философские споры с семью античными философами. В результате Искандар поднимается еще на одну, самую возвышенную, ступень – он удостоивается божественного откровения, получает «Книгу мудрости» - свод идей Сократа, Платона и Аристотеля и становится глашатаем, пророком истины и справедливости.

Характерно, что в «Искандар-наме» нет уже того обыгрывания слова и нарочитости, которая свойственна другим поэмам. Эта поэма – завещание Низами, завершение его пророческой миссии. Возвышенность самой идеи

придает значительность слову без всякой искусственности и, главное, требует общедоступности, общенародности и понятности.

Сжатый анализ поэм прямо подводит к выводам. Нравственный идеал Низами – это, как и для всех великих поэтов, человеческая личность, и, как четко проявляется в его «Пятерике» (Хамса), личность необыкновенная, романтическая, идеальная, сливающаяся с личностью самого поэта, с его пророческой миссией.

В нашем обществе «повышается степень национального самосознания, формируется чувство любви к Родине, патриотизма, гордости за свою Родину, уважение к богатому национальному культурно-историческому наследию и обычаям, интеллектуальному наследию, которое пронизывает очень глубоко национальную идею нашего общества». В связи с этим каждая мысль «Фихи мо фихи» служит школой воспитания подрастающего поколения. Джалаладдин Руми в этом произведении, через наставление старается объяснить человечеству великую правду. Например: «Самым плохим из учёных является тот учёный, который посещает эмира, а самый лучший из эмиров, тот эмир, который посещает учёных».

Таджикско-персидская афористическая поэзия также представлена восхвалениями, которые малоизученны. Они произносятся тогда, когда есть особые торжественные случаи. Содержание, тематика и поэтический строй восхвалений различны. Подобно многим другим видам, относящимся к афористическим произведениям, восхваления отражают народную педагогику, её воспитательные особенности в качестве элементов. Они являются выразителями этических и моральных норм, которых выработала многовековая практика таджиков. Восхваления также отличаются образностью и стройной формой и тем самым они украшают эпическое или сказочное повествование. Сказки, легенды и предания обильны восхвалениями, прославляются богатыри. В функцию восхвалений входит славословие. Долгое существование и жизненная сила восхвалений

подтверждается тем фактом, что их в большом количестве можно наблюдать в той или иной поэме и посвящаются победителям - всаднику и его коню. Борцовские соревнования делятся на две стороны и участники этих соревнований, используя меткие и емкие эпитеты, возвеличивают своих богатырей. Структура восхвалений ритмична, они обладают глубоким содержанием и большим нравственным зарядом.

Таджикское устное поэтическое творчество также представлено загадками. С помощью загадки строится традиционное воспитание. В связи с этим, первостепенной существенной функцией загадок становятся вопросы, связанные с мышлением, памятью и моралью. Познавательные особенности народных загадок способствуют обогащению языка, приучению анализа предметов и явлений, сопоставлению их качеств и свойств. Загадки являются средствами умственного воспитания детей. Они развивают мышление, дают ребенку сведения о свойствах природы и общества, в учебном процессе усиливают их активную мыслительную деятельность. Традиционное общество легко усваивало загадки в качестве органичного элемента и принимало их как жизненную мудрость. Загадки о природе, людей, жизни и труде человека, его молодости и старости служат неизменными материалами для загадок. Они призывают быть честными, смелыми, наслаждаться поэтической красотой жизни, бороться со злом и с проявлениями жестокости. С помощью загадок люди усваивают навыки иносказания, а также некоторые слова-замены. Тренируя детский ум, загадки помогают в усвоении логических операций. Этому способствуют красивейшие поэтические образы (в частности метафоры и сравнения). В загадке иллюстрируется заключенная в ней педагогическая нацеленность, способствующая развитию у детей умственных, эстетических, логических и нравственных способностей. Исследования последних лет свидетельствуют о том, что таджикские народные загадки, посвященные вселенной и

природным явлениям, сохраняют в себе совокупность самых древнейших представлений таджиков.

Большим воспитательным значением у таджикского народа пользуется благопожелание. У благопожеланий, посвящённых радостному и прекрасному событию в жизни людей, наблюдается художественный, яркий, колоритный, поэтически отточенный язык. Почти все таджикские устные традиции наполнены формулами клятв и пожеланий со злом и благом. Благопожелания - это неотъемлемая часть, входящая в синкретическое обрядовое действие. В том или ином обряде предусматривается произношение строго определенного, уместного только в этом случае благопожелания. Соответствующие случаю доброе пожелание произносилось в соответствии с определённым случаем, например, когда закладывался новый дом, начинались полевые работы, рождался ребенок. Каждое благопожелание содержит в себе пожелания успехов в трудовой деятельности. Предметы пожеланий - материальный достаток и благополучие, здоровье и счастье. Главной целью пожелания является улучшение жизни людей, человеческое счастье. Благопожелания многочисленны и тематически разнообразны. Однако большое внимание уделяется благопожеланиям, которые связаны со свадебными обрядами.

В педагогических традициях таджиков сохранились пожелания, относящиеся ко всем случаям жизни. Предметы этих пожеланий - добро, изобилие, благополучие. В некоторых случаях они заменялись формулами приветствия и прощания.

Действенность, значимость каждого благопожелания заключается в том, что люди нуждаются в благословении в самые ответственные моменты своей жизни; старшие, безусловно, верят в благопожелания, к напутственным словам. Благодаря им, люди верят в благоприятные прогнозы на удачу, в успехи в жизни детей, у людей повышается уверенность в собственном положении, укрепляется вера в собственные возможности.

Традиция таджиков относительно получения благословения в решающие моменты своей жизни в широкой форме распространены и среди других народов мира. Согласно таджикским народным дастанам (поэма), рассказам и др. герой перед решающим сражением получает благословение мудрого человека. Такое восприятие благопожелания - мощный стимул для развития ребёнка, а если и ещё гармонично благопожелания внести в повседневную жизнь детей, то можно говорить о будущем комфортном существовании. Воспитательное, психотерапевтическое воздействие формулы пожеланий всяческих благ усиливалось их произнесением в особых моментах психофизической жизни детей: праздник, пробуждение и засыпание, получение ушибов, травм. В таких случаях сила словесного воздействия для него имеет особое значение и равна внушениям. Благопожелания детям равны моральному заряду, который приносит успех и веру в светлое будущее. Когда устанавливается особый контакт между произносящим и адресатом, благопожеланием в своём роде программируется судьба детей.

С хорошим восприятием охранного, программирующего заряда благопожеланий, таджикский ребёнок получал имя с усеченным или рудиментарным пожеланием. Родители хотели иметь сильного, храброго, ловкого и умелого ребёнка, поэтому ему давали имя Рустама, Сухроба, Шерали и др. Именами - благопожеланиями, и уменьшительно-ласкательными формулами имен выражали ласку, благорасположенность к детям; взрослый человек обязан соблюдать его.

Передовые традиции таджикского народа - сильное и действенное средство воспитания молодёжи. Многими народами приняты эти традиции. Народные традиции после их усвоения способствуют возникновению национального самосознания. Национальным самосознанием порождается, осознается, накапливается, хранится и преобразуется этническая информация, зафиксированная в той или иной традиции.

Каждый обряд, каждый обычай, каждое представление являются частью общей культуры, ориентированной на общественные интересы, а не на отдельные личности. В ненавязчивом, но в настойчивом виде обществом с ранних лет направляется человек на усвоение традиций, которые отшлифованы усилиями нескольких поколений. После прохождения возрастных этапов, знакомится с правилами, соответствующими его возрастным особенностям. Мальчиками копируются поведения своих отцов и каждого мужчины своего племени. В соответствующее время соплеменники объявляют мальчиков взрослыми и те будут ответственными за то, что они могут приносить пользу окружающим (семье, роду, народу), приучаются к труду, к хранению своего счастья. Они чтят своих предшественников, растят детей, передают свои знания детям. В этом видится ими выполнение своего долга перед народом, соплеменниками и др. А девочка воспитывалась как будущая жена, мать и хозяйка. Она передаёт детям комплекс традиционных навыков и знаний, которых получала от своей матери. В этой мудрости заложены основы уважительного, почтительного отношения ко всем пожилым людям и к тому или иному предку. Дети не сомневаются в правоте старших и не обсуждают их поведение. Как правило, приветствие и начало разговора остаётся за старшими. Благодаря этой традиции быстрее и адресно обогащается и формируется молодежь.

На взгляд Ю.В. Бромлея, «в качестве результата этнического воспитания и общения как фактор воспитательного фактора в этнопедагогике важное место отводится этнокультуре общения. Этнокультуре общения уделяется особое внимание в качестве специфической национальной коммуникации. Различные обычаи ежедневного поступка человека в качестве этнических традиций устойчивы, но в недостаточной мере изучены. Эти обычаи в основном поддерживаются сформированными нормами общения, которые характерны данному народу» [32, 98].

Фольклор во все времена воспитывал, сохранял и пропагандировал комплекс воспитательных идей. Знакомство с устно – поэтическим творчеством способствуют восприятию особенностей и психологии народа, пониманию той или иной жизненной ценности, мировоззрения, веры, культуры, обрядов и обычаев. Устное народное творчество представлено разными жанрами - эпосом, сказками, пословицами, поговорками, песнями, благопожеланиями, проклятием; посредством фольклора люди ныне не забывают своего происхождения и объединяют членов общества. В фольклорных произведениях наблюдается последовательный демократизм. М. Горьким даётся следующее определение устному народному творчеству (фольклору): «Непревзойденная до сих пор глубокая красота мифов и эпоса, которыми основывается совершенная гармония идеи и формы объясняется большой коллективной силой. В этих условиях сплошное народное мышление направлено на создание широких обобщений, гениальных символов, какими видят Прометея, Геракла, Святогора, Ильи, Фирдоуси. Сюда входят и другие гигантские обобщения народной жизни» [44, 156].

Коллективное творчество имеет огромную силу. Доказательством тому является то, что в течение тысячелетий поэты в индивидуальной форме не создали произведения, которые равнялись бы с «Илиадой» Гомера или «Шахнаме» Фирдоуси. Индивидуальным гением не дано ни одно обобщение, которое не опиралось бы на народную поэзию и прозу, ни одной мировой формы, которая была бы далека от народной поэзии, сказок и легенд.

Автором своеобразного учебника по педагогике «Наставления учащемуся на пути обучения», изданного в Каире, а в последствии в Тунисе и городах Стамбула и Казани является Зарнуджи Бурханудин. Высказывая свою точку зрения о сути наук, он советует как организовать учебный процесс. На взгляд учёного, «Каждый мусульманин и каждая мусульманка должны обязательно стремиться к усваиванию знаний». Автор полагает, что в обязанность учащихся входит усердное изучение наук. Они не должны

попусту тратить время «на презренную, ничтожную и тленную жизнь этого мира» [100, 137]. Рекомендации Зарнуджи Бурханидина носят прагматический характер. Он считает, что учащиеся должны отобрать из наук всё, то лучшее, что им нужно. Советует не забывать о том, что в терпении и стойкости кроется основа всех дел. Нужно требовать от учителя новых знаний при изучении наук; не ошибаться в выборе товарища, так как он должен быть старательным, благочестивым и иметь прямой характер. Учёный особое внимание уделяет учителю. Автор подчёркивает: «Когда уважаешь науку, ты, в первую очередь почитаешь учителя. Однако, уважая учителя, нужно обращать внимание и на взгляды мудрых и опытных личностей». Рекомендации ученого завершаются следующим восклицанием: «Воспользуйтесь юношескими днями и годами расцвета молодости!» [100, 138].

Ахмад Югнак в 12 веке создал первое дидактическое произведение на Восточном полушарии «Дары праведных». При изложении нравственных и этических проблем воспитания, значения знания в человеческой жизни, некоторых проблем, связанных с нравственностью, автор, используя афористическую форму, дает советы молодым: «Будьте близки мудрецам»; «К щедрым людям приходит известность и доброе имя долгое время не забывается»; «Только щедрый завоюет любовь людей»; «Если имеешь тысячу друзей, всё равно считай, что этого мало» и т.д.

В центральноазиатских государствах особое внимание уделялось и переводным трактатам. Например, в назидании «Наставления Локмана своему сыну» отец требует от сына следующее: «Блюди воздержанность, а не страсть свою... откажись от обильной пищи, но обогащайся мудрыми мыслями... будь вежлив с каждым человеком, делай больше, а говори меньше... не обольщайся незаслуженной похвалой, так как слова невежды подобны глине, которая никогда не превратится в жемчужину» [100, 139]. В другом трактате - «Советы мудрецов», в соответствии с преданием,

составлены высказывания более 20 мудрецов. Каждый мудрец дал по одному совету или по одному пожеланию. Например: «Познай самого себя», «Не откажись от совета мудреца», «Будь добр к людям», «Уживись с каждым человеком, независимо от создавшейся ситуации», «Прояви воздержанность», «Не будь корыстолюбивым», «Стремись к знаниям», «Не произнеси бранных слов», «С усердием усваивай знания», «Не откажись от искренних друзей» и др. [100, 141].

Итак, таджикская народная педагогика формируется и развивается влиянием традиций устного народного творчества. В связи с этим, этнопедагогические взгляды стали выразителями гуманистических идей, утверждали, что необходимо прививать молодёжи высокие нравственные качества, воспитывать у них любовь к трудящимся, уважать старших, налаживать дружбу, жить правдиво и честно. Форма и содержание этнопедагогики созвучны с народной мудростью. В связи с этим, педагогическая культура, находясь под их влиянием, актуальна и в наши дни.

Изучение взаимосвязей таджикского фольклора и народной педагогики является одной из важнейших задач этнопедагогической науки. Говоря о таджикском фольклоре, необходимо особенно подчеркнуть его самобытность, патриотическую направленность и словесную выразительность. В таджикских сказках, пословицах, поговорках, поэмах и особенно в эпосе «Таджикского фольклора» выражаются преемственность, родство взглядов с народными чаяниями и представлениями о воспитании.

Таким образом, опираясь на материалы устного народного творчества таджиков, можно достичь нового уровня в познании художественности, которым обладает величественный эпос «Таджикского фольклора». Народная мудрость – вечный родник этнической мудрости таджиков, которая дошла до наших дней через таджикский эпос «Таджикского фольклора», таджикские сказки, таджикские поговорки и пословицы.

Великий Хафиз говорил о необходимости переделки неба. «Фалакро сақф бикшофему тарҳи нав дарандозем», - заявляет он, т. е. «Мы перестроим небосвод и сделаем его иным». В рубаи (четверостишиях) Боботахира из Хамадана тоже наблюдаются эти мотивы [31, 14].

В таджикских рубаи (четверостишиях) небо выступает виновником всех бед и несчастий. Жалоба на небеса проходит через все циклы рубаи (четверостиший). Скитающийся бродяга, который не знает даже, где суждено ему умереть, обращает скорбные вопли к Небу. Сын винит Небо за то, что он разлучен с матерью. Сестра корит Небо, отнявшее у нее брата. Скитальцы обращают к Небу гневные слова, называют его тираном. Искатели правды обвиняли Небо в несправедливости общественного устройства.

В отделе фольклора Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия им. Рудаки АН Республики Таджикистан в каталоге таджикских рубаи (четверостиший) в гнезде слова «фалак»-небосвод содержится 209 записей. Обращают на себя внимание эпитеты, относящиеся к этому слову: бебок – беспощадный, бебасар – безалаберный, чомакабуд – одетый в синее, сифланавоз – ласкающий подлых людей, тобидасар – сияющий вершиной, бебунёд – неустойчивый и т. д.

В таджикских народных песнях важное место занимают лирические герои письменных газелей – традиционный образ любящего страдальца, считающего любовь сладостной мукой, и его счастливого соперника – рақиб, образ ангелоподобной красавицы, кокетливой, гордой и жестокой, о готовности поклонению и служению, о которой писали поэты всех веков. Откуда появился образ этой свободолюбивой надменной кокетки, в описании которой поэты всех веков, казалось, неустанно соревнуются друг с другом, изоощряясь в изобретении новых и новых, самых неожиданных сравнений и метафор, используя всё богатство художественных средств выразительности - гиперболы, иносказания, синонимов и омонимов, и, придя в экстаз от

образа, созданного их собственным воображением, раздражаются вздохами, возгласами удивления и восхищения.

И не случайно Парвиз Хонлари критикует современную поэзию за то, что она, несмотря на существование многих общественных и социальных проблем, все еще увлекается традиционным восхвалением гордой красавицы [91, 28-29]. Уж очень она, эта гордая красавица, непохожа на угнетенную восточную женщину, которая обычно не получала ни особого внимания, ни уважения мужчин. Не пришел ли этот образ откуда-то с Запада или из древнего эпоса? Не возник ли он под влиянием народных сказок, где женщина своим умом и красотой покоряет всех, кто встречается на ее пути?

Очевидно, возникновение и развитие образа ракиба - соперника также имеет свою историю. Это непреодолимое препятствие на пути бедного влюбленного героя письменных и народных газелей.

Почему стал он причиной всех бед и страданий многочисленных влюбленных? Ограничивается ли его сфера распространения только арабской и таджикско-персидской литературой - до сего времени на эти вопросы очень мало обращают внимания историки педагогики и исследователи фольклора. Подобные вопросы имеют непосредственное отношение к исторической связи народной педагогики и фольклора таджикского народа.

Несмотря на то, что таджикская народная лирика находилась под сильным влиянием письменной литературы и в течение многих веков черпала из нее воспитательные возможности и силу, она развивалась своим, свойственным коллективному творчеству, путем. Народная лирика вобрала в себя нравственные идеалы, то, что по содержанию и стилю соответствовало воспитательным процессам.

Таким образом, влияние письменной литературы в народную педагогику сказывается не только на идейном содержании фольклора, но и на многих аспектах формы. Изучение этой проблемы имеет принципиальное значение в таджикской этнопедагогике.

Таджикские просветители – ученые, поэты, писатели, педагоги немало внимания уделяли умственному воспитанию. Они знали, что знания – это продукт нашей мыслительной деятельности, целенаправленное усвоение каждого научного факта, закона и понятия. В них указано как закономерно развиваются природа и общество, Все просветители в качестве идеала, в первую очередь, выбирали умного человека, ибо только умный человек может стать счастливым. На взгляд Абуабдуллоха Рудаки, знание является светочем человеческого ума. Есть немало разнообразных высказываний относительно ума: «Заботливым властелином является ум, который подобно пастуху, стоит на страже нашего покоя. Твой ум - вечный спутник, который регулирует твои поступки...» [27, 114]. «В обоих мирах человеческий путь освещается путем умом», «Безумный человек подобен мертвому телу» (Фирдоуси) [27, 126]. «Прежде чем что-то сказать, обдумай, взвесь в своём уме» (Гургони) [27, 126]. «Если у человека есть хотя бы немного ума, он не смеет потратить попусту своё время» [27, 144]. «Умный человек всегда тянется к знаниям», «Чем иметь неумного друга, лучше иметь умного врага» (Дехлеви) [31, 30]. На взгляд Хусрава Дехлеви, такая красивая птица, как павлин, не смотрит себя в зеркало, точно также умный человек никогда не восхищается своими умственными способностями [31, 32]. Хафиз полагал: глупец зажигает костер разлада в обществе, но сам он первым погибает на этом костре. Умный человек не должен обижаться на вредительства глупца и не должен забыть о том, что если простым камнем разобьется золотая чаша, то как бы добро проявляется неожиданно, не требуя вознаграждения: « Не говори другим о своих добрых делах и расскажи всем о добрых делах других людей», «Тайное добро имеет явное вознаграждение», «Делай добро и бросай в воду – не увиденное народом - видится рыбе» [31, 58] и т.д.

В правдивости и честности заключаются основные особенности высоконравственного человека. Наши предшественники прививали человечеству ряд благородных качеств. В обращении Хафиза к молодому

поколению прозвучали следующие слова: «Братцы! Остерегайтесь лжи, ибо у лжеца бесславный конец» [31, 33]. В 10 веке мир услышал предупреждения тонкого педагога Абу Шакура Балхи: «Своим обманом человек лишается авторитета: ему никто не поверит, даже если скажет правду» [31, 36]. Мысль Джами о воспитании, изречения истины актуальны и в наше время: «Говори правду, смотри в глаза правде, слушай правду, борись за правду» [31, 39].

Выработанные с опорой на житейский опыт и практику эти назидания могут в ясной форме совпадать с тем или иным народным афоризмом: «Сиди криво, а говори прямо», «Лучше правда приносит тебе смерть, чем ложь жизнь», «Если ты когда - то произносил правдивую речь, то и позднее поверят в твои слова», «Не произнеси первую ложь и будешь спокоен тем, что никто не заподозрит тебя в последующей лжи» и др.

Уметь дружить и проявить верность в дружбе - важные нравственные качества личности. Следует заметить, что мысли, высказанные учеными, поэтами и философами, и народные изречения могут совпадать друг с другом. По мнению Абуабдуллоха Рудаки, наиболее сильного огорчения можно ожидать после разлуки с хорошими друзьями: «Если друзей у тебя тысячи, считай, что этого мало» [31, 33], (ср. с народным афоризмом: «Одному джигиту недостаточно иметь тысячу друзей»), Насриддин Туси повелевает: «Не сразу заведи дружбу, вначале подвергай друга испытаниям» [27, 53], (народ гласит: «Друга проверяют в беде, героя – в сражении, долга – в честности»). По утверждению Балхи, «Друг должен жертвовать своею жизнью во имя своего друга» [27, 57], (сравните с тем, что в народе говорят: «Друг всегда окажет своевременную помощь», «Пурга и снег не могут помешать тебе в помощи другу»). Носиром Хусравом подчёркивается: «Умение дружить ведёт к добрым делам, а преданность в дружбе – к великим делам» [31, 59], (народное изречение гласит - «Лучше дружбу береги, а не копи сокровища»). На взгляд Хафиза: «О недостатках твоих хороший друг говорит в глаза, а плохой друг - другим» [31, 102], (ср. с

народными изречениями: «Порицание – это дар твоего друга», «Исходящее от друзей, считается благом»). Носиром Хусравом усиливается эта мысль: «Слова верных друзей, если кажутся неприятными, потом станут приятными» [31, 60], (в народе говорят: « Выслушай, а не потеряй упрек друга»). Но существует и неискренняя дружба. Замечательно высказывание Носира Хусрава: «Верный пёс лучше, чем неискренний и довольный собою друг» [31, 49], (сравните: «Неискренность друзей считай неизлечимой болезнью», «Желаю смерти тому другу, забывшему о твоей доброте») и др.

Призывы таджикских просветителей о любви и служению своему народу, заслуживают особого внимания. Согласно совету мудрецов, если человеком в течение дня не принесена польза обществу, то значит, он не прожил этот день. Огорченно Аттор признался: «Какую пользу я могу принести пароду, я не знал в молодости, а когда узнал, уже не осталось сил» [124, 112]. Из этого исходит нравоучение Абдулкодира Бедиля - спешి принести пользу людям: «В лицо народа взгляни и всегда думай о нём» [124, 61].

В педагогической сокровищнице таджикского народа есть оригинальные мысли о том, какое значение имеют знания в человеческой жизни, как постоянно расширяются знания и как они применяются в практической жизни. Лирическим поэтом Рукниддином Авхиди высказаны примечательные мысли о величии знания: «В огне знание не горит, оно не тонет в воде и не развеется ураганным ветром» [19, 110]. А затем говорит: С наукой и знанием будешь на верном пути, подобно светильнику они озаряют твой путь, а когда усваиваешь знания, то «для преодоления водного пространства тебе не понадобится судно» [19, 146].

Знания нуждаются в систематическом пополнении и совершенствовании. Такое мнение подтверждается многочисленными высказываниями. Если когда - то знания стали полезны тебе, то приумножь знания - велит Дехлави. Наша Вселенная познаваема, но есть еще

непознанные вещи и их немало. По утверждению Омара Хайяма, он в течение 72 лет дни и ночи провёл в раздумьях и понял, что ничего не познал до конца. А Балхи добавляет: «В познаниях находился я на таком уровне, что вдруг понял – ничего не знаю» [19, 142]. Не стоит горевать, если не хватает тебе знаний: «даже малое знание обладает большим значением». Если не знаешь, как быть, спрашивай у того, кто знает, так как «не стыдно спрашивать» [19, 119]. Главное заключается в разумном применении знания. По мнению Джамии, в течение всей своей жизни нельзя забывать о трех вещах: неустанное изучение наук, применение знаний в делах, передача своих знаний другому [19, 121].

На взгляд просветителей, человеческий ум, в первую очередь, выражается его речью. По утверждению Носира Хусрава:

Твоя речь – признак твоего ума,
Как только заговоришь – явствует она [31, 122].

По мнению Дехлеви, у человека должна быть ясная и точная речь: «Если у тебя четкая и точная речь, то твои слова полны смысла» [31, 122].

Искусство слова занимает важное место в обществе, риторика изучалась в каждом учебном заведении. Фирдоуси повелевает:

Кто говорит в кратком много,
Тот прославит себя в искусстве слова [31, 123].

Прежде чем говорить, нужно думать. У Абдурахмана Джамии слово сравнивается с птицей: нельзя никогда возвращать вылетевшую из клетки птицу и повелевает:

Прежде подумай: надо ли говорить?
Умно ли, глупо ли, следует различать [31, 164].

Эта же мысль Джалалидином Руми выражается в более образной форме:

Просквозив через тридцать два зуба,
Слово находит место в тридцати двух ушах.
Так знай: вернуть его, никому не дано,
Словно выстрелянную пулю не вернет никто [31, 192].

В ораторской речи большое внимание уделяется темпу и интонации речи. В связи с этим, Носир Хусрав советует:

Обдумай, взвесь, прежде чем говорить,
Излагай спокойно и ласково свою мысль [31, 166].

Народная педагогика отражает комплекс идей умственного воспитания. Эти идеи и взгляды великих мыслителей могут совпадать во многих случаях.

Заслуживает особого внимания идейное наследие Хафиза Ширази, ставившего острые вопросы: «Проходят годы, а ты проведешь отцовскую могилу? Не забудь: как ты поступишь с отцом, так поступят с тобой твои же дети». «Не унаследуй от родителей драгоценных вещей, а получи в наследство их мудрые мысли». «Ты можешь очень быстро потерять драгоценных вещей, а мудрые мысли являются твоим вечным богатством» [31, 60].

Народная педагогика рассматривает родителей в качестве первых воспитателей. У таджикского народа мать пользуется неким своеобразным культом: «В течение всей своей жизни, если трудишься днём и ночью, тебе не удастся возместить труд матери», «Ласка матери смягчает камень», «Материнская грудь служит колыбелью для детей». Добрыми словами люди упоминают отца: «Если даже в течение шести дней будешь голодать, то

должен почитать отца», «При жизни отца думай о его поступках, а после смерти отца не забудь о его завещании» и т.д.

Пожелав молодежи счастливое будущее, таджикскими мыслителями упоминается скоротечность жизни, приход и уход молодости, говорят о разумном использовании каждого дня, которого дарит судьба. Дехлеви выражает следующее нравоучение юному поколению: «В цветущую пору молодости наполняй делом каждый миг жизни» [31, 61]. Великим жизнелюбцем Омаром Хайямом вселяется молодым вера в себя, оптимизм, призывается к жизни и полезному труду: «Будь весел - не навек твоя пора, пройдет сегодня, как прошла вчера», «Миг, данный нам, в веселье проведи, не плачь о прошлом, не страшись грядущего» [31, 62]. По мысли поэта, пропустить день без дела так же невозможно, как выбросить из жизни день ожидаемой радости.

Итак, богатейшие идейно-педагогические произведения таджикских мыслителей, способствовали формированию народных взглядов на воспитание и обучение молодёжи. Поэтами, писателями и педагогами были развиты цикл гуманистических идей мыслителей - предшественников. Как отметил А.М. Горький: «Лучшие произведения великих поэтов всех стран подчерпнуты из сокровищницы коллективного педагогического творчества народа» [44, 159].

1.3. Морально-этические ценности в народных четверостишиях и таджикских сказках

В различных жанрах народно-педагогического творчества таджикского народа, в качестве главного предмета и главной цели выступает человек созидательный, преобразующий и человек величайшей творческой активности. Первоначальная основа проблемы воспитания в народно-

педагогическом творчестве заложена в мифах, преданиях и «подражании природы». В загадочной форме это было зерно, из которого впоследствии вырастает необходимость эстетического и нравственного воспитания. Позже, именно такое понимание в таджикской народной педагогике способствует очищению, т.е. «очеловечивания» человеческих чувств.

В мифах – преданиях рассказывается о подвигах мифических и исторических героев. В образе духов-героев, в мифах оформлены и запечатлены воспитательные цели. Единственный, дошедший до нас из этих памятников, является священная книга «Авеста». В этой своеобразной энциклопедии таджикского народного творчества сохранились представления взглядов и норм воспитания. Именно на основе этого памятника, прежде всего «Гат Заратуштры» отражались формирование морально-этических представлений у древних таджиков. В Яште, посвященном звезде Тиштрия (Сириусу), описываются благой дух Тиштрия и сражающийся с ним злой дух безводия Апоша с применением традиционных противопоставлений «белый – черный», «добрый и злой». В гимнах «Авесты» обнаруживаются первоначальное представление о человеческом облике.

Проблемы роста личности, обогащения духовного облика человека стоит в центре внимания таджикской народной педагогики. Разумеется, в каждом историко-культурном периоде это понятие обладало у таджикского народа своим особым неповторимым содержанием, но говоря уже о том, что в каждом историко-культурном периоде различно соотношение человека и воспитания. В прошлые историко-культурные периоды проблема воспитания таджикской народной педагогики ставилась вполне осознанно и целеустремленно, это имеет место, например, в народных четверостишиях и таджикских сказках.

Предметом и назначением таджикской народной педагогики является проблема воспитания и самовоспитания человека. Именно поэтому народная

педагогика, и в том числе таджикская, призвана обобщить народный опыт воспитания.

Проблема воспитания и самовоспитания, играющая огромную роль в народных четверостишиях и таджикских сказках открывает перед нами новые воспитательные возможности – так с точки зрения народного начала, так и охвата различных идейно-художественных пластов, осмысливающих в простых и сложных сопоставлениях эстетико-нравственных идеалов.

Воспитание человека и всестороннего развития личности в современной жизни органически связаны с народной педагогикой, так как для того чтобы воспитывать в современнике духовное богатство, нравственную чистоту, физическое совершенство необходимо искать выстраданный идеал в таджикских сказках и доказать правдивость и жизненность этого идеала-героя. Лишь в этом контексте следует предполагать гуманистический характер народной педагогики, как науки о «человековедении» и понимании идейно-художественного «человековедения». Изображаемые в таджикских сказках различные силы, сталкивающиеся друг с другом, отмечены печатью идеала, имеют разумность и оправдание. Герой – носящий идеальный характер, как сила выступает против негативной силы. У героя такие интересы являются и нравственным отношением (семья, отечество, государство, слава, дружба, достоинство, честь, любовь) и т.п. Общепедагогическое органически связана также в народных четверостишиях с положением о человеке как главном предмете воспитания. Человек в народных четверостишиях и таджикских сказках назван главным объектом воспитания, так как он занимает центральное место в этом художественно-нравственном произведении, играет ведущую роль.

Таким образом, воспитательная роль народной педагогики заключается в развитии самых различных человеческих склонностей, страстей и стремлений. Народная педагогика, с этой точки зрения, помогает людям пережить все богатство человеческих переживаний. Близко к

изложенной, и другое указание, высшей целью народной педагогики является её участие в развитии и совершенствовании всех человеческих способностей. Такое понимание воспитательной цели народных четверостиший и таджикских сказок – мысль о моральном исправлении является весьма важной для современной педагогики и представляется как одна из возможных форм умственного и нравственного воспитания. Конечно, нравственная сторона народных четверостиший и таджикских сказок является важной, и не может быть оторвана от другой стороны, связанной с эстетическим наслаждением. Другими словами, обе эти стороны, будучи взаимопроникающими, входят в качестве необходимых элементов воспитания. Нравственность совпадает непосредственно с добродетелью, добропорядочностью, так как мораль в таджикском фольклоре предполагает осознание долга и действие сообразно этому осознанию.

В.А. Иванов впервые дал обстоятельную характеристику содержания и воспитательной тематики народных рубаи (четверостиший). При этом он подчеркивает необходимость четкого разграничения сельской и городской народной рубаи (четверостиший), так как «само собой понятно, что многие воспитательные темы возможны только в деревне, хотя, с другой стороны, обычное для города явление бывает крайне редким в сельской местности» [59, 38].

Рассматривая тематику сельской народной рубаи (четверостиший), В.А. Иванов указал на преобладание в ней морально-этической лирики. Кроме того, он первый обратил внимание на отсутствие фантастического элемента в народной рубаи (четверостиший), отметив, что фантастика имеет «единственную область применения – в сказках».

Существует тесная и глубокая связь между народной педагогикой, поэтами и певцами, вышедшими из недр народных масс. Классическим примером такой поэзии являются народные поэты. Древнейшим образчиком таких народных рубаи (четверостиший) служат рубаи (четверостишия) Бобо

Тахира, жившего в XI веке. Подобная взаимосвязь обусловлена тем, что часто трудно провести грань между педагогическим творчеством народа и отдельными его певцами. Рубаи создаются поэтами, подлинными выразителями дум и чаяний народа и получают широкое распространение. С другой стороны, народные мотивы, постоянно, обогащая индивидуальное творчество поэтов, придают ему характер коллективного творчества. Таким образом, стремление народа облечь свою речь в более изысканный наряд действительно существует в современном Таджикистане и неизбежно в какой-то степени сказывается на его народном творчестве.

Говоря о «певцах» или сказателях, следует раскрыть ту важную роль, которую они играют в создании новых рубаи (четверостиший), песен, газелей и т.д. Процесс превращения рубаи (четверостиший) в песню А.А. Ромаскович объясняет так: «При пении певец выбирает рубаи (четверостишия), наиболее подходящие к его настроению... Спетые им четверостишия, как сходные по настроению, а иногда по содержанию и в выражениях, часто оседают в памяти его в порядке пения и в этом же порядке передаются другим, являя собою образчик строфической песни» [101, 5-6].

Общепедагогические и общедидактические тематики таджикских народных песен стали привлекать к себе внимание исследователей с первых же дней их изучения. Уже в первых экскурсах в области таджикской народной поэзии, которые первоначально предпринимались в работах, носивших, прежде всего, лингвистический характер и служивших целям изучения живого таджикского языка, ученые обратили внимание на то, что в ней существуют общие по форме произведения, составляющие отдельные виды или типы воспитания. Для большего удобства изучения, начиная с первых же записей, языковеды стремились расположить весь собранный материал по видам, разграничивая одну группу произведений от другой, тем более что каждая из них имела в таджикском языке свое определенное название. Таким образом, жанровая систематизация таджикской народной

поэзии, хотя и не специально, была начата почти одновременно вместе с первыми ее записями. Первые же наблюдения показали, что среди множества жанров, составляющих таджикскую народную поэзию, больше всего распространен и пользуется широкой популярностью жанр рубаи, берущий свое начало в далеком прошлом, со времен Авесты. Следует отметить, что «Авесто» как и все известные религиозные книги (Библия, Коран, древнеиндийская Ригведа, Шастры и т.д.), очевидно, в течение веков служила учебным пособием для учащихся. Этот памятник цивилизации имеет огромную педагогическую ценность. Посредством этого памятника традиционно передаются религиозные идеи и нравственные нормы в систематизированной форме от одного поколения к другому поколению: «Воспитание должно считаться важнейшим столпом жизни. Каждого необходимо воспитать так, чтобы он, научившись читать и писать, поднялся на высокую ступень» [31, 33].

Согласно требованиям «Авесто» воспитание и обучение детей и молодежи включало в себя: а) религиозное и нравственное воспитание; б) физическое воспитание; в) обучение чтению и письму.

Заратуштра персонально воплощает в себе моральную триаду: мысль-слово-дело. Он вступает в двух функциях. Как пророк, служитель Владыки – Ахуры он выступает в роли выразителя Слова. Как жрец, приверженец Духа огня – Арты он выступает в роли исполнителя Дела, наилучшего распорядка, чаще всего при свете жертвенного огня при жертвоприношениях. В восьми назидательных гатах Заратуштра выступает, прежде всего, как жрец, в роли священнослужителя. Эти гаты окрещены в дидактические тона [31, 33].

Дальнейшие наблюдения в этой области дали возможность выделить цели основных тем в этих песнях таджикского народа, такие, например, как жалобы на тяжелую жизнь, принудительный брак, любовь бедняков, «ғарибӣ» - так называемый «чужбинный» цикл и т.д. Таким образом, создавалась классификация по тематическо-педагогическому принципу.

Характерной чертой народной рубаи (четверостишия) является ее бесхитрость, безыскусность, правдивое отображение переживаний героя, описание природы и т. п. Особенно это относится к жанру рубаи (четверостишия), на который классическая поэзия оказала весьма незначительное влияние. Высокая педагогическая ценность четверостиший (рубаи) общепризнана, многие из них являются непревзойденными образцами мировой педагогики по эмоциональной насыщенности, по тонкости чрезвычайно лаконично выраженных в них переживаний и чувств.

Рассматривая тематику таджикских народных рубаи (четверостиший) отмечаем, что в этом жанре таджикского фольклора находят свое отражение все стороны многогранной жизни человека. Во многих рубаи (четверостишиях) рассказывается о важнейших моментах человеческой жизни, о людских мечтах и страданиях. Рубаи (четверостишия) всегда были связующим звеном между народной педагогикой и фольклором. Именно в этом жанре сильнее всего сказывалось влияние письменной литературы на устное поэтическое творчество таджикского народа. Это влияние проявилось в прославлении любви и красоты, чистоты и добра. Оно ощущается и в нравственном стиле народных рубаи (четверостишия). Сама поэтическая манера их, основанная на тонкой игре слов, искусной отточенности образов, лаконичности и красоте слога, является в какой-то мере результатом влияния воспитательного опыта народа.

По определению Э.А. Шварца, «народная песня есть верное, самобытное и непринужденное выражение народной души, её спутница в радости и горе, энциклопедия ее знаний, ее религии, философии, сокровищница, которой он доверяет свою веру, свои сомнения и национальную историю» [61, 58].

Таким образом, (рубаи) четверостишие, органическое дитя таджикской народной педагогики, исполнялось устно, вероятно, пелось. Его нельзя было, невозможно было не запомнить. Оно было неистребимо, как самый дух

человеческий. Факт составления Хайямом «хайямовских четверостиший», которых ни с чем не смешаешь, - это факт неоспоримый. При анализе этих четверостиший мы обнаружим: высказанное – хайямовское мироощущение, недосказанное – его тайну и невысказанное – результат ограниченности его, как сына своего времени.

Каково же оно, мироощущение поэта в четверостишии?

Это, прежде всего выражение его «Я», его творческой личности:

Если скажут, будто я пьян, - я таков!

Если «безбожник», скажут, «буян», - я таков!

Для этих - мудрец, для тех - отшельник, безумец,

А я такой, каким я дан. Я таков! [81, 153].

В (рубаи) четверостишии он мечется между радостью и скорбью, и стремлением познать божество, но побеждает в нем не горе, а радость:

Не дай тискам печали себя зажать, Хайям!

Ни дня в пустых заботах нельзя терять, Хайям!

Впивай же свежесть луга, стихов и милых губ,

Потом в могиле душевной ты будешь спать, Хайям!

[81, 154].

Таким и предстает Омар Хайям перед нашим мысленным взором. Это не замкнутый лишь в кругу своих научных интересов, бесстрастный ученый. В стихах, а так оно было, вероятно, и в жизни, мы находим его в веселом кругу друзей, на лоне природы, наслаждающимся жизнью во всех ее проявлениях. Вот он сидит в тени деревьев, углубленный в чтение письма, а вот у журчащего ручья - обнимающий подругу.

Как-то, рассказывается в нём, Омар Хайям за чашей вина декламировал, когда внезапно налетевший ветер опрокинул кувшин с вином и нарушил веселье. Хайям тут же произнес экспромт:

Кувшин с вином душистым ты мне разбил, господь!
Дверь радости и счастья для нас закрыл, господь!
Мы пьем вино, а ты бесчинствуешь спьяна,
Песок мне в рот ... знать, пьяным ты-то и был, господь! [81,
154].

Не на шутку рассердился господь, и лицо Хайяма мгновенно почернело.

Несмутившийся мудрец промолвил:

На свете можно ли безгрешного найти, -
Нам всем заказаны безгрешные пути.
Мы худо действуем, а ты нас злом караешь.
Меж нами и тобой различья нет почти [81, 154].

Идея вечного круговорота передана в чисто хайямовском духе в целой группе четверостиший о гончаре и горшечном ряде:

Вон за гончарным кругом у дверей
Гончар все веселее и быстрей
В ладонях лепит грубые кувшины
Из бедер бедняков и черепов царей [81, 157].

Такое философское осмысление бытия иприятие жизни не могло не породить любви к человеку и его деяниям.

Образ гончара ассоциируется с несправедливостью небесного гончара:

Ужели бы гончар, им сделанный сосуд
Мог в раздражении разбить, презрев свой труд?
А сколько стройных ног, голов и рук прекрасных,
Любовно сделанных, в сердцах разбито тут! [81, 157].

Такой поворот мысли влечет за собою цепочку, где пафос обличения несправедливости:

Наполнил зернами бессмертный ловчий сети,
И дичь попала в них, польстись на зерна эти.
Он эту дичь назвал людьми и на нее
Взвалил вину за зло, что сам творит на свете [81, 158].

Добро и зло враждуют; мир в огне.
А что же небо? Небо в стороне.
Проклятия и радостные гимны.
Не долетают к синей вышине [81, 158].

Отсюда вырастает глубоко гуманистическое понимание достоинства человеческой личности, её свободы:

Мы - цель и высшая вершина всей вселенной,
Мы - наилучшая краса юдоли брэнной:
Коль мирозданья круг есть некое кольцо,
В нем, без сомненья, мы камень драгоценный [81, 158].

Прекрасно воду провести к полям!
Прекрасно солнце кинуть в душу нам!
И подчинить добру людей свободных
Прекрасно, как свободу дать рабам! [81, 159].
О, если б каждый день иметь краюху хлеба,
Над головою кров и скромный угол, где бы
Ничьим владыкою, ничьим рабом не быть -
Тогда за счастье мы восхвалили б небо! [81, 159].

Эстетический идеал Омара Хайяма – это личность вольная, свободомыслящая, чистой души, философствующий герой.

Однажды встретился пред старым пепелищем
Я с мужем, жившим там отшельником и нищим.
Чуждался веры он, законов божества -
Мудрее мужа мы на свете не отыщем [81, 159].

Ещё ярче – о любви:

В том не любовь, кто буйством не томим,
В том хворостинок отсырелых дым,
Любовь – костер, пылающий, бессонный
Влюбленный ранен, он неисцелим [5, 159].

О, горе, горе сердцу, где жгучей страсти нет,
Где нет любви мучений, где грез о счастье нет!
День без любви – потерян: тусклее и серей,
Чем этот день бесплодный, и дней ненастья нет [5, 161].

И, наконец, – о бодрости:

Мне свят веселый смех иль пьяная истома,
Другая вера мне иль ересь незнакома.
Я попросил судьбу: «Свой назови калым»,
Она в ответ: «Душа, где радость вечно дома» [5, 161].

Но иногда в смехе своем, как и во всей своей поэзии, Омар Хайям словно покидает позицию полутонов и любит высказаться резко и однозначно. Однако и здесь, используя форму рубаи, смысл которой

раскрывается лишь в последней строке, Омар Хайям до полного высказывания держит читателя в напряжении, интригует его неясностью первых трех строк четверостишия. Тем неожиданной и впечатлительной звучит концовка в заключительной строке. Например, о благочестивости:

Вхожу в мечеть. Час поздний и глухой,
Не в жажде чуда я и не с мольбой...
Когда-то коврик я стянул отсюда,
А он истерся – надо бы другой... [5, 162].

Таким образом, четверостишия (рубаи) принадлежат к исконно народным, старейшим формам народной педагогики, по популярности и жизнеспособности не имеющим себе равных. В таджикско-персидской поэзии, с их высокоразвитой культурой и выраженным стремлением к афористичности мышления, жанровая форма четверостишия (рубаи) достигла степени совершенного искусства. Классическое четверостишие (рубаи) развилось в жанр широкой тематико-педагогической емкости: любовь, вакхические и эпикурейские мотивы философия жизни, сетования на судьбу – сюжеты и темы рубаи (четверостишия) столь же многообразны, как пословицы любого из народов.

Омар Хайям даёт советы молодёжи: не проводите своё время попусту, отберите всех полезных вещей из этой жизни, увлекайтесь только разумными делами, выбирайте умных друзей, отвергайте невежд, прислушивайтесь к мудрецам.

Общаясь с дураком, не оберешься срама,
Поэтому совет ты выслушай Хайяма:
Яд, мудрецом тебе предложенный, прими.
Из рук же дурака не принимай бальзама [81, 137].

Омар Хайям призывает молодых к правдивости и честности, к сдержанности данного обещания, верности своим словам, оцениванию человеческой доброты.

Хайям решительным образом остерегает молодых людей не проявлять зазнайство, высокомерие, самовлюбленность и советует:

Не завидуй тому, кто силен и богат,
За рассветом всегда наступает закат.
Не дай убаюкать себя похвалой,
Меч судьбы над твоей головой [81, 138].

От великого Саади родители получили ряд поучительных советов о воспитании сыновей. У сыновей должна быть своя определенная профессия и их нужно готовить к честному труду и гуманизму: «Если хочешь оставить добрую память о себе, сыновей воспитывай добрыми и благонравными»; будь справедлив и требователен к ним. Саади считает, что поощрение лучше наказания: «...того, кто начинает учёбу, вначале поощряй словами» [103, 135].

Саади предлагает своеобразные нравственные добродетели: «Лучше сказать правду и оказаться в оковах, чем лгать и не оказаться в оковах», «Не говори необдуманно, братец! Семь раз примерь, один раз отрежь». В разделе «О правилах общения с людьми» «Гулистана» (Розового сада) Саади приводятся поучительные рекомендации: с терпением слушайте собеседников, не мешайте, когда говорят другие, будьте вежливы, ведите себя прилично в обществе и др.

Таджикская сказка живет, и не потеряла своей популярности в народе и по сей день. Среди великолепных памятников устного народного творчества «Сказки Шахрзады» «Тысяча и одна ночь» - это педагогические памятники.

В таджикских семьях в соответствии со своими жанровыми особенностями функцию первых учебников жизни выполняли народные сказки. История возникновения, эволюция развития идейного содержания сказки А.Ф. Назаревичем рассматривается как сознательное воспитательное народное творение. «Зародившись в глубокой древности на основе трудового опыта горца, - пишет он, - сказка прошла долгий путь своего исторического развития, отразила сходные общественные отношения, выражала чаяния и ожидания народа, служила его эстетическим потребностям, художественно обогащалась, совершенствовалась, сверкала самобытными национальными красками, способствовала зарождению первых ростков народной литературы» [83, 352].

Таджикская народная педагогика, вероятнее всего, возникла, опираясь на ряд характерных особенностей сказок, в частности, народности. Во многих сказках воплощаются народные черты характера. В них рассказывается о любви к Отечеству и его защите, о беспредельной отваге, о борьбе со злом, о трудолюбии и мастерстве, о справедливости, верности в дружбе и любви и др. Сказками выражаются черты характера таджиков, их психология, жизненная позиция. Посредством сказок у слушателя пробуждается ощущение веселья, юмора, радости, смеха, нежности и одновременно ощущение ужаса, жалости и горя. В них истина синоним добра, так как в представлении народа добро считается разумным, зло - глупостью.

Сказки отличаются ярко выраженным дидактическим характером. Любая таджикская сказка поучительна, назидательна и обычно в ней утверждается моральная истина. Некоторые таджикские сказки являются сильными выразителями нравственных идеалов. Слушателю важно как действуют и поступают персонажи. Он меньше внимания уделяет художественному идеалу сказок.

Многие таджикские народные сказки представлены животными – лошадьми, верблюдами, козлятами, овцами, беркутами. Это связано с материальной жизнью. Домашние животные в сказках очеловечиваются, с их помощью народом подвергается аллегорическому высмеиванию и осуждению ряд людских пороков и недостатков, так как животные являются помощниками людей.

Сказка имеет воспитательное воздействие не только на детей, но и на нравственные качества, жизненную позицию, взглядов и убеждений родителей. К.Д. Ушинским отмечается следующее: «В народной сказке великие и исполненные позиции дитя-народ рассказывает детям свои грезы и, по крайней мере, на половину сам верит в эти грезы» [71, 57].

К тому же, таджикские сказки обладают мифологическими особенностями. Одни сказки имеют чудесное волшебное содержание, а другие посвящены быту и животным. В фантастических таджикских сказках герой, как правило имеет невероятную силу и смелость, к тому же, красавицы - мудры, существует волшебный талисман и др. Бытовые сказки представлены реальными событиями, острыми социальными противоречиями, с высмеиванием жадности, глупости, зависти, с одобрением доброты, правдивости, честности и др. Очеловеченными животными аллегорически по-разному выражается окружающая действительность.

Обычно делят сказки на три группы: 1) сказки о животных; 2) мифологические сказки; 3) бытовые сказки. Большинство сказок, особенно относящихся к первой и второй категориям, возникло в глубокой древности. Однако педагогические проблемы, поставленные в них, не утратили своего значения до настоящего времени.

В устном народном творчестве большая роль отводилась умственному воспитанию детей. Во многих сказках мудрая девушка испытывает разум юноши, который должен стать ее мужем («Тысяча и одна ночь»).

К жанру сказок относятся и анекдоты – короткие точные рассказы о смешном, забавном или любопытном происшествии, хотя по некоторым особенностям анекдоты отличаются от сказок. Определенная часть таджикских анекдотов связана с именем Мушфики, а другая часть – с именем Афанди. Однако немало анекдотов, не привязанных к этим именам. В большинстве анекдотов, особенно связанных с именем Мушфики, преобладают наставления, дидактика. Образные, лаконичные и краткие анекдоты – прекрасное средство развития у детей критического мышления. Как считает А.З. Розенфельд, «широкая популярность таджикских сказок объясняется в первую очередь тем, что в них нашли отражение различные стороны жизни народа, его надежды и чаяния, стремление к лучшему будущему» [97, 205].

Таджикские сказки сыграли важную роль в развитии народной педагогики. Связь таджикских сказок с народной педагогикой характерна, ибо это явление свойственно народному творчеству, но у таджиков эта связь всегда была глубже. Из проведенных исследований таджикских сказок видно, что «известный круговорот – фольклор – народная педагогика – фольклор» у таджиков начался очень давно. В средние века они были использованы великими поэтами Фирдоуси, Саади, Омаром Хайямом и др.: переработанные этими мыслителями народные мотивы снова вернулись в народ, став настолько обычными и общеупотребительными в его повседневной жизни. Такое тесное взаимопроникновение фольклора и народной педагогики объясняется, прежде всего, специфическим характером таджикской литературы и ее местом в духовной жизни Таджикистана.

Суть связи фольклора и народной педагогики определяется тем, что под этим термином понимаются народные сказки, народное творчество, ведущим свое существование часто с доисторических времен; фольклорные произведения не имеют авторов и распространяются устным путем. И в этом отношении ярким примером того, что любая литература не может считаться

народной в полном смысле этого слова, может быть сказка «Кот и мышь», литературно обработанная поэтом и прозаиком Убайдом Закони, полная прекрасного юмора, и она превратилась в популярную народно-педагогическую сказку.

Х.Г. Короглы, касаясь вопросов о взаимодействии фольклора и народной педагогики, правильно оценивает роль и влияние фольклора на развитие этнопедагогических взглядов. Он пишет: «Среди пословиц нередки также стихи поэтов; часты, например, стихи из «Гулистана» («Розовый сад») Саади, но это говорит о том, что Саади уловил типичные черты народной житейской философии и перенес их в свою поэзию, откуда народная мудрость, принаряженная в литературную форму, снова ушла в народ, обратилась в народное воспитание...» [67, 221].

Сказочные произведения развиваются на общепедагогическом плане. Язык сказки разговорный, но общепедагогический; её композиция отличается четкими принципами: так как имеется один сюжетный стержень - «рамка» (иначе называют ее «обрамленной повестью»), вокруг которого сосредотачиваются эпизоды или в широкой форме применяется вставная новелла (сказка в сказке). Наконец, сказки имеют ряд основных назидательных форм, к которым относят дастана (роман), киссу - (повесть), хикоята (рассказ) и латифу (анекдот). Персонажи этих сказок отличаются активным и осмысленным действием. В связи с этим, на первый план выходит их душевный мир, педагогика.

В сказках можно наблюдать выражение народной тенденции (общечеловеческой морали, нравственных норм, народных чаяний и идей) и народно-гуманистической концепции личности. Это благородная, мужественная, доброжелательная, человеколюбивая личность. Таковыми являются фантастические сказки, собранные в сборнике «Сказочная энциклопедия». Эти сказки педагогичны и никогда не имели письменную форму.

В качестве образца такой прозы приводят переведённую на русский язык «Таджикскую сказочную энциклопедию», которая представлена как сказочно-педагогическая энциклопедия и имеет назидательную форму романа («Семь приключений Хатема») и повести («Пять любовных повестей»). «Семь приключений Хатема» - это сказочный роман, так как он имеет большой объем и отражает социальную жизнь людей: изображается человеческая личность, ее помысли и активность; имеется занимательная интрига, и разворачиваются, как пружина, сюжетные линии.

В разных жанрах таджикского фольклора существует образы-сравнения, образы-символы, образы-метафоры, перерастающие в психолого-педагогический параллелизм, аллегории, притчи и другие все более сложные формы образного мышления, наделенными воспитательным содержанием. Образ-сравнение в таджикском фольклоре возникает на стадии одухотворения человеком природы, наделения растений и животных силами и свойствами, присущими вовсе не им, а человеческой натуре. Животные (в основном, лошади) и растения чувствуют, думают и поступают как люди. В подпочву психолого-педагогического параллелизма уходят корнями эпос о животных, аллегорические притчи и сказки. Смысловое содержание образа возникает при этом на сопоставлении двух явлений, перенесения известного на неизвестное. Сначала связь между явлением и зачастую фантастическим его осмыслением устанавливается в значительной мере произвольно в зависимости от случайного стечения обстоятельств. Затем процесс образования символического, ассоциативного образа принимает сознательный характер. В любом случае в фантастическом образе эпоса можно уловить воспитательные идеи.

В таджикском фольклоре образы-символы, идентичны по силу и разные по облику (власть и силу) и, наоборот, один же конкретный образ становится носителем неодинаковых, а то и совершенно различных функциональных значений. Чем более содержателен образ, тем теснее

устанавливаются связи и зависимости между ними, и зарождаются поначалу мифологический и религиозный, а затем и эстетико-нравственный характер. Художественность – это особое синтетическое качество таджикского фольклора, характеризующее его, прежде всего как целостное идейно-воспитательное явление, она – выражение органического, гармонического и целесообразного характера такого единства.

Широко известна мысль К. Маркса, что человек, который в фантастической действительности неба искал некое сверхчеловеческое существо, а нашел лишь отражение себя самого, не пожелает больше находить только видимость самого себя там, где он ищет и должен искать свою истинную действительность. В таджикском фольклоре характеры как особый, а затем главный характер произведения, позволяет проникнуть в сущность его отношений и осмыслить его как человека родового существа. В этой связи уместно отметить, что дидактическая концепция таджикского фольклора гораздо более содержательная, чем заключительная художественная сентенция. Образы в таджикском фольклоре возникают как самостоятельное идейно-эстетическое явление, где разложено единство изобразительного содержания и правды жизни. Итак, идеи воспитания являются основными показателями таджикского фольклора. Текущее содержание таджикского фольклора – это итог, непреходящих эстетико-нравственных ценностей.

Фантазия в жизни и в образах героев таджикского фольклора как целебные свойства – это эстетическая гипотеза, это моделирование жизни героев посредством красоты природы, звуков и языка и есть содержание воспитательной роли народной педагогики. Бесчисленные соотношения объективного и субъективного, всегда уравновешивая это, подвижное единство и выступает как бы точкой отсчета в самом фантастическом образе глубокого эстетико-нравственного содержания. Эстетико-нравственное значение таджикского фольклора позволяет понять связь между воспитанием

и идеалом в жизни, а жизнь оценивать с позиций идеала. Жизнь и воспитание в таджикском фольклоре выступают содержательным началом и, будучи закрепленной, выраженной в художественной форме становятся эстетической и нравственной реальностью. Все художественные образы в таджикском фольклоре убедительны, обладают воспитательными ценностями, следовательно, несут в себе возможности жизненного содержания.

Художественные образы в таджикском фольклоре живут и развиваются из противопоставления идеального и реального, прекрасного и необходимого. Эти художественные образы «жизненные», соответствуют правдой той жизни и достойны идеального подражания. В таджикском фольклоре ход времени получает «наглядное», осязаемое выражение. Художественная правда и типические характеры находятся в глубокой зависимости от преемственности поколений, от духа времени, которое не только длится в эпосе, но и находит свое овеществление в характерах, входят в них как реальное жизненное обстоятельство.

Таким образом, в народной педагогике отражается важнейшая сторона развития человеческой цивилизации. Народная педагогика в течение веков сформировалась и утверждалась на основе народных взглядов на воспитание. В народной педагогике накоплены эмпирические знания, сведения, умения, навыки, которые устно передавались от одного поколения в другое.

Народное устно-поэтическое творчество таджикского народа всегда воспитывало, сохраняло и пропагандировало идеи воспитания. Знание народного устно-поэтического творчества позволяет понять особенности психологического склада таджиков, жизненной ценности, мировоззрения, веры, культуры, обрядов и обычаев. Педагогические взгляды таджикского народа способствуют национальному развитию, этническому самовоспитанию, формируют у личности патриотические чувства и

национальную гордость.

Современная историко – педагогическая наука в нынешних социально-экономических и культурных условиях развития общества на первый план выдвигает проблему духовного возрождения нации, восстановления той или иной воспитательной национальной традиции. В Республике Таджикистане в последнее время возрождаются национальные традиции воспитания. Но необходимо восстановить национальную систему образования, развивать этническое самосознание. Также нужно научно осмыслить содержание, методы и средства каждой национальной традиции воспитания и применить в наше время.

Как ценнейшее наследие таджикской народной культуры, народная педагогика способствует выявлению непреходящих общечеловеческих и национальных ценностей, проверенных тысячелетиями. Таджикская народная педагогика основывается на общечеловеческих ценностях и гармонизирует межнациональные отношения. Таджикский фольклор - богатый источник, определитель целей, методов, средств, с помощью которых развивается народное воспитание в Республике Таджикистан. Чтобы воспитать народные традиции необходимо углубленно изучать различные аспекты культуры народа. Национальное воспитание в Таджикистане должно основываться высокими морально-этическими принципами и нормами, общечеловеческими идеями добра и справедливости, гуманизма и высочайшего патриотизма, которые присутствуют в таджикском фольклоре.

Выводы по первой главе

Таким образом, таджикский фольклор выражает педагогические взгляды таджиков. Они как крылатые слова, обладают острым языком и неотразимой действенностью. Таджикское устное народное творчество

состоит из целых изречений. Оно включает в себя народную мудрость, свод стонов, вздохов, плача, рыданий, радости и веселья. Фольклор отображает людей труда, борьбу за светлое будущее, любовь к Отечеству, совокупность житейского опыта и наставлений, жизненных целей и убеждений. Взгляды народа на умственное воспитание в широкой форме отражены народной педагогикой: «Знанием освещается твой ум», «Без знания не найдёшь работу, без работы не будешь сытым».

Знания, воспитанность, благородство и человеческое счастье тесно связаны между собой: «Солнце освещает Вселенную, а знания - человека», «Учение – источник знания, а знание – источник счастья». Для народа самым важным было применение знания в жизни, он не верил в полезность абстрактных знаний, так как их нельзя применить на практике. «Не используемое знание подобно туче без дождя».

В народной мудрости не было места зубрежке и книжным знаниям: «Тот, кто усвоил знания исключительно по книге, тот чаще ошибается и делает неправильные шаги». Подвергается осуждению тот, кто не передаёт свои знания, похож он на свет в кувшине. Опираясь на народную философию, люди систематически пополняли свои знания, рассуждая следующим образом: «Учение подобно плаванию против течения: остановишься на миг, тебя отнесёт назад». У народа есть прекрасные афоризмы о книгах – источниках знания: «Природа пробуждается солнечным восходом, а голова просветляется чтением книг», «Самое большое наслаждение от чтения книг», «Не прочтёшь в течение трёх дней книгу – потеряется красота твоей речи» и др. [10, 59-60].

Народная педагогика особое внимание уделяет проблеме между родителями и детьми, уважению к старшему поколению, выдвигая на первый план личный пример отцов. Народная педагогика родителей рассматривает в качестве первых воспитателей. Она способствовала созданию своеобразного культа матери: «Если в течение всей своей жизни трудишься дни и ночи, не

сможешь возместить труд матери», «Ласка матери смягчает камень», «Материнская грудь – колыбель для сыновей». Народом почитается и отец: «Если даже голодуешь в течение шести дней, всё равно почитай отца», «При жизни отца следи за его поступками, после смерти отца – помни о его завещании» [10, 60-61] и т.д.

В устном поэтическом творчестве таджикского народа фольклор – самый активный и распространенный памятник наших предков. В течение тысячелетий таджикским народом обобщены проблемы социально-исторического опыта. Обычно, они в афористической форме с поучительным содержанием были выразителями дум и чаяний людей, его взглядов на общественную жизнь и эмпирического представления о воспитании молодёжи. Таджики из своей истории отбирали все педагогические ценности в семейном воспитании не одного поколения и выразили их как поучительные афоризмы.

Памятниками таджикского фольклора выражается та или иная воспитательная идея. Они создаются и отшлифуются с определенной воспитательной задачей, дидактическими целями, которых диктуют педагогическая интуиция таджиков, принцип целесообразности. Народная мудрость с педагогической интуицией и педагогической целесообразностью соотносит любую мысль и рекомендацию, любое пожелание и требование.

Благодаря краткости и лаконичности устного народного творчества, легко запоминается нравственная форма, нравственное правило: «Твой друг – твоё зеркало». Патриотизм таджикского народа выражался посредством кратких крылатых фраз: «Тюльпаны украшают даже плешивую голову». Некоторые миниатюры таджикского народа однострочные: «Обходи кривую стену» [10, 116]. В двустрочном афоризме при сопоставлении второй половиной усиливается главная смысловая нагрузка и общая воспитательная идея пословиц: «Не опасны черная туча и говорливый, а опасны белая туча и молчаливый». В многострочных ступенчатых афоризмах повторение

указывает на главную идею пословиц: «Кто сказал что кошка - мышке, шакал - курице, волк – овце дает хорошие советы?» [10, 117] и др. Это говорит о том, что жизненные потребности, материальные условия жизни оказывали воздействие таджикскому народу при изложении и выражении своих педагогических рекомендаций. Всё это прекрасно выражено П. Лафаргом: «Отходные выражения и пословицы показывают, быть может, ещё яснее, чем отдельные слова, те нити, которые связывают язык с явлениями окружающей жизни» [73, 12].

Композиционная структура каждого афоризма свидетельствует о его педагогической целесообразности, так как не только усваивается истина, но и превращается она в неписаный закон жизни, воспитывающий и формирующий личность.

Педагогические миниатюры таджикского народа имеют воспитательное воздействие на личность. Они художественно оформлены, использованы для этого поэтическая образность, словесная ритмика и др. Благодаря этому, афоризмы приобрели яркое интонационное и смысловое звучание.

Анализируя таджикские народные афоризмы, мы находим выражения смыслового параллелизма и противопоставления. Это противопоставление способствует тому, что одна часть пословиц по содержанию усиливает другую часть. Существует также смешанный параллелизм, когда в общем плане сопоставляют несколько разных предметов, явлений и понятий. Для усиления эмоциональности таджикская народная поэтическая речь использует риторический вопрос: «Разве можно услышанное сравнивать с виденным?». Это означает того, что люди должны услышанного закреплять увиденным, в практическом плане.

Для того чтобы эмоционально воздействовать на молодёжь, таджики рационально использовали и звуковую форму во всём её богатстве. Таджикские народные афоризмы музыкальны и мелодичны, так как в них

используются сравнение, антитеза, гипербола, метафора, ирония, аллегория и др. Так, таджикский народ часто использовал иронию, так как ирония позволяет осмеивать клубок негативных явлений. У иронии иносказательная форма, когда у комического и смешного появляется нарочитый серьезный вид. Скромность украшает человека, но нередко скромный человек незаслуженно остается в тени, незамеченным. На подобные явления намекает ироническая пословица: «Ферзь, который ходит вкось, удостоился чести быть рядом с королем, бедная ладья, что ходит прямо, осталась в стороне».

Таджикские народные афоризмы также полны гиперболами и тропами. С их помощью намеренно преувеличиваются важнейшие педагогические понятия. Трудовому воспитанию и профессиональной подготовке молодежи таджикский народ уделял особое внимание: «Для однодневного путешествия обеспечить себя десятидневным запасом».

Для образного определения эпитетов, как скрытого сравнения даётся дополнительная художественная характеристика тому или иному предмету. При этом намеренно присваиваются возвышенные эпитеты благородным нравственным качествам человека: «Человек нежнее цветка, крепче камня» или же «Золото проверяют огнем, человека - трудом» и т.д.

Всё перечисленное свидетельствует о том, что пословицы и поговорки – это народные педагогические миниатюры, в которых большей частью нашли своего выражения представления народа о том или ином дидактическом принципе, которым воспитывается и обучается человек. Так принцип доступности осуществляется благодаря лаконичности и краткости каждого афоризма. Афоризмы как основа наглядности посредством общих элементов ритмики и поэтики, включающие в себя параллелизмы, рифм, гипербол, метафор, аллегорий, эпитетов и др. становятся образными. В композиционной структуре афоризма (однострочный, двухстрочный, многострочный), в применении повтора, напоминания, риторического вопроса и восклицания реализуется принцип прочности, систематичности и

последовательности. Таким образом, «все афоризмы, отражающие условия материальной жизни общества, сокровенные чувства, мысли, чаяния народа, создают условия для обеспечения связи воспитания с жизнью» [73, 94].

При рассмотрении таджикского фольклора в качестве «света народного ума», в качестве педагогической миниатюры, обращают внимание на тот факт, что они обладают ярко выраженным нравственно-поучительным характером. Характером сюжетной линии и особенностью развития действия жанры фольклора отличаются друг от друга. Так в жанре былины они обладают героическим характером, в сказках – чудесно-фантастическим, а в лирике – жизненно убедительным, поскольку намерения и действия персонажей в упомянутых жанрах являются различными. В связи с этим, можно говорить о нравственно-поучительном характере таджикского фольклора.

ГЛАВА II. ИДЕИ ВОСПИТАНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

2.1. Опыт народного воспитания в таджикских обрядовых песнях и рассказах

Издавна человек интересовался тайнами природы, по определенным признакам стремился заранее предсказывать погоду, предвидеть стихийные бедствия, объяснять явления природы, предполагать, каким будет урожай («Если осенняя пора года и два первых месяца весны будут дождливыми, быть богатому урожаю»).

В воспитании детей народные приметы имели, безусловно, важное значение, так как оберегали людей от неожиданностей стихийных бедствий, позволяли в зависимости от погоды, заранее планировать полевые работы. До сих пор старики в селениях частенько по приметам безошибочно предсказывают погоду.

Песни – одно из самых массовых средств воспитания в таджикской народной педагогике. В частности, трудовые песни, прежде всего, преследовали практическую цель – они снижали утомляемость и создавали определенный ритм в работе, особенно в коллективе. Люди подчиняли трудовой процесс ритму песни; согласовывая действия, они тем самым как бы облегчали процесс труда. Кроме того, ритм, мелодия, созвучность трудовых песен создавали определенный эстетический настрой.

В дни праздника Навруз, который совпадает с днем весеннего равноденствия, во время свадеб и других торжеств таджики устраивали состязания, игры, плясали, пели песни. Несмотря на подневольный труд, люди пели. Пряли – пели, работали на поле, на лугу, украшали и отделявали орудия труда – пели, строили дома – пели. Они воспитывали своих детей и в труде, и во всевозможных подвижных играх, состязаниях, и в разучивании и исполнении песен.

Каждый вид трудовой деятельности предполагал свои песни. Постепенно сложились песни пахарей, песни пастухов; женщины пели свои песни во время доения коров, овец, коз, при изготовлении пряжи, выделки ковров, паласов (ковер без ворса), причем вид работ предполагал громкое пение или пение вполголоса. В результате создано множество видов трудовых песен. Они имели большое значение в воспитании у молодого поколения трудолюбия, неся в себе одновременно различные сведения и представления, связанные с трудовой жизнью.

Обрядовые песни были созданы в борьбе со стихийными силами природы. Еще первобытные люди – предки таджикского народа заговорами и заклинаниями (иногда в виде просьбы, иногда в виде угрозы) стремились повлиять на стихийные силы, призвать солнце, дождь, ветер, чтобы они (эти силы) помогли им в хозяйственной деятельности.

К обрядовым песням в основном относятся песни-заклинания, календарно - обрядовая и семейно - обрядовая поэзия. По мере того как, люди овладевали тайнами природы и становились менее зависимы от нее, песни-заклинания постепенно забывались, поэтому их сохранилось немного.

Песни, исполняемые по случаю ежегодно повторяющихся обрядов, связанных с земледелием (например, обряд начала или завершения полевых работ), со скотоводством (например, обряд ожидания приплода) и т. д. относятся к календарно-обрядовой поэзии. А песни, исполняемые по поводу рождения ребенка, смерти, свадьбы и т. д., относятся к семейно-обрядовой поэзии. Во всех этих видах песен имеются определенные воспитательные элементы.

Лай-лай (убаюкивание) – так называются у таджикского народа колыбельные песни. В сущности это обращенные к ребенку поэтические произведения, под влиянием которых он познает звуки родной речи, постепенно начинает привыкать к матери, понимать ее обращение к нему. Эмоциональность и ритмичность колыбельных песен, задушевно

исполняемых взрослыми (особенно матерью), убаюкивают малютку, способствуют глубокому и спокойному сну ребенка.

Лай-лай – это собственно колыбельные песни. В отличие от них забава, потеха, развлечение занимают главное место.

В колыбельных песнях (в том числе и в охшаме) отражены внутренний мир родителей, их размышления, надежды, мечты, чаяния и тревоги, связанные с судьбой ребенка.

В формировании личности ребенка большую роль играли такие факторы, как развитие речи, навыки правильного произношения, увеличение запаса слов. Народной педагогикой были созданы вспомогательные средства – считалки, дразнилки, скороговорки и другие подобного рода жанры; некоторым из них трудно подобрать аналоги в русском языке. Эти произведения ритмичны, легко усваиваются, дети с удовольствием проговаривают их, легко запоминают. Благодаря считалкам летя в процессе игры, учатся счету. Существует множество разновидностей считалок: это и просто перечисления, и истории, в которых обязательно задействованы цифры от 1 до 10, и ритмичные стихотворения о растениях, животных и т. д. Считалки значительно облегчают обучение детей счету. Жанр устного народного творчества способствует развитию у детей чувства ритма. В таких, как «О лед, как силен ты?», детям даются несложные сведения об окружающей действительности, явлениях природы, значительно расширяющие их кругозор. Скороговорки - непереволимый жанр устного народного творчества, способствуют развитию дикции у детей, причем в тематике скороговорок разных народов много общего. Детские игры помогают физическому развитию детей, развивают смекалку, способствуют формированию таких качеств, как дружба, взаимовыручка, взаимопомощь, отзывчивость и др.

Анализируя поэтические особенности обрядового фольклора таджиков, следует отметить, что по своему содержанию он делится на четыре группы:

В первую входят те произведения, которые по своему содержанию тесно связаны с идеей и сущностью обряда. В таких произведениях отражаются древние представления людей об окружающем мире и его явлениях. Посредством образных слов, выражений и магических приемов люди предполагали воздействовать на природу, изгнать или умилоствовать нечистую силу. Чтобы добиться хорошей жизни, богатого урожая, изгнания болезней, люди пели, танцевали, играли, произносили канонизированные слова, устраивали различные сценки магического характера.

Участники обрядов, в том числе и календарных, верили, что совершаемое ими принесет благополучие народу. Поэтому они не считали себя простыми людьми, а думали, что обряд даст им какую-то власть и силу. Остатки таких взглядов особенно ярко проявляются в песнях цикла «Подснежник» («Бойчечак»). В другой группе обрядового фольклора находят свое художественное отражение народные мечты и чаяния. Даже в песнях обряда «Подснежник» («Бойчечак»), исполняемых детьми, поэтически изображается благополучие, здоровье, изобилие, т. е. все то, о чем веками мечтал трудовой народ. Его надежды и мечты ярко воплощаются, в песнях, посвященных молотье, новому году, первому снегу.

Своеобразный характер принимает выражение надежд и желаний в свадебных песнях. В этих песнях гости желают молодоженам всяких благ. Здесь большое место занимают художественные образы невесты и жениха. Обычно, молодая изображается красивой, изящной, хрупкой. В свадебных песнях воспеваются мужество, ум, находчивость и другие хорошие качества жениха.

Люди очень бережно и с большим вниманием относились к новой семье. Эта забота особенно ярко выражается в песне «Саломнома». Вечер, в который происходит церемония бракосочетания, называется «ярко освещенным», «вечером достигнутого, желаемого».

В обрядовых песнях, относимых нами к третьей группе, отражаются жалобы трудового народа, его протест против жизненной несправедливости. Выражение печали и протеста звучит особенно сильно в похоронных песнях и причитаниях.

К четвертой группе относятся песни, в которых отражается радостное настроение людей. Это радостное настроение ощущается также в песнях «Подснежник» («Бойчечак») и в других поэтических произведениях, связанных с календарными обрядами.

В связи с этим, в таджикском фольклоре большое внимание уделяется песням – самому массовому средству в воспитании молодёжи. Песнями выражается внутреннее состояние людей, эмоции, переживания. С помощью богатства языка народной песни таджикским народом легко и ясно воспринимается духовная культура. Народные песни являются отражателями нежных материнских чувств к каждому ребёнку, восторгом красотой природы, деятельного участия в процессе труда, веселья и удали в свадебной песне, глубокой любви к своей родине, уважения к отцу и матери, почитания героев - таджиков. Воспитательная ценность песен заключается в благозвучности звуков, мелодической напевности, гармоничном сочетании ритмов песен с окружающей средой, преемственности и профессионализме певца. Для исполнения народных песен нужны торжественные случаи: праздники, свадьбы, встреча высокого гостя. Существует несколько видов таджикских народных песен. Тематически они бывают историческими, трудовыми, свадебными, игровыми, приветственными, песнями-насмешками, любовными, песнями-состязаниями и другими. Народные песни по форме песни бывают длинными с присутствием протяжного напева и короткими, исполняемыми дугаром (мелодия таких песен быстрая и бойкая).

Таким образом, наиболее очевидным проявлением воспитательных связей фольклора считается его функционирование в быту. В педагогике накоплен обширный и разнообразный материал, показывающий, насколько

органично и вместе с тем сложно включен фольклор в воспитательную практику народа. Однако еще далеко не полностью учтен набор таких разнообразных включений, а самое главное – не выяснены их историческая типология и их структурное значение для современной педагогики. Народные поэтические жанры таджикских произведений в составе того или иного обряда, трудового процесса, воспитательной ситуации и др. находят своего истинного смысла, своего значения и содержания. При этом отношения между фольклорным явлением и традиционными формами воспитания далеко не просты. Особенно это касается обрядовых связей, поскольку тогда фольклор включается в очень сложную, опосредованную, со своей долгой историей, со своим специфическим набором значений систему направленных действий и представлений. Заманчивой кажется задача – историко-типологического исследования воспитательных функций фольклора.

Устное народное творчество с разъяснениями, дополнениями и поэтизированием определённых воспитательных моментов, своим языком не только рассказывает о совершающихся воспитательных действиях, но и о собственных планах, отсутствующих, не воспроизведенных, или утраченных традициями.

Иначе и в сложной форме наблюдается проявление функциональных связей фольклора с воспитанием. Мы вправе рассматривать многие традиционные формы воспитательного процесса как хорошо организованной системы со своим замкнутым содержанием, со своей сюжетикой, с элементами знаковости и кода.

Песни нередко составляют органическую часть этих систем, они связаны с данным рабочим процессом, с определенными производственными задачами, с повторяющимися движениями, ситуациями и другими. Трудовые песни имеют неоднозначную функцию: они по-разному облегчают процесс труда, создают единый ритм, сплачивают рабочий коллектив, способствуют

созданию благоприятной эмоциональной обстановки. Трудовая песня может иметь магическую функцию: способствует обеспечиванию успеха в работе, воздействует на ряд каких-то сил с отстранением возможных опасностей, и др.

Основное идейное содержание сказок - непримиримая борьба двух сил – добра и зла, в результате которого народный герой всегда побеждает своих врагов и восстанавливает справедливость. Например, в сказке «Честная девушка и нечестный шейх» события разворачиваются так. Однажды купец, отправляясь в далекий путь, оставил на попечение шейха свою четырнадцатилетнюю дочь. Соблазнившись ее красотой, шейх начинает преследовать девушку. Она бежит из его дома. В отместку шейх клеветает на девушку, пытаясь добиться ее казни. Но, в конце концов, правда торжествует: «благочестивый» старец разоблачен и подвергается казни.

В своей поэме «Мушу гурба» («Мышь и кот») Убайд Зокони, аллегорически изображая угнетенных под видом мышей, а угнетателей – под видом кота, рассказывает, что большой кот в Кирмане, гроза округи, поймал как-то в погребе мышонка. Расправившись с добычей, кот решил покаяться и, отправившись в мечеть, предался молитве, дав обет отныне не трогать мышей. Обращаясь к Богу, кот говорит:

Прости, творец, отныне стану тише, -
Во веки в зубы не возьму я мыши.
За эту ж кровь невинную, о небо!
Раздам я беднякам две меры хлеба [102,14].

В конце сказки Убайд Зокони говорит, что пока кошка еще сильнее, даже и при единении мышей, и ее нужно сугубо опасаться, т. е. если народ победит угнетателей, но полностью их не добьет, то они (враги) снова наберутся сил, нападут на народ и «сравняют его с землей».

Ярким примером этого является произведение замечательного таджикского поэта XVII века Сайидо Насафи «Бахориёт» (Весенник). «Бахориёт» Сайидо, как и «Мушу гурба» Убайда Зокони, является назидательным произведением. Сюжет этой поэмы Сайидо таков: 18 животных попарно ведут спор друг с другом. Каждый из них, порицая другого, стремится возвеличить себя. В конце поэмы, услышав слова муравья, все они раскаиваются и просят друг у друга прощения. Под муравьями Сайидо подразумевает трудящиеся, в частности крестьянство. Он показывает их превосходство над всеми другими слоями общества, и сила трудящихся, по его мнению, в их союзе и единстве.

Приведем выдержку из поэмы Сайидо «Бахориёт»:

Какой-то муравей проходил, помышляя о зернышке,
Подошел он ко льву и сказал «О, Рустам нашего времени!
Разве ты не знаешь об объединении муравьев?
Почему ты считаешь нас слабыми и ничтожными?
Твое потомство – пища для моих домочадцев,
Дом мой всегда полон львят,
Мои воинственные дети сегодня побеждают львов,
Моя слабая родня правит тобою по-своему.
Слышал ли ты о муравье, который Соломона
Потчевал по своему обычаю бедром саранчи?
Эту честь обрел он в своей скромности,
Иначе где тягаться муравью с огромным войском!»
Когда муравей вымолвил такие слова,
Примираясь, собрались все звери,
От глубины души стали просить друг у друга прощения,
Воцарился тут общий мир [102, 72].

Хотя «Мушу гурба» («Мышь и кот») Убайда Зокони и «Бахориёт»

Сайидо Насафи, как по форме, так и по морально-нравственному содержанию, близки друг другу, но тем не менее между ними существует и принципиальная разница. Убайд Зокони подчеркивает мысль о том, что человек при любых условиях должен быть высоконравственным, ибо лучше быть неверным, но морально чистым, чем мусульманином и безнравственным:

Придерживайся любой веры, но будь добродетельным и
милосердным.

Потому что неверие и добронравие лучше, чем ислам и
безнравственность [102, 73].

Далее, Убайд Зокони указывает, что еще со времени Адама до нашего времени наиболее благородная часть человечества с исключительным напряжением и большим усердием стремилась достичь четырех основных добродетелей – мудрости, мужества, справедливости, и скромности, обладание которыми мудрецы считали главным способом достижения счастья в этом мире и средством спасения в мире грядущем.

Убайд Зокони показывает ненасытность, алчность, жажду наживы и безнравственность поступков, которые совершают ради увеличения своего богатства. Очень ярко и убедительно разоблачает он мораль людей, у которых богатство ценится дороже жизни, и которые ради сохранения и увеличения своего богатства совершают самые грязные и подлые, несовместимые со званием человека поступки.

Назидательные советы Убайда Зокони изложены в его работе «Рисолаи сад панд» («Сто назидательных советов»). «Рисолаи сад панд» («Сто назидательных советов») являются квинтэссенцией педагогических взглядов Убайда Зокони, изложенных в очень оригинальной форме. В ней автор как бы подводит итог всему тому, что он высказывал в других своих назидательных работах. Педагогической значимостью «Рисолаи сад панд» («Сто назидательных советов») Убайда Зокони является то, что в ней каждое

назидание изложено в очень лаконичной форме, в коротких, иногда состоящих из трех-четырех фраз, сентенциях.

Свое произведение Убайд Зокони начинает небольшим предисловием, где он говорит о тех целях, которые преследовал при написании данной работы. Кроме того, по словам Убайда Зокони, он был знаком с мудрыми изречениями, которые были написаны на царской короне по указанию царя Ануширвана. Все эти изречения произвели на него такое большое впечатление, и он был так увлечен их мудростью, что решил сам написать подобную книгу, чтобы от нее народу была известная польза.

Назидательные советы Убайда Зокони по своему содержанию весьма разнообразны. Многие из его советов не потеряли своего значения и до сих пор. Часть из них сохраняет лишь чисто исторический интерес. Среди советов Убайда Зокони есть и такие, которые по форме носят совершенно непристойный характер.

Ряд советов Убайда Зокони на первый взгляд кажется чрезвычайно примитивным, не имеющим существенно-дидактического смысла и значения. Однако такое впечатление остается лишь при поверхностном рассмотрении этих назиданий. Когда же читатель глубже вникает в их смысл, ложность первого впечатления становится для него очевидной.

В назидательных советах Убайда Зокони нашли отражение различные стороны жизни эпохи, в которую он жил и творил. Наблюдая невыносимо тяжелые условия жизни трудового народа и не находя выхода из этого беспросветного мрака, Убайд советует людям ценить каждое мгновение радости, стремиться продлить его. Убайд Зокони напоминает своим современникам, что человеку суждено жить на свете только один раз, и поэтому надо сделать так, чтобы жизнь прошла в радости и наслаждениях.

Приведем несколько назидательных советов Убайда Зокони: «Живите настоящим, ибо второй жизни не будет»; «Наслаждение этого дня не откладывайте на завтра»; «Счастливым днем не променяйте на несчастный»;

«Время болезни за жизнь не считайте»; «Счастьем в жизни, светом очей и радостью сердца считайте созерцание прекрасных ланит» [102, 100].

Второй важный и интересный вопрос, который ставит в своем «Сад панд» («Сто назидательных советов») Убайд Зокони, это вопрос о взаимоотношениях между людьми. Писатель советует ценить хороших людей; ради хорошего человека можно, говорит он, пойти на все, не жалея даже жизни. Идеалом хорошего человека для него были простые, но умные и мудрые люди из народа, свободные от тех многочисленных пороков, которые он беспощадно критиковал. Убайд Зокони пишет: «Жизнью пожертвуйте ради хороших друзей»; «Людей злых, лицемерных, скупых, лжецов и развратников проклиняйте» [102, 107]. Если в работе Убайда Зокони «Дах фасл» (Десять глав) дается открытая критика господствовавшей в то время морали, то в его «Сад панд» (Сто назидательных советов) эта критика дается в более завуалированной форме, в виде советов. Для примера приведем еще один из его советов: «Занимайтесь шутовством, сводничеством, игрой на бубне, клеветой, лжесвидетельствуйте, продавайте свою веру, будьте неблагодарными и вы будете уважаемы великими мира сего и царями, а ваша жизнь будет счастливой» [102, 134]. Этот совет Убайда Зокони содержит глубокий дидактический смысл. Тут мы видим прямую связь между его произведением «Сад панд» (Сто назидательных советов) и другими работами, в особенности «Дах фасл» (Десять глав) и «Ахлоқ-ул-ашроф» (Поведение благородных). В этих работах он указывает на такие добродетели, как мудрость, справедливость, скромность, щедрость, верность долгу и вредные качества.

В ряде советов Убайд Зокони показывает свое отношение к благочестивым людям и пишет: «Стремитесь в общество честных, благородных и правдивых риндов, чтобы быть свободными», «Избегайте соседства подвижников, чтобы вы могли жить так, как ваша душа желает» [102, 144].

Убайд Зокони свои воспитательные идеи выражает в форме призывов, советов и назиданий. Следовательно, в народном воззрении на воспитание и обучение нашли свое отражение прогрессивные, демократические идеи мыслителя. Вместе с тем наблюдалось и обратное явление, когда мыслитель выражал и собственные взгляды, опираясь на народную мудрость. Джами говорил, что из уст мудрецов слова сыплются «как жемчуг», что «клад мудрости – их внутренний мир». А отсюда назидание – держи себя ближе к народным мудрецам, Саади иронически замечал:

Взялся глупец научить речи осла,
Много сил и времени растерял дотла,
Говорит мудрец ему: «Не смей людей, не позорь себя.
Учись у осла молчанию, когда это нужно» [103, 46].

В силу исторических и культурных связей таджикско-персидские писатели и просветители оказали существенное влияние на становление педагогикой культуры в Центральной Азии. Следует сказать, что именно в этот период появляются первые педагогические произведения, обогатившие общую педагогическую культуру народов Центральной Азии.

Такое же влияние на формирование прогрессивных педагогических идей оказали замечательные ученые, писатели просветители как Ахмади Дониш, Садриддин Айни и др. Итак, педагогические воззрения таджикского народа сложились в глубокой древности. Многовековая педагогическая культура и опыт воспитания в таджикской семье также выражается народной мудростью о процессе воспитания. Когда мы говорим о педагогическом воззрении народа, имеется в виду не нация в целом, не совокупность классов, а трудовая часть нации, ибо речь идет о педагогических воззрениях трудящихся масс. «Когда-то в древности, – писал М. Горький, – устное художественное творчество трудящихся служило единственным

организатором опыта...» [44, 334]. Народное воззрение вобрало в себя все лучшее, что было в педагогических творениях прошлого.

К тому же, комплекс народных идеалов в воспитании оказывал своего прямого воздействия на исходную позицию того или иного великого просветителя. Просветители стали по - другому понимать цели и задачи воспитательного процесса. М. Горький подчёркивал, что «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества, которое непрерывно и определенно влияло на создание крупнейших произведений книжной литературы...» [44, 334], чего можно целиком и полностью отнести к становлению и формированию педагогических воззрений таджикского народа.

Народная мудрость выражала совокупность мыслей и чаяний таджиков о процессе обучения и воспитания сыновей. Это дало возможность тому, что народная мудрость и официальная педагогическая доктрина налаживали отношения между собой.

В своей тысячелетней истории таджики преодолели ложные представления и понятия о воспитательном процессе.

Народные воззрения на процессы воспитания и обучения обязаны своим происхождением - житейской практике самого народа. К. Маркс и Ф. Энгельс касаясь проявлений первобытного сознания и материалистического понимания истории, писали: «Производство идей, представления, сознание первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей является здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законах, морали, религии, метафизике и т. д. того или другого народа» [78, 24].

Сопоставляя творения каждого великого мыслителя с народными взглядами на воспитательный процесс, заметим, что легко запоминающиеся афоризмы способствуют полному их единству. Образным словом выполняется изобразительная, и выразительная, и информационная, и коммуникативная функция. Оно связывает назидания великих мыслителей с таджикским народным афоризмом.

Таким образом, таджикский фольклор является неотъемлемой частью национальной культуры. Великим русским педагогом К.Д. Ушинским высказана следующая мысль: «Воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ» [71, 114]. Однако это может относиться и к таджикам. К тому же, духовный уклад таджикской народной педагогики, возникший в средневековье, появилась раньше общей педагогики, поэтому не мог не влиять на ее раннюю форму. Народная культура непосредственно воздействовала на таджикскую педагогику. По справедливому утверждению исследователя истории таджикского фольклора Р.Амонова о том, что «в средние века таджикские мыслители, как представители официальной педагогики не могли не учитывать богатейшего опыта воспитания, накопленного соотечественниками» [8, 27].

Исследователи культуры таджикского народа в убедительной форме показывают, что официальная и народная педагогика находятся в процессе взаимодополнения и взаимообогащения. Официальная педагогика всегда находилась под влиянием государственных идеологий, а это влияло и на народную педагогику, которая была выразителем дум и чаяний таджиков, их представлений о процессах воспитания и обучения.

Еще в двадцатых годах один из первых авторов народной педагогики Г.Н. Волков писал: «Трудно сказать, почему у народоведов не хватило внимания к вопросам, которые относятся к народным идеалам, взглядам, путям и средствам воспитания и обучения. В этой области у нас сделано изумительно мало. Тому, кто взял бы на себя задачу дать хотя бы общий

очерк народной педагогики, предстоит встретиться со многими трудностями» [36, 64].

В.Г. Белинским глубоко исследована самобытная педагогическая культура народа. Им ставится вопрос: «В чем состоит самобытность каждого народа? В основном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взглядов на предметы, в религии, языке и более всего в обычаях. Эти обычаи состоят в образе одежды, прототип которой находится в климате страны, в формах домашней и общественной жизни, причина коих скрывается в верованиях, поверьях и понятиях народа... » [15, 106].

Такие самобытные черты наблюдаются в народной педагогике, в обычаях и традициях, в воспитании и обучении. В связи с этим, прежде чем исследовать народную педагогику, нужно рассказать о некоторых типичных, специфических чертах педагогики народа.

Народная педагогика в своём диалектическом аспекте имеет исторический, социально-экономический уклад жизни, богатый язык, культуру, обычаи и традиции.

Таджикской культурой внесён огромный вклад в историю цивилизации, в науку, литературу и искусство. В древности искусными ремесленниками были возведены ряд огромных дворцов и храмов. А в наше время древние цветущие города и поселения сохранили свои развалины. К самым распространенным видам фольклора, которые дошли до нас, относят легенды, предания, загадки, пословицы, притчи и аллегории. Их рассматривают в качестве народных педагогических миниатюр, а сказок, дастанов (поэм), эпоса – в качестве учебников народной жизни.

В педагогическом плане интересно наблюдать за тем, как народная педагогика относится к ребёнку в качестве объекта и субъекта воспитательного процесса. Заслуживают особого внимания вопросы рождения детей и любви к ним, отношения к собственным детям и детям других людей, усыновления и другие.

Важно отметить, что народная педагогика богата комплексом воспитательных методов. Самые эффективные из них включают в себя проблемы личного примера, убеждения, приучения, требования, просьбу, совета, намека, упрёка, одобрения, осуждения, поощрения, наказания и др.

Народная педагогика главное внимание уделяет содержанию воспитательного процесса. Очень богато и разнообразно представляется народом формирование личности и умственное воспитание молодёжи. Загадки, считалки, фонологические и астрономические наблюдения всегда служили воспитанию любознательности, развитию логического мышления детей. Сердцевиной семейного воспитания является трудовое воспитание. Важен не показ того, каково представление народа о воспитательном процессе, а как раскрывает она комплекс его форм, содержания и методов.

Народная педагогика связывала с нравственным воспитанием молодёжи моральный кодекс семьи. Нравственная личность обладает некоторыми основными чертами, которые народом понимается как чувство любви к Отечеству, народу, к коллективу, правдивости, честности, скромности, верности в дружбе и любовных отношениях и др. Народ уделяет особое внимание физическому и эстетическому воспитанию молодого поколения. При рассмотрении этих вопросов учитываются национальные воспитательные традиции таджиков.

Несмотря на гениальные мысли таджиков, относительно воспитания и обучения, нужно учесть тот факт, что эти взгляды имеют стихийно-педагогическую и наивно-реалистическую основу и в основном выражают эмпирические знания. Поэтому у них были и некоторые ошибочные представления, а их народная философия была ограничена. При декларации тех или иных истин, заповедей, таджики правильно определяли, что можно, что нельзя делать, как нужно поступить, но не всегда представляли на то, почему так нужно поступить. В связи с этим, мы, с опорой на народную

педагогику, решили выяснить суть того или иного явления, касаясь все основные вопросы учебно – воспитательного процесса.

На взгляд Н. Г. Чернышевского, произведения фольклора являются выразителями чувств, обычаев, традиций, дум и чаяний народов. Эти выражения носят целомудренный и возвышенный характер. Вся прелесть, тонкость, нежность, оригинальность народной мудрости очень сильно воздействует на людей. Народный быт и творчество изучается с той целью, чтобы дать характеристику народу. Учёные считали необходимым изучать народное творчество, так как оно первоисточник народной культуры.

По мнению великого русского педагога К.Д. Ушинского, первым воспитателем является народ, а народными сказками впервые создавалась народная педагогика. Идейное содержание, наблюдательность, точность взглядов и выражений народной мудрости о воспитательном процессе так оригинальны, что «никто не в состоянии состязаться с педагогическим гением народа» [71, 112].

В наше время можно воспитывать детей прогрессивными традициями. Как естественная первичная ячейка общества, в семье закладывается опора общества, формируется и развивается личность.

Народная педагогика является совокупным педагогическим знанием, и воспитательным опытом таджикской культуры, ибо посредством просветительской идеологии определённым образом сформировались взгляды на учебно-воспитательный процесс. Своими общепедагогическими идеями Санаи, Аттар, Джалаладдин Руми, Саади, Хафиз и др. оказывали влияние на нравственные идеалы, умственное и эстетическое воспитание молодёжи и тем самым формировали личность. Народная педагогика предлагает не только педагогические истины с отражением своих идеалов, но и ряд важнейших педагогических принципов.

Как педагогическая культура, как народное творчество, народной педагогикой олицетворяются народные взгляды и представления о жизни и

семейном воспитании, воспитании молодёжи. Человек создал своеобразные миниатюры в притчах, рассказах и легендах и передавал их от одного поколения другому, которые существуют и в наше время, выражая педагогическую культуру таджиков.

2.2. Таджикские пословицы и поговорки – народные педагогические миниатюры

Научные исследования рассматривают народную педагогику в качестве объекта, оказывая свое определенное влияние на педагогическую теорию и практику, на семейное воспитание. А.Э. Измайловым отмечается следующее: «Поскольку в основе народной педагогики лежат эмпирические знания, она наряду с практически достоверными, ценными, полезными знаниями, сведениями содержит искаженные, неточные, а порой ошибочные и даже вредные идеи. Например, некоторые поговорки и пословицы выражают покорность к проявлениям социальной несправедливости, рекомендуют применять физические наказания в семье и т. д.» [57, 114].

Эмпирические народные представления и знания часто носят прагматический характер, т.е. жизненными явлениями отражается не реальная действительность, а только оценивается их практическая полезность. Прагматизм и утилитарность иногда граничат между собой, когда польза в качестве нравственной основы и нравственного поступка, без учёта мотивов человеческих действий рассматривается позитивно.

В многовековой истории таджиков в народной педагогике, утилитарно-практическое направление подвергалось исторической эволюции, тогда утилитарное начало уступило художественному началу. В связи с этим, идейное наследие нуждается в критическом осмыслении.

Таким образом, народная педагогика на первое место ставит свод демократических и гуманистических идей.

Таджикские поговорки, пословицы, сказки и другие творения народа представляют собой народную практическую философию и в них отмечаются «вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда, и всей суммой социальной жизни древних людей» [43, 122].

Как и другие фольклорные произведения, памятники народной педагогики имеют синкретическую черту. Возникновение и сложение многих памятников в эпоху, называемым древним поэтическим синкретизмом иногда обладают чертами неразвитости, нерасчлененности. В них не органически сливаются разнообразные понятия, суждения относительно воспитания и обучения.

Четкие и определенные законы систематизированного знания, точные научные термины отсутствуют в народной педагогике. В терминологии народной педагогики присутствует местный диалект, а также типичные народные приметы и выражения. Народная педагогика имеет язык, который понятен и близок трудовому народу. Необходимо отметить тот факт, что народные афоризмы включают в себя ряд устаревших слов и грамматических форм, которые оживлены ими и никак не кажутся устаревшими. Они характеризуются успешным выполнением своей смысловой, идейно-эстетической функцией. С. Г. Лазутиным отмечается, что «различные факты и явления языка: словаря, синтаксиса, морфологии и фонетики фольклора в своих идейно-эстетических функциях выступают не изолированно друг от друга, а в самом тесном контакте...» [16, 69-70].

Убедительность, образность, конкретность и эмоциональность приносят не только при эпитете, гиперболе, аллегории, риторических вопросах и восклицаниях, но и всех лексических, синтаксических,

морфологических и фонетических языковых средствах. Они объединяются композицией, ритмикой, а в песенном жанре мелодией.

Ещё одну характерную черту имеет народная педагогика, которая заключается в том, что ее творческая основа носит коллективный характер. Об этом учеными высказывается целый ряд противоречивых суждений. Известным фольклористом К. М. Соколовым отмечено следующее: «Давно поставленная в русском фольклорном языке проблема творческой индивидуальности в настоящее время считается там, будто разрозненной в политическом смысле, и старое романтическое представление о «коллективном» начале в области устного творчества почти отброшено или, во всяком случае, в очень сильной степени ограничено» [57, 21]. Заменить Суфизаде А. Народное творчество, на взгляд М.К. Азадовского, индивидуально. Им «рассматриваются отдельные творцы в устном народном творчестве полноправными авторами» [16, 69-70].

Подобные позиции, несомненно, ошибочны. На взгляд В. Г. Белинского, «автором русской народной поэзии является сам русский народ, а не отдельные лица» [15, 57]. По меткому замечанию А. Н. Веселовского, народный эпос характеризуется коллективным началом и продолжает, что «народные эпопеи анонимны, как средневековые соборы» [57, 57].

По мнению О. Ф. Миллера, «устные произведения сохранились в течение долгих веков просто памятью, но не памятью отдельного человека или даже нескольких человек, они сбереглись «общим трудом, участием общей памяти». Наличие даже разных вариантов не исключает коллективный, общенародный характер народного творчества» [57, 116].

Народная педагогика не представляет имен создателей произведений фольклора. В выражении творческой индивидуальности фольклор не свободен. У коллективных и индивидуальных творческих актов разное время и разное пространство, поэтому создатели того или иного произведения не знакомы друг с другом. В произведениях народного творчества создатели что-

то дополняли, изменяли в услышанном и обычно, передавали только то, что интересовало всех, а запоминали наиболее важные произведения, соответствующие тому обществу. На взгляд В. П. Аникина, «все народные сказки, предания, былины, анекдоты, песни, пословицы, загадки, – словом, почти все произведения народного массового творчества прошли через этот процесс фольклоризации» [4, 8-22].

Как было отмечено выше, народное творчество носит коллективный характер и в нём наблюдается выражение подлинной народности. В связи с этим А.М. Горьким отмечается, что величие устных произведений, в частности всех народных афоризмов, посвящённых воспитанию, проявляется в коллективном творчестве людей, а не в личном мышлении отдельных людей. Эти произведения отражают многовековую духовную жизнь нации, так как только люди представлены их авторами.

У народной педагогики очень широкая аудитория. Как непосредственное творение самих людей, она обладает неограниченными возможностями. В ней постепенно расширяется сфера обслуживания, и она охватывает самые отдаленные горные аилы и кишлаки, которые отдалены от людей. Знакомясь с художественным народным творчеством, народной педагогией, молодежь не знала в то время ничего о театре, стала забывать о школе, потому что не имела доступа к ней, а также не имела книг.

Народная педагогика тесно связана с повседневной жизнью, с обучением и воспитанием молодёжи и в этом заключается ее самая действенная черта. Народная педагогика не должна укреплять связь с жизнью, так как находится в самой жизни; не внедряет и не распространяет свои успехи в народные массы, потому что является педагогией народа, педагогией большей части населения, педагогией нации и создана она людьми и для людей. Многие семьи не знали о том, что существует научная педагогика, народу удалось воспитать молодежь трудолюбивую, высоким нравственным идеалам и благородству.

В народной педагогике отражается педагогическая культура народа, которая проявляется в почтительном отношении к старшему поколению, в гостеприимстве, скромности, трудолюбии, высокой нравственности, правдивости и честности. Современные, новые, общечеловеческие традиции, сочетаясь с народной педагогикой, сопричастны с воспитанием и обучением молодёжи.

В народной педагогике также проявляется духовная культура. Она находится в постоянном взаимовлиянии и взаимообогащении. С учетом одинаковых жизненных условий, сходных обычаев и традиций происходит взаимовлияние, способствующее порождению сказок, афоризмов, форма и содержание которых близки друг другу. Так многие народы Средней Азии обладают народными эпосами с выражением патриотизма, дружбы, верности в любовных отношениях, с прославлением благородных человеческих качеств. Несмотря на присутствие ряда специфических черт, эпос у этих народов имеет одну общую основу и един у них. В связи с этим, В. М. Жирмунским отмечается следующее: «Беспредметными в подобных случаях являются споры, обычно разжигаемые нездоровым соперничеством, о национальной принадлежности таких эпосов, как «Кёр-оглы» или другие произведения народного творчества, имеющие распространение у разных народов, связанных между собой древней исторической близостью, сходством языка и культуры. Каждая творческая и самобытная национальная версия произведения народного творчества, независимо от вопроса о её более отдаленном происхождении, по праву принадлежит создавшему её народу» [122, 336-343].

Однако, понятно, что многие произведения фольклора имеют национальную почву. Свидетельством тому является то, что в типичном названии того или иного произведения упоминается местность, растение, животные, бытовые предметы, присущие определенному народу. Если, в произведении говорится, что: «Всего лишь кокон, а от него тянется золотая

нить», то здесь, несомненно, речь идет об исключительно таджикском явлении, которое связано с искусством шелководства, а если рассказывается о «Птице Кахки», то это произведение также имеет национальную почву. Но некоторые народные произведения, преодолевая своих национальных границ, как достояния всего человечества, принадлежат всему человечеству. В вышесказанном выражаются конкретные произведения фольклора, на которых основывается педагогическая культура нации. В данном направлении ряд поговорок и пословиц в качестве самых распространенных жанров народного творчества рассматриваются как народные педагогические миниатюры, с отражением педагогической культуры и гениальности нации.

Таджикские поговорки и пословицы подвергнуты всестороннему анализу и изучению. Но их поэтика и педагогика тесно переплетены друг с другом. К тому же, у народной мудрости имеется своя особая педагогика. В то же время, педагогические исследования авторов при рассмотрении воспитательных идей, выраженных в каждой пословице и поговорке, не часто подвергают анализу круг педагогических принципов, в которых присутствуют педагогические идеи и педагогическая целесообразность. При рассмотрении памятников народного творчества в качестве педагогической миниатюры, нами подвергнут краткому дидактическому, методико-этнологическому анализу их структура и содержание.

Поговорок и пословиц относят к самым активным и широко распространенным памятникам таджикского фольклора. В этих памятниках таджиками в течение тысячелетий проведено обобщение своего социально-исторического опыта. Обычно, у них есть афористическая форма с поучительным содержанием, с выражением дум и чаяний народа его взглядами на общественную жизнь, с его эмпирическими сложившимися представлениями о процессе воспитания молодёжи. Таджик за всю свою многовековую историю собирали все педагогические ценности,

представляющие интерес в семейном воспитании, когда многие поколения передавали их поучительными афоризмами другим поколениям.

Создание поговорок и пословиц таджиками основывалось жизненными наблюдениями и материально - духовными потребностями общественной жизни. Они уникальны, так как в создании народных афоризмов участвовали миллионы людей и проверяли в течение веков на общественно-социальном опыте своих предшественников. Высоко оценивая поговорки и пословицы в качестве народных творений, многими великими мыслителями они рассматриваются как гениальные произведения. Например, образно выражаясь, К. Д. Ушинский поговорку и пословицу назвал «речевыми самородками и самоцветами, с выкристаллизацией народной мудрости» [71, 439].

У В. Даля поговорки и пословицы передают отблески ума, голос сердца, житейскую мудрость. На его взгляд, пословицы - это «народная опытная премудрость и целомудрие», «народный свет ума», «житейская народная правда» [50, 29].

Поговорки, пословицы и изречения учили и воспитывали многие поколения, более того, великие люди выбирали некоторых из них в качестве жизненного девиза.

В книге «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» Я.И. Калонтарова [62. 42] имеются интересные данные относительно роли таджикских пословиц и поговорок в развитии и обогащении народной педагогики. Правда, некоторые из этих афоризмов созданы на основе народных пословиц. Поскольку это сборник не охватывает весь пословичный репертуар таджиков, то более глубокое исследование может обнаружить народное происхождение многих книжных афоризмов. Также можно находить книжное происхождение некоторых популярных в народе пословиц и поговорок, авторов которых мы еще не знаем, очевидно, говорить пока о точном соотношении фольклора и народной педагогики, точно определить

место афоризмов книжного происхождения среди таджикских пословиц и поговорок невозможно.

Для решения данного вопроса, а также целого ряда других вопросов, связанных с проблемой взаимосвязи и взаимовлияния народной педагогики и фольклора, в частности жанра пословиц чрезвычайно важное значение будет иметь, создаваемый в секторе таджикского фольклора Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия имени Рудаки АН Республики Таджикистан большой образцовый каталог таджикских народных пословиц и поговорок. Материал в каталоге расположен по принципу опорных слов, что позволит рассмотреть вопросы таджикской паремиологии в самых различных аспектах и самым серьезным образом использовать и глубоко исследовать все имеющиеся в рукописном фонде (около 25000 записей) таджикские народные пословицы и поговорки.

Пословицы и поговорки формировались и развивались в разные времена, в разных исторических условиях, в разных местностях, среди различных слоев населения. Они имеют многие источники, отражают различные сферы жизни народа. Поэтому пословицы и поговорки таджиков, как и у всех других народов, могут быть классифицированы на основе следующих принципов: исторического (по времени, по месту, по социальным признакам и по источникам образования) и тематического (по темам). Каждая эпоха имеет свой быт, свои нравы, свою идеологию, принципиально отличающиеся от быта и нравов других эпох. Соответствующим образом пословицы и поговорки отражают быт и нравы народа в определенных конкретно социально-исторических условиях. Можно полагать, например, что следующие пословицы, как видно по их идейному содержанию, сложились среди народных масс: «Пораньше посеи, пораньше собери»; «Если твоя пища заработана честно, ешь её хоть посреди улицы»; «Железо и сталь выходят из горна, одно превращается в саблю, другое – в подкову осла» [62, 22-23]. Подавляющее большинство таджикских пословиц и поговорок

ворок формировались среди крестьянства, так как основную массу таджикского народа с древнейших времен составляли крестьяне, занимавшиеся земледелием и животноводством. Поэтому таджикские пословицы и поговорки по преимуществу отражают различные стороны жизни, фольклора (например, выводы или крылатые выражения нравоучительных сказок, анекдотов, басен, притч, отдельные афористические строки песен, рубаи (четверостиший)) и т. п.

Пословицы и поговорки у таджиков, по тематике педагогичны. Они отражают самые разнообразные стороны жизни народа. Народ на опыте убеждался в том, что: «Безделье порождает бесчестие» (ср. «Безделье - мать пороков»); «Золото проверяется в огне, а человек в труде»; «Если человек захочет – он и гору истолчет в порошок»; «Для человека нет трудности, которую бы он не мог преодолеть»; «Художник вторую картину рисует лучше первой»; «Чтобы хорошо делать, надо много делать»; Труженик не мыслит свою жизнь без работы»; «Мертвец лучше живого бездельника»; «Чем умереть от позора, лучше умереть от труда». Он понимает, что без труда нельзя достичь своей цели, своего счастья. «Покуда не потрудишься, черный камень не превратится в рубин»; «Без труда не насладишься отдыхом» [62, 28].

В труде особенно ясно ощущается сила и значение взаимопомощи и коллективизма: Друг сговорчив, дело – легко (ср.: «Берись дружно, не будет грузно»); Человек жив с человеком один – умрёт без молитвы (ср. «Один в поле не воин») [104, 29].

С глубоким уважением говорит народ о мастерстве, умении и настойчивости, о высоком человеческом достоинстве рабочего человека: Молодцу и сорока ремесел мало; Добивайся и добудешь; Кто ест заработанное собственным трудом, тот не прибегнет к щедрости Хотамы Таи (легендарный герой, славился своей щедростью); Мастерство, лучше, чем отцовское наследство [104, 29-30].

В условиях классового общества, построенного на эксплуатации, когда одни работали, другие же пользовались плодами труда, труд носил принудительный характер. Люди работали постольку, поскольку необходимо было заработать средства к существованию. Именно в таких условиях могли появиться следующие пословицы и поговорки: Один работающий, а сто поддакивающих; Кто-то надрывается, а кто-то ест хлеб [104, 30-31].

Пословицы и поговорки, отражающие качественно новое отношение к труду: Труд дело чести; Для улучшения работы нужна критика; Если трудишься, трудись в колхозе, соберешь большой урожай [104, 32].

В таджикских пословицах и поговорках осуждаются лень, жестокость, эгоизм, себялюбие, невоспитанность, жадность, зависть, коварство, корыстолюбие, ложь, недружелюбие, воровство, подхалимство, наглость, злонамеренность, несправедливость, непостоянство и т. п. Большое число таджикских нравоучительных пословиц и поговорок, частично созданы духовенством и частично самим народом. Это обстоятельство свидетельствует о том, что религия и народная традиция оказывают особое влияние на этические взгляды, так как она сама является комплексом нравоучений.

Ирония особенно характерна для таджикских поговорок и пословиц, имеющие поучительные идеи. «Ирония есть, когда через то, что сказываем, противное разумеем». По определению же А.З. Розенфельда, «...иронией называют насмешливое употребление слов в противоположном значении». В таджикских пословицах и поговорках понятие ирония имеет более широкое значение. Под иронией разумеются те слова, словосочетания или целые предложения, которые употребляются в переносном смысле (большей частью в противоположном значении) и являются обычно насмешливыми. Ирония до некоторой степени сходна с метафорой и гиперболой, ибо и она, называя одно, подразумевает другое, преувеличивает явление: «Кувшин испугался, осёл сломался, бихарский минарет прошел сквозь иголку (о бес-

смысле)» [97, 114]. Встречаются самые различные виды поучительной иронии, в зависимости от того, кому направлена ироническая пословица и поговорка. Таким образом, пословицы и поговорки, являясь одним из древнейших памятников таджикской народной педагогики, пользуются большой популярностью у таджиков. Этот раздел народного творчества давно привлекал внимание поэтов и писателей. Х. Г. Короглу справедливо отмечает: «Не было ни одного более или менее известного таджикского поэта, который бы не пользовался пословицей в своем произведении. Таджикская литература классического периода содержит их в огромном количестве. Эти народные пословицы и поговорки в большинстве своем приводятся авторами в слегка поэтизированной форме, а часто и в таком виде, в каком они бытуют в народе» [67, 7]. Значительное число таджикских пословиц и поговорок печаталось на страницах газет, журналов, в разных сборниках и учебных пособиях на таджикском и русском языках, где содержатся много новых материалов. Вышел из печати также большой сборник таджикских пословиц и поговорок, составленный В.М. Асроровым. Он содержит около полутора тысяч пословиц и поговорок, большинство которых бытуют в народе, и являются истинно-педагогическими миниатюрами.

В краткой и четкой форме пословицы и поговорки предельно ясно выражают народную мысль и как крылатые слова, они обладают острым языком и неотразимой действенностью. Они являются целыми изречениями, народной мудростью. В них ощущаются человеческие чувства со стонами и вздохами, плачем и рыданиями, радостью и весельем, отображается трудовой народ, Они являются выразителями борьбы за достойную жизнь, житейского опыта и наставлений, жизненных целей и убеждений, науки и знания. Пословицами и поговорками вырабатываются у детей необходимые поведенческие нормы с воздействием на чувства и сознания людей, с пропагандой здорового образа жизни. Чтобы приобретать знания, нужно

приобщаться к мудрости народа. С этой целью человека учат вниманию, слушанию, видению и спрашиванию. В народной мудрости подбадривается человек, идущий нелегким путём в приобщении к знаниям, воспитываются достойные представители края, оберегается молодёжь от какого-либо контакта с нежелательными элементами. Народная мудрость полагает, что посредством среды определяется развитие человека.

2.3. Методы, средства, приемы, формы использования устного народного творчества таджиков в ходе этнопедагогизации учебно–воспитательных работ в образовательном учреждении

Народная педагогика, созданная веками, является отражением традиционных методов, средств, приемов и форм развития человека.

Народными воспитательными средствами можно воздействовать на сознание и поведение детей, сообщить им необходимые полезные сведения, формировать практические умения и навыки, развивать нравственные мотивы и привычки в поведении. Исследователями в этнопедагогике эти народные воспитательные средства понимаются неодинаково. Отдельные публикации относят к ним сказок, пословиц, поговорок и т.д. В.А, Николаев полагает, что все вышеназванное образуется одним средством – фольклором [85, 105].

По мнению К. Пирлиева, к таким средствам можно относить игру, труда, фольклора, обычаев и обрядов [95]. Г. Н. Волковым дается подробная классификация средств. Он причисляет к ним всю совокупность всех видов фольклора, различных видов труда, родного слова, устного народного творчества, игр, обычаев и праздников [36].

Обобщая названные работы, изучая воспитательные народные средства, опираясь на этнографические публикации, мы разделили эти

средства на 3 части: 1) материальная культура, включающая в себя природу, деятельность; 2) духовная культура – слова родного языка, фольклор, религия, искусство, игры; 3) соционормативная культура – традиция, общественное мнение. Таджикское устное народное творчество определяется как духовная культура.

Народное воспитание имеет свои методы, с помощью которых народные воспитатели вырабатывают требуемые качества, знания и умения совершенного человека. В таджикской этнопедагогике мы выделяем метод нравственного воспитания. Этот метод включает в себе внушения, убеждения, совет, благословения, приучения, упражнения, рассказ, беседу, наблюдения, испытания, соревнования, клятву, поощрения, осуждения, наказания, выговор и др. На этой основе нами квалифицируются методы нравственного воспитания, с помощью которых: а) усваиваются моральные знания; б) накапливается личный опыт детей, формируются умения, навыки и привычки; в) эмоционально закрепляется соответствующее поведение; г) оказывает сдерживающее влияние на совокупность отрицательных действий и поступков. Педагогическая наука этих методов в обобщенной форме называется так: а) убеждение; б) организация деятельности; в) стимулирование.

Близкую к научной классификацию методов, имеет таджикская народная педагогика. К ним относятся: а) убеждение, включающее в себе этическую беседу, показа определённой воспитательной надписи, нравственного памятника, именного сооружения, разъяснения, примера, упражнения; б) принуждения: поручения, внушения, требования, осуждения, наказания; в) стимулирование с похвалой, поощрением, подведение итога, испытания. После подобного анализа методов воспитания также выделяются методы с элементами выполнения поручения, наставления, предупреждения, запрета, внушения и т.д.

Народная педагогика, опираясь на таджикский фольклор, устанавливает наличие методов использования примера, благодарности, преклонения, извинения, укора, устрашения, выражения недовольства, произнесения клятвы, приказа, доверия, благословения, пожелания, заклинания, клятвы, просьбы, совета, намека, одобрения, увещания, уговора, упрека, осуждения, угрозы, проклятия, брани и т.д. Незаметно воздействуют эти методы на народное воспитание. Поэтому, на взгляд многих исследователей, более действенными признаются методы личного примера старших (в частности, отцов), намека, насмешки и др.

Вышеназванными методами в воспитательном плане можно всесторонне воздействовать на молодёжь.

Этнопедагогические исследования установили, что в народном воспитании конкретными приемами реализуется конкретный метод. Приемами успешно реализуются методы, но для этого существуют конкретные условия: учитывается возраст ребенка, количество детей в семьях, в группах, индивидуальные особенности воспитуемого и воспитателя, сложившиеся воспитательные традиции и т.д. Так, метод наказания реализуется приемами порицания, лишения удовлетворения, использования дозированного устрашения и т.д. Методом упражнения тренируются гуманизм, доброта, вежливость, гостеприимство, скромность, труд и т.д. Отдельные этнопедагогические исследования подвергают классификации тот или иной прием в народном воспитании. Приемы делятся на 3 группы: 1) словесное воздействие; 2) моральное подавление или возвышение; 3) эмоциональное воздействие. Эти приемы входят в народную педагогику. Исследователем В. А. Николаевым отмечается следующее: «Углубленное изучение вопроса о приемах народного воспитания в теории и на практике показало, что большинство из них применимы только для определенного метода воспитания. Так, метод соревнования реализуется с помощью ряда приемов: индивидуальное и коллективное соперничество,

соблюдение условий соревнования, начисление очков, выявление и награждение победителей, наказание проигравших и т.п.» [85, 108].

В таджикском фольклоре проходят соревнования. В этих соревнованиях также участвуют вражеские богатыри:

Каждый, у кого есть страсть [битве]!
Знаешь ли ты, - сказал –
Я увезу Зарину Златописаную,
Ты один на один, сказал –
Выйдешь со мною на бой.
Нанеси-ка Махмудшах, удар – сказал, –
Не занутивай, - сказал, - ты меня!
После этого вступили в поединок.
Оба они на Майдане
Махмудшах нанес удар ...[46, 401].

Метод соревнования направлен на воспитание нужных человеку и обществу качеств. В данном случае это оттачивание мастерства владения элементами «таджикского двоеборья» (гуштингири).

Каждая группа методов обладает общими приемами. Некоторыми приемами создаётся ситуация, которая называется моральный выбор. В сказке «Об Авазе и Райханарабе» существует такой эпизод, как Аваз услышал голос беспомощной старухи:

Услышал Аваз голос беспомощной старухи,
Поторопил богатырь своего гнедого коня ...
И понесся вскачь к старухе ...
Крикнул Авазхан: «О душа – матушка!
Что ты скажешь мне, немощная старушка?»
Старуха сказала: «О милый сынок, я плачу по сыну своему»
[46, 444-445].

Старуха оплакивала в пустыне своего сына Бектошкула, который любил Хурлико - дочь падишаха Райханараба и отправился к нему в дворец и был арестован. Слушая об этом Аваз – богатырь и сказал:

О мать, не беспокойся больше о сыне

Ты искала своего сына Аваза-богатыря» [46,447].

Это пример косвенно(го) требования совета. Просьба беспомощной старухи о переживания сына. Аваз стоит перед выбором: освободить сына беспомощной старухи или отказаться и нарушить клятву перед Гуругли.

Одним из обобщенных приемов эмоционального воздействия на детей с использованием общественного мнения является приём дозированного устрашения. Своим поведением подросток боится огорчить отца; он с уважением относится к старшему поколению. Для него важное значение имеет общественное осуждение, он бережно относится к чести семьи и родственников. Например, беспомощная старуха получает от богатыря помощь перед его трудным походом. Самое страшное было родительское проклятие, равное смерти. Эту группу методов представляет такой прием, как ссылка на какого-то авторитетного человека, отца, уважаемого родственника, знатного сельчанина. Во многих случаях, когда упоминалось соответствующее имя или событие, то у слушателей появлялись некоторые ассоциации и выводы, которые отражались в поведении человека. Потому что народной символикой и образностью, пронизывается вся духовная и материальная культура и с самого раннего возраста оказывается в человеческой крови и плоти. В связи с этим, даже подростками наставление воспринимается как в прямом, так и в переносном, глубинном смысле.

Среди методов убеждения сильнодействующим является метод личного примера. С его помощью дети подражают другим, и происходит формирование их сознания, чувств, убеждений, активизируется творческая

работа. По мнению римского философа Сенеки, путь к восприятию через наставление является долгим, а через пример -коротким. Примерами для подражания, в первую очередь, считаются живые, конкретные люди - родители, воспитатели, друзья. Однако, ещё большая воспитательная сила заложена в героях книги, фильма, исторического деятеля, героях эпосов.

Методом эмоционально-словесного воздействия является разъяснение. Например, в эпосе этот метод каждый раз использует мудрый Гуругли – султан, провожая богатыря Аваза в поход:

Дорогие дети мои! - Выслушайте, дети мои,
Молвил важный воин-пророк, - Слово бывалого старика...[46, 373].

В воспитании используется и такой словесно-эмоциональный метод как увещевание, в котором разъяснение и внушение сочетаются с просьбой. Этот метод применяется и самим Гуругли:

Прижал Авазхан руки к груди:
«Есть у меня просьба к тебе, - сказал он, -
Разрешите дорогой отец,
Дай мне подарок коня –
Не дал им подарка Гуругли-султан:
Вы молоды еще, - сказал он, - дорогие дети» [46, 411-412].

Уговаривая богатыря, Гуругли призывает побратимов к ответственности и чувству долга. Его душа выражается так: «Всегда будем вместе». Перед коллективной силой меркнут сомнения и неуверенность.

С древности популярны комплекс методов, стимулирующих человеческую деятельность. К ним относятся методы поощрения и наказания. Наказание, как метод, имеет следующие виды: 1) наложение

дополнительной обязанности; 2) лишение или ограничение определенного права; 3) моральное порицание и осуждение.

Поощрением выражается положительная оценка того или иного действия. Поощрение закрепляется положительными навыками и привычками. Им рождаются положительные эмоции, чувство уверенности, ответственности, а также создается приятное настроение. К видам поощрения относят одобрения, ободрения, похвалу, благодарения.

Словесное воздействие на человека, как приём, не только корректирует поведение, нравственно возвышает и подавляет личность, но и является этикетным правилом, которое отражается посредством традиционных методов, средств, приемов и форм воспитательного процесса. Эпическая дружина демонстрирует сплоченность, передаёт взаимопонимание, защищенность, чувство локтя и др. Этикетные нормы предусматривали несения ответственности за проступки, не только самими виновниками, но и осуждали их близких родственников, детей, потомков. От несмываемого пятна позора страдала вся патронимия. Они упрекались в родственных отношениях с преступниками. Общественное мнение, способствовало повышению ответственности людей за своё поведение. Каждый человек хотел быть достойным предшественников, чтобы из-за него не страдали дети, внуки и последующее поколение. В народной традиции преступник увековечивается в позорных песнях. После совершения проступка его собственное имя становится нарицательным и этим жизненным уроком он навечно сохраняется в памяти людей: нужно поступить таким образом, чтобы другие не повторяли этот проступок. Одного из героев эпоса просили не сражаться в одиночку с сильным врагом. Но он идёт на сражение ради личной чести и славы своих предков.

В традиционной этикете таджикского народа заложена нравственная идея, реализуемая её деятельностью, общением между людьми. При диктовании того или иного поведения, регламентировании такого и никакого

другого проявления эмоции, народным этикетом личные интересы подчиняются этническим интересам. С устранением хаоса вносится смысл и красота в человеческую жизнь. Таджикский этикет считается древним и своеобразным, однако, его основные посылки к другим народным эпосам. От старшего поколения таджикской молодежи переходят основные поведенческие нормы. Так, нужно говорить обдуманно и слушаться старших. До того, как что-то делать, сначала думать и всё взвешивать, а также сдерживать себя. Существовали некоторые запреты, выражавшиеся словами «нельзя», «не следует» и составлялись понятиями «хорошо» - «плохо», «пристойно» - «непристойно», «красиво» - «некрасиво». Итак, у таджикского народа методы разъяснения и убеждения - основные методы в нравственном воспитании.

Семьи и отдельные люди жили этими традициями, национальным этикетом. Традиции считались священными для людей, поэтому все чтили их. Народные традиции и религия переплетены друг с другом. Они способствуют формированию у молодёжи социально-значимых качеств - честности, трудолюбия, послушания, выдержанности. Этих положительных качеств люди легко воспринимали и передавали следующему поколению. Ещё с детства человек начинает следить за собой, учиться в сдерживании своих эмоций, анализирует каждое своё действие и каждый свой поступок.

Под этикетом понимается народная, национальная нравственность. Для Н.Г. Чернышевского важнейший капитал народа – это совокупность нравственных качеств нации. К сожалению, народный этикет в современном воспитании считается невостребованным или недостаточно востребованным. В этом плане, делятся своим опытом восточно-азиатские страны. Культивируемыми тысячелетними традициями, на почве этнопедагогических ценностей формируется современное образование. В математических конкурсах, в которых участвовали тринадцатилетние дети из США, Англии и западноевропейских стран, побеждали южнокорейские

ученики. Педагоги из Лондона в этом видят собранность, усердие и невероятную энергию учащихся из Южной Кореи. Личностные качества этих детей помогают проявлению интеллекта и таланта. Дело в том, что в школах учат не только специальным знаниям, но и традиционным ценностям. Их учат «26 добродетелям», которые считаются квинтэссенциями этнопедагогической установки корейцев. Старшеклассники изучают «Национальную этику». Этику изучают сингапурские, и тайванские дети. Здесь этические нормы изучаются с проповедованием верности, честности, уважения к старшему поколению, бережливости, склонности к компромиссным решениям [119, 7].

Чтобы сформировать устойчивые навыки и привычки, нужно упражняться с ранних лет, так как привычка в молодом организме лучше укореняется. Привыкая, люди сдерживают свои чувства, тормозят ряд своих желаний, мешающих в выполнении определенных обязанностей, контролируют каждое своё действие, подчиняются интересам общества. Сформированные привычки состоят из выдержки, самоконтроля, организованности, дисциплины, общительности и др.

«Национальная концепция воспитания в Республике Таджикистан» указывает на то, что школа транслирует национальные культуры и формирует национальное самосознание в молодёжи. Реализуя поставленные цели, требуется разрабатывать концепцию развития образовательной сферы в Таджикистане. Разрабатывая и внедряя её теоретическую и методологическую основу, предполагается вводить национальный компонент, учитывая историю и культуру, социально-экономическую характеристику. Она направлена на несение школой национального духа, на занятие особого места элементов народной мудрости, каждого народного промысла, национальных обычаев и традиций, истории, народной культуры в жизнедеятельности дошкольного учреждения. К тому же, национальные компоненты в педагогическом процессе никогда не должны приводить к

таким последствиям, как национальная ограниченность, к самоизоляции и др, а должны соответствовать государственному уровню, мировому стандарту в образовании. Национальной спецификой обогащается образовательная система. Духовно-нравственная основа общеобразовательной школы в Республике Таджикистан заложена в родном языке, фольклоре, истории, культуре таджиков.

Ныне школа, учителя и ученые Республики Таджикистан решают поставленную перед ними задачу – художественную, идеологическую, эстетическую. Эта задача является нравственной и очень ответственной: сознательно воспринимаются эстетические и этические ценности устного народного творчества как национальное предание таджиков, которое оформилось, как полагает Брагинский И.С. «дивная эпопея». Задача эта поставлена в «Национальной концепции образования в Республике Таджикистан» (Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 3 марта 2006 г.). Она направлена на сохранение, изучение и освоение таджикского фольклора, который считается величайшим культурным наследием таджиков. Реализуя это постановление, утверждают республиканскую целевую программу «Воспитания национального самосознания», рассчитанную на 2019-2024 годы. Она предусматривает углубленного изучения различных сторон духовных произведений культуры нашего народа, в которых представлены высокие морально-этические принципы и нормы, общечеловеческие идеи с добром и справедливостью, гуманизмом и высочайшим патриотизмом таджиков, которыми основывается национальное воспитание молодёжи Таджикистана. Чтобы пропагандировать таджикский фольклор и возродить традиции и обычаи таджиков, национальные виды спорта, каждый год проводят соревнования по каждому национальному виду спорта в Таджикистане.

Одним словом, изучение таджикского фольклора с целью воспитания национального самосознания в Таджикистане поднять на государственный

уровень, что дает новый импульс для превращения нравственно-этических норм в идеологию современного поколения.

Средствами философских и этических категорий воспитания и самосознания граждан осознаёт независимость своей страны и осознаёт свои гражданские права и свободу. Гражданин думает о прошлом и настоящем таджиков, и соотносении своих интересов с интересами страны. «Самосознание, – подчеркивается в Национальной концепции воспитания в Республики Таджикистан, является одной из составных частей гражданского воспитания и утверждается на основе национальных и демократических ценностей. Самосознание происходит из национального пробуждения личности и внушает человеку чувство национальной гордости, руководит человеком в его стремлении служить Родине и нации, обогащает его культуру и духовность». Воспитание национального характера предполагает усвоение молодым поколением культурных традиций своего народа, а также воздействие основных средств народной педагогики (наставление, назидание и др.) при опоре на нравственные идеалы и ритуалы.

Положения программы по пропаганде нравственных идеалов таджикского фольклора приобретают ряд соответствующих очертаний. Всё это представляется нормативными актами, публикациями, в научных конференциях, СМИ Республики Таджикистан. Детским журналам, газетам, радио и телевидению необходимо часто публиковать материалы по наставлениям и назиданиям таджикского фольклора, а также и отрывки из эпических песен с иллюстрациями. Создан центр при Институте развития образования Республики Таджикистан. Центр ищет научные истины, создаёт «научно-популярные труды», независимо от возраста доступного массовому читателю, проводит научно-практические конференции. Центру предстоит внедрение информационных технологий, компьютерной техники и современной телекоммуникации, оказывающих положительное влияние на

воспитание молодого поколения, изучить фольклорные памятники и издать многотомник «Свод таджикского фольклора» и т.д.

Передаваясь из поколения в поколение, таджикский фольклор дошёл до наших дней благодаря талантливым ученым и писателям. К сожалению, по сей день отсутствует творческая мастерская по пропаганде педагогического потенциала таджикского фольклора, которая должна являться одновременно и школой народной педагогики. Отсутствуют летние этнографические лагеря для приобщения к народным традициям и обычаям. Эти лагеря, хотя ступеньки к всеобщему приобщению, к традициям предков. По сей день отсутствуют инструктивно-методические материалы директорам школ, их заместителям по учебной и воспитательной работе, учителям, классным руководителям, работникам учреждений дополнительного образования и органов образования, которые окажут практическую помощь в организации воспитательной работы на основе педагогического феномена таджикского фольклора.

Размышляя о путях подхода к педагогическому феномену таджикского фольклора, включая в его структуру активный процесс возрождения национальной культуры, нами предлагается следующее: изучение «языка устного народного творчества должно начинаться с азбуки, с включением имен и описания подвигов богатырей (по выбору). Их героические деяния нужно описать красочно и ясно: приводить ряд отдельных слов и выражений, описывающих, например, коней, их украшений, вооружения богатырей с их доспехами, предметов быта и др., доступных загадок и метафор. Начальную национальную школу считают первоосновой, первым кирпичиком в усвоении языка устного народного творчества. Включая наставления и назидания устного народного творчества в базисную учебную программу общеобразовательного учреждения, таджикский фольклор будут изучать в исторической, культурологической, этнографической, этнопедагогической, этнопсихологической и другой последовательности. В этом плане

таджикский фольклор является универсальным и неисчерпаемым. Во внеурочную, внеклассную работу, в дополнительное образование включается комплекс назидательных страниц устного народного творчества, в разнообразных видах работ воспитуемых. В проведённых соревнованиях и конкурсах на лучших знатоков назидания и наставления устного народного творчества учащиеся увлекались живописью, музыкой, рукоделием, спортом и др. Организуя подобные соревнования и конкурсы, дифференцированно воспитываются мальчики и девочки на прогрессивных традициях наших предшественников.

В образовательных учреждениях Республики Таджикистан школьников не приобщают к идеям, содержащимся в сокровищнице устного народного творчества таджиков, ее лексическому воспитательному богатству, посредством спецкурсов и факультативов, хотя Национальная концепция воспитания гражданственности вынуждает учебные заведения принимать активное участие в гражданском воспитании и консолидации усилий, относительно данного вопроса с огромным социально-нравственным значением.

В результате осмотра кабинетов таджикского языка и литературы выявлено, что в образовательных учреждениях республики отсутствуют стенды, уголки, альбомы, рисунки, сценарии, посвященные нравственно-воспитательной значимости таджикского фольклора. В образовательных учреждениях не проводятся паспортизованные музеи, хотя усвоение учащимся назидательной сущности таджикского фольклора определяет их участия в фольклорно-этнографических конкурсах, фестивалях и олимпиадах, а также расширяет диапазон творческих возможностей учащихся. Проведение детских работ способствует развитию трех отраслей работы. Эти отрасли состоят из концертной программы, выставки творческой деятельности по устному народному творчеству и спортивных состязаний с учётом мотивов устного народного творчества, потому что показ таланта

воспитанников дошкольного учреждения, младших школьников и учащихся старших классов именно выявляет подобные типы работ с учащимися всех возрастных групп под руководством учителя труда. По этим тематикам необходимо проведение работы по дереву; на выставке уделить внимание зрителям на интересные сюжетные зарисовки, вышитые девочками. Учителям английского языка подготовить театрализованное представление о подвигах знаменитых героев на материале таджикского фольклора и осуществить разнообразные математические задачи.

Реформирование национальной школы также связана в этнопедагогической направленности образования, в результате чего усваивается национальный этикет, соблюдаются его традиции при встрече и проходе какого-нибудь гостя. Во время приветствия гостей употребляется родной язык детей. Нужно слушаться «старших», т.е. педагогов. В общении детей с педагогами должен присутствовать родной язык. Дети играют на музыкальных инструментах, танцуют и рассказывают несколько народных сказок. В прежние времена таджики имели представление о своей родословной. Сегодняшние мальчишки и девчонки должны возродить это древнее знание. В связи с этим усиливается методологическая основа воспитания, связанная с новым политическим и культурным мышлением, при котором укрепляется государственная независимость, национальное единство и самосознание, чувство любви к Родине и патриотизм. Суть этой методологии должно отражаться в новой политике по воспитанию молодого поколения. В воспитании молодого поколения национальным и общечеловеческим нормам поведения необходимо использовать передовые традиции таджикского фольклора. В процессе воспитания основываться на морально-этические идеи таджикского фольклора.

Министерство образования и науки Республики Таджикистан считает целесообразным регулярное пересмотрение учебных программ, учебников, с усилением практических и воспитательных аспектов. Необходимо также

воспитывать национальный характер и национальное мышление, разрабатывать систему воспитательных работ, средствами которых родителей вовлекают в воспитательный процесс.

Коллективам образовательных учреждений необходимо разработать программу последовательного изучения воспитательной тематики таджикского фольклора в 1-4 кл. Младшие школьники воспитываются на этнопедагогических идеях в современных условиях. Материалами устного народного творчества используются как на занятиях по родному языку, так и на уроках других предметов. Например, на занятиях по математике, изучая арифметические действия можно пользоваться играми «Меткий стрелок», «Подъем в гору Коф», «Переплыви реку богатырь» и др. Вводя в задания, упражнения с героями эпоса, географические названия, цифры-символы, создается особая проблемная ситуация, активизируется познавательная деятельность воспитуемых. На занятиях по русскому языку, изучая части речи, учащиеся отбирают несколько народных пословиц и поговорок. Они используются как дидактические материалы для, например, зрительного диктанта. Учащиеся младших классов активно участвуют в игре «Найди коня» (приводятся разные столбики с именами богатырей и коней; порядок в столбиках произвольный, дети должны найти богатырей и их коней). На уроке природоведения детьми составляется карта Чамбули мастон (эпос «Гуругли») и выделяются, например, географические названия и другие ориентиры. В сложной игре «Счастливый ход» с пятью турами для третьеклассников включаются разные задания с кроссвордами, ребусами, викторинами, чтобы проверить знания детей относительно фольклора. К тому же, ребята, используя «Хунхарские стрелы», ловко и метко стреляли. Важным здесь является педагогический поиск, творческая инициатива учителя и учет образовательных потребностей, и интересы младших школьников.

В некоторых СОУ произведения таджикского фольклора сообразно изучать по авторским программам. Плодотворным является углубленное изучение – цикл этических сказаний (дастанов) «Шахнамэ» Фирдоуси. Восьмиклассники и девятиклассники два года должны заниматься изучением «Шахнамэ» Фирдоуси. На практических занятиях закрепляется изучаемый материал по главам - «Идеи и образы», «Эпическое творчество таджикского сказателя». Лишь после этого детьми исследуется текст «Шахнамэ». Итак, главное внимание уделяется изучению эпоса «Шахнамэ» в этнографическом музее школы.

Большое внимание уделяется месту «Шахнамэ» в учебно-воспитательном процессе. Организация выступления на тему «Потомки Фирдоуси» с инсценировкой главы эпоса мальчиков, сопровождаемая народными песнями и танцами под руководством учителей таджикского языка и литературы, организация вечера «Парад богатырей «Шахнамэ» (для 8-9 классов), викторины «Знаешь ли песни «Рустама?» формирует интерес к жемчужине таджикского устного народного творчества среди школьников. Создание альбома, организация того или иного рукописного журнала, постановка сценки на эпическую тему с оформлением декорации, встреча со сказителем, сборы первичных фольклорных материалов способствуют формированию этнопедагогического мировоззрения учащихся.

Положителен опыт организации школьных этнографических музеев и проведение там уроков с доходчивым раскрытием красоты и мелодичности родного слова, истории слова, отдельных сюжетов из «Гуругли». В творческую систему работ можно включить ученых и других учителей-предметников. Они готовят и проводят этнографические вечера, тематические классные часы, выставки трудов воспитуемых. Учитель труда оформляет выставку таджикской национальной одежды. Учитель рисования и ИЗО организует тематическую выставку рисунков школьников: «Счастье страны Самангана». В итоге, на основе этого необходимо подготовить

учебное пособие: «Традиционное воспитание таджиков», главную слагаемую которого составляют этнопедагогические идеи таджикского фольклора.

Красной нитью через весь учебно-воспитательный процесс проходит изучение таджикского фольклора в образовательных учреждениях, где преобладает национально-культурологический уклон. Школьные, городские и республиканские олимпиады и конкурсы по разным предметам, массовые праздники, фестивали, посвященные таджикскому фольклору, были площадками для учащихся СОУ. Они успешно усваивали родное слово, традиции и обычаи прошлого, народные промыслы, приобщались к самобытному национальному декоративно-прикладному искусству.

В последнее время таджикский народный эпос становится всё популярнее среди учеников, представляющих другие национальности, которые проживают в нашей стране. Положительным примером является, когда учителем русской литературы проводятся факультативные курсы в школе, обращая внимание на национальные и общечеловеческие ценности таджикского фольклора.

Педагогические находки в большом количестве наблюдаются в сельской школе. Этнопедагогическим воспитанием учащихся по национальным классам представляется следующая картина: активное изучение устного народного творчества, в котором широко используются в национальной системе воспитания этнокультурные традиции, изучение таджикского фольклора, обычаев и традиций, основ народной этики, национальных видов спорта. Здесь также необходимо учить играть на национальных инструментах, знакомить с декоративно-прикладным искусством и осваивать таджикскую народную хореографию и т.д.

В настоящее время в Таджикистане реформируется вся образовательная система. Эта реформа в основном направлена на гуманизацию образования, где переориентируются ценностные установки, цели и задачи обучения и воспитания, с учётом интересов каждой личности.

Здесь должны гармонически развиваться интеллектуальные, эстетические и нравственные качества. Образование обладает культуро-образующим характером, охватывает этническую и мировую культуру и общечеловеческие ценности. Главные задачи СОУ таковы: удовлетворить национально-культурные потребности людей, воспитать в физическом и моральном плане здоровое поколение; обеспечить системное усвоение знаний, которое определяет общественные и производственные потребности; формировать научное миропонимание, политическую, экономическую, правовую культуру, гуманистические ценности и идеалы, творческое мышление, самостоятельное пополнение знаний. Здесь также нужно вырабатывать осознанную гражданскую позицию, человеческое достоинство, участвовать в демократическом самоуправлении, быть ответственным за своё поведение.

Нужно заметить, что как первостепенная задача выдвигается удовлетворение национально-культурных потребностей населения, а в целом находят отражение культурологический и аксиологический подходы. «Образование, - пишет В.Д. Шадриков, - из способа просвещения индивида должно быть претворено в механизм развития культуры, формирования образа мира и человека в нем [127, 17].

Определяя задачи СОУ, Министерство образования и науки Республики Таджикистан предлагает применения личностного, культурологического, аксиологического подходов. Поэтому содержание образования отражает двух составляющих: основных компонентов знаний, присущих личности, помогающих ей идентифицировать себя в физической и социокультурной среде. В то же время активно социализируется личность. Однако образование должно учитывать эволюцию в сознании учеников старших классов, корректировать основные компоненты знаний, учитывать национальную социокультурную обусловленность формирования мировоззрения, учитывать общекультурные ценности. Образование,

помогает в индивидуализации образовательного пути учеников старших классов, реализуя их творческий потенциал и готовность к будущей профессии.

Итак, культурную и образовательную традицию развивает возрождение культуuroобразующего статуса общеобразовательной системы. Однако, развитие культуры учитывает человеческие общности, ведь именно она транслирует культуру новому поколению. Такая трансляция реализуется посредством человеческих общностей. В то же время человеческие общности развиваются средствами национальной культуры, представляющей коды и стереотипы в сознании, подсознании и поведении. Этнической культурой подразумеваются определенные материальные и духовные ценности, формы и стилевые характеристики работы, присущие конкретному народу. В любой этнической культуре уникальной по своей сути, в качестве плода народного творчества имеет элементов, связанных с социальным развитием этих этнических общностей. Этническую культуру считают самостоятельным явлением, самоценным и неповторимым, формирующей этнический тип человека. Н.А. Бердяевым, этническая индивидуальность характеризуется так: «личность входит в человеческое общество русским, французом, немцем или англичанином» [22, 22].

В менталитете народа проявляется длительное и устойчивое воздействие условий, к которым относятся этнические, естественно-географические, социально-экономические условия. В нём также выражаются взгляды, мнения, формы и способы поступков и этим отличаются друг от друга человеческие общности. «Менталитет - это глубинный духовный склад, присущий этносу, совокупность итогов познания и осознания, оценка их на основе предшествующей культуры и практической деятельности. Он определяет свойственные его представителям способы видеть и воспринимать окружающий мир на когнитивном, аффективном, прагматическом уровнях» [109, 44-45].

Единство природы с человеком, трудолюбие, почитание старшего поколения, миролюбие, нравственная чистота, заботы о семье, о развитии общества, которые нашли своего отражения в устном народном творчестве таджиков, являются важными идеалами и ценностями народа. Таджикским фольклором формируется таджикский менталитет. Совокупность традиций, обычаев, обрядов и ритуалов, семейно-бытового уклада таджикского фольклора указывают на то, что они способствуют формированию этнического самосознания детей и постепенному укреплению их национального духа.

В таджикской этнопедагогике формируется народное представление таджиков об идеале совершенной личности с определением воспитательной цели. Эпические герои в народном представлении обладают физическими и духовными качествами людей. Описывая внешность и качества эпического героя, допускают условность, однако эта условность последовательна – очерчена индивидуальностью.

Таджикский фольклор запечатлел все национальные спортивные увлечения, охваченные борьбой, стрельбой из лука, копьеметанием, скачками и играми. Это свидетельствует об их значимости в жизни таджиков и воспитании молодёжи. Содержание фольклорных песен способствовало тому, что мальчишки подражали своим героям, восхищались их силой и ловкостью, а также их праведностью и умом. В таком плане таджикское устное народное творчество – это источник этнопедагогики, который хранит народный разум и народный гений.

Об образовании у В.Д. Шадрикова следующее мнение: «Этнокультурная направленность – это такая характеристика образования, которая показывает, в какой мере его цели, задачи, содержание, технологии воспитания и обучения ориентированы на развитие и социализацию личности как субъекта этноса и как гражданина многонационального

государства, способного к самоопределению в условиях современной цивилизации» [127, 63].

Такая характеристика полностью подходит таджикскому фольклору. Он предлагает юному гражданину народные идеалы и искусство, нравственные ценности, запреты, народные промыслы и др. Таджикский фольклор учитывает народную философию, человеческую природу и место человека в окружающей среде, учитывает этнопсихологические особенности этноса в восприятии и мышления. Дети, соприкасаясь с устным народным творчеством, удовлетворяются тем, что ими хорошо воспринимается этническая культура, народные идеалы, ценности и искусство. Они переживают за своих ровесников, реализуют этнические ценности. На взгляд К.Д. Ушинского: «Воспитание берет человека всего, как он есть, со всеми народными и единичными особенностями, - его тело, душу и ум, - и, прежде всего, обращается к характеру человека; а характер и есть именно та почва, в которой коренится народность» [71, 56].

Таджикское устное народное творчество развивает в человеке общечеловеческие и этнические ценности, сочетая в нем этнокультурную традицию, народную философию, религию, этнопедагогику, народную медицину, музыку с представлением общечеловеческих ценностей. Он ликвидирует этническую безликость, этнический нигилизм. Фольклорные ценности восстанавливают у молодёжи этническое самосознание, этническое достоинство, возрождают этнический характер как важнейший культурный компонент. Отражая думы и чаяния таджиков, они дают силу энергии нашей страны в её непрерывном историческом развитии.

Сохранение и развитие этноса зависит от сохранения и развития человека. Главное, чтобы в ходе социализации молодёжь хранила свою этническую принадлежность. В процессе своего развития детьми проживается, прочувствуется этническая самоидентификация. Обучение, воспитание и развитие не реставрируют «идеальное прошлое», а

способствуют развитию конкурентоспособного национального самосознания. При полном хранении своей самобытности, творческого патриотизма, деятельной любви к Родине, мы найдём своё достойное место в мире.

Национальная концепция воспитания в Республике Таджикистан подчеркивает: «Понятия «страна», «отчизна», «держава», «родина» тесно связаны с воспитанием у граждан патриотических чувств. Это приоритетное направление связано с остальными аспектами воспитательного процесса» [84 13].

В Республике Таджикистан начинает формироваться демократическое, правовое, светское и единое государство. С дальнейшим процветанием государства связано и воспитание высоконравственной личности, у которого высокий уровень нравственности, богатый внутренний мир, высокое патриотическое чувство и высокое национальное самосознание. Воспитываясь прогрессивными традициями устного народного творчества таджиков, молодёжь становится обладателем высокой культуры, национального самосознания, гуманизма и инициативности. Такая молодёжь при осуществлении своей деятельности опирается на национальные интересы, на любовь и защиту своей Родины, на национальное мышление, на уважение к национальной культуре.

Выводы по второй главе

Развитие устного народного творчества теснейшим образом связано с развитием человеческого общества. Главным героем и главным творцом произведений фольклора является народ. М. Горький писал, что: «Народ – не только сила, создающая все материальные ценности, он – единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества поэтов, создавший все великие поэмы, все трагедии земли, и величайшую из них – историю всемирной культуры» [43, 29].

Если таджикский фольклор является одним из важных источников для изучения истории трудового народа, то история таджикского народа в свою очередь сама является основой, ключом к изучению педагогической мысли. Следовательно, нельзя изучать фольклор, не зная истории народа. Отсюда и зависимость изучения фольклора от разработанности истории народа.

Известным немецким иранистом, литературоведом и библиографом Э. Германом было указано на то обстоятельство, выявленное в конце 20 века. Очерк Германа о персоязычном литературном произведении в труде «Компендиум таджикско-персидской филологии» рассказывает о том, что в X веке Иран и Центральная Азия прославились не только творением классической поэзии, которую создали Рудаки, Фирдоуси, Хафиз и Джами и другие, но и существованием большого количества художественных и большей частью сказочных произведений. Их авторы анонимны, с затмением блестящей поэзии не изучены и даже незамечены.

Однако, и спустя 50 лет после Э. Германа многими литературоведами-иранистами недооценивалась эта проза. И только последние десять лет, в основном Иран и Таджикистан становятся центром исследований этих произведений, с раскрытием их характера и значения [31, 134].

Садриддин Айни описывает эпизод с устным исполнением художественных произведений, который существует у таджиков с древних пор. Самими великими поэтами-классиками не читались свои стихи на придворном или на народном собрании, вместо них стихи читал тот или иной рови (декламатор), который сопровождал поэта. Средневековые хроники и сами очевидцы свидетельствуют о том, что ремесленные цеха в восточных странах в раннем средневековье способствовали сложению цеха рассказчика.

Стихи выучивали наизусть, запоминали и передавали отрывки канонизированного текста дословно точно, а рассказов и повестей, через некоторое время превратившиеся в большой цикл и даже в многочастный «роман», было тяжело запоминать. Все знают, что, начиная с XI-XII веков,

некоторые подобные прозаические произведения подвергались записыванию. В настоящее время нам известны составители и переписчики этих произведений. Так как передавалось то или иное произведение в устной форме, то мы, конечно же, знаем о существовании различных их вариантов. Также существовали целые «Сказочные энциклопедии».

Согласно некоторым сведениям, о чём свидетельствуют отдельные рукописи, многие такие «энциклопедии» были записаны в 17-19 вв. В них содержится немало различных вариантов и версий того или иного произведения, немало «больших версий» и «малых версий». В то же время, объем каждой версии различен: «малые версии» могут представляться в качестве «большого» конспекта, которого позже составил рассказчик. У многих из этих произведений автор анонимен, (но неизвестный автор жил в то время), неизвестным является исходный текст. Однако совокупность исходных сюжетов представляет читателю мировой общепедагогический фонд. У этих сюжетов и преданий очень древняя история. Некоторые из них присутствуют в древнеиранской литературе (в среднеиранском языке 2-7 веков до появления религии ислам). Многие сюжеты и темы наблюдаются в античной и эллинистической древнегреческой литературе, а также в литературе Индии (на языке санскрит). К ним, в частности, относят знаменитых басен «Панчатантры»), а также буддийских джатакий (о жизни Будды) и других. Здесь есть и некоторые арабские мусульманские хадисы (предания) и сказания [27, 136].

Сюжетам сказаний и преданий заимствовала и переплавляла народная фантазия. «Воссоединяясь» с другим произведением фольклора, с сюжетом и мотивом той или иной исторической эпохи, обогащались новой идеей и новым эпизодом. В итоге, сказания облачены в таджикскую и персидскую одежду и в каждом новом веке у них была своя окраска.

Наконец, исходное произведение, имеющее многовековую давность, иногда сохраняло более позднюю версию, например, 17-19 вв., с главными

героями и неким сюжетным ядром. Это ядро окружено многими новыми сюжетными комплексами и новеллами, а это уже не «версия», а новое произведение.

Иначе говоря, мы видим не окаменелую, а всегда развивающуюся традицию. Анализируя последнюю (по временным рамкам) версию сказания (предания), обнаруживаем степень ее «многослойности», выявляем упрятанных в новых произведениях архаических элементов исходных произведений.

До сих пор найдены некоторые «Сказочные энциклопедии» (почти три десятка), в которых содержатся многочисленные «романы» и «повести». Этот грандиозный сказочно – повествовательный фонд вернее назвать как «океан сказаний» из-за его поразительной грандиозности и его вечного движения.

При знакомстве с ним этот «океан» изумляет и восхищает необузданной фантазией и бескрайними творческими потенциями анонимных авторов. Педагоги должны решать следующую возникшую проблему: как определяется жанр каждого произведения, как классифицируются и используются эти жанры в процессе современного обучения и воспитания.

Эти вопросы справедливо вызывают дискуссию и научную полемику, которая возникла в педагогической науке. Закономерен вопрос: входит ли такое творение в педагогическую и дидактическую науку.

Первый тезис свидетельствует о педагогическом характере и источнике ядра сюжета того или иного произведения, которое устно исполняли средствами разговорного языка в анонимной форме. Рассказчиками в течение столетий менялись тексты произведений. Тексты должны были отвечать вкусам и пожеланию слушателей, т.е. происходило коллективное творчество, которое характерно педагогической науке. Вторым тезисом свидетельствует о том, что существует письменный текст каждого произведения. Этот текст

был стабильнее, к примеру, устного народно-педагогического сказочного эпоса.

К тому же, некоторыми исследователями, в связи с тем, что на стыке фольклора и педагогики находятся эти произведения, предлагается их назвать или как «устное педагогическое творчество», или как «письменный фольклор», так как, на взгляд этих исследователей, отличаются жанровой неопределенностью и парадоксальным синкретизмом.

Для дачи научно - объективного ответа на этот вопрос выбирается историзм - исследуется зарождение и возникновение, многовековая эволюция и приобретение облика этих произведений, а каждая «сказочно-дидактическая энциклопедия» имеет эти черты.

Как было сказано ранее, у сюжетного ядра многих произведений древние корни. Эти произведения отражают устную педагогическую традицию. Местом интенсивного развития многих произведений в письменном виде, в большей степени, является городская среда. Как любое городское устное педагогическое творчество, эти произведения имели ряд дидактических, литературных элементов. На них воздействовала классическая персоязычная романтическая поэма (подразумевается совокупность многочисленных вариаций поэмы «Лейли и Меджнун» и т.д.), любовная лирика (газели Хафиза и т.д.), мистическо-суфийские предания, посвящённые «святым» и творимыми ими благодеяниям и чудесам с различными религиозными и философскими элементами. Все знают, что в 17-19 веках (после 10-15 вв.) по-новому после расцветала персоязычная поэзия и местом её развития была городская среда. В этот период также бурно развивается сказочно-дидактическая литература.

Заключение

Истоки таджикского фольклора восходят к незапамятным временам. Одним из видов древнейшего таджикского эпоса являются мифы – предания, в которых рассказываются о подвигах мифических и исторических героев. В образе духов – героев в мифах оформлены и запечатлены воспитательные цели. Единственно дошедшим до нас из этих памятников является священная книга «Авеста». В этой своеобразной энциклопедии таджикского народного творчества сохранились представления, взгляды и нормы воспитания. Именно на основе этого памятника, прежде всего «Гат Заратруштры», отражалось формирование морально-этических представлений у древних таджиков. В Яште, посвященном звезде Тиштрия (Сириусу), описываются благой дух Тиштрия и сражающийся с ним злой дух безводия Апоша с применением традиционных противопоставлений «белый – черный», «добрый - злой». В гимнах «Авесты» обнаруживается первоначальное представление о человеческом облике.

Предметно-образный состав таджикского фольклора отличается национальным своеобразием. В таджикском фольклоре находят отражение реальные события и факты о духовной жизни таджикского народа, его быте, обычаях и нравах. Рассказы, обрядовые песни, загадки, предания, сказки, пословицы и поговорки как фольклорные жанры отражены в нравственных представлениях таджикского народа. В иносказательной форме в этих фольклорных жанрах такая черта таджикского фольклора, как утверждение незыблемых нравственных ценностей, духовного начала, доброты – высшего мерила человеческих поступков. Главное в человеке – это «сердце», именно это составляет суть человека, как такового.

Загадки являются ценным и своеобразным жанром таджикского народного творчества. Загадки по своей внешней (композиционной) структуре близки к побасенкам (также состоят из короткой цепочки предложений и изображают какую-то элементарную сценку), а по своей

внутренней (логико-семиотической) природе не сходны с ними, так как являются знаками отдельных вещей. По форме загадки состоят из предмета загадки и формулы, содержащей признаки предмета, т.е. этнические и этические признаки.

В таджикском фольклоре загадки как жанр связаны с другими видами народного творчества, в том числе с пословицами, поговорками и сказками. Сюжеты сказок-загадок строятся на загадках, также как сюжеты некоторых анекдотов строятся на пословицах. В завязке сказок-загадок содержится то или иное загадочно-нравственное положение. Создание и разрушение загадочных эпизодов приводят в конце к развязке, т.е. нравоучительной ситуации. Пословицы и поговорки – это явление таджикского языка, так как оно оформляется по грамматическим законам; эти явления мысли, ибо они представляют собой суждения или умозаключения, и наконец – это явление фольклора имеют яркую, но и простую форму морально-этического характера. К сожалению, это особенность пословичных изречений не всегда принималась во внимание при изучении народного педагогического творчества народа, ибо пословично-поговорочные предложения бывают простыми и содержат разные «цели высказывания» (т.е. могут быть утвердительными или отрицательными), имеют модальность (могут быть повествовательными, побудительными или вопросительными). В предметно-образном составе таджикских пословиц нашли отражение присущие этому народу отголоски бытовых и правовых норм, обычаи, традиции, верования и суеверия, т.е. совокупность всех факторов, которые и составляют многоликую жизнь народа, и т.д.

Таким образом, воспитательная роль таджикского фольклора очевидна, так как цель фольклора заключается в развитии самых различных человеческих склонностей, страстей и стремлений. Фольклор помогает людям пережить все богатство человеческих переживаний – высоких и низких, прекрасных и безобразных, радостных и горестных – и тем самым

обогащает таджикский стиль воспитания. Различные жанры таджикского фольклора вызывают самые разные переживания. Однако противоположные чувства и представления развивают и укрепляют морально-этические позиции – позиции о высшей цели фольклора в совершенствовании педагогической и дидактической мысли таджикского народа. Фольклор содействует смягчению несправедливости и одновременно осуществляет воспитательную функцию. Поэтому, говоря о традиции воспитания в таджикском фольклоре, имеют в виду и нравственное совершенствование. Различные жанры таджикского фольклора имеют воспитательные цели, моральные наставления или назидания. Формы выражения воспитательной цели различны, но они имеют общие педагогические значимости. Отсюда следует, что фольклор является одной из форм нравственного воспитания. Конечно, определение моральной стороны таджикского фольклора – не простая задача, но фольклор всегда связан с морально-этической значимостью. По своему содержанию и значению таджикский фольклор, будучи взаимопроникающим, входит в качестве необходимого элемента в воспитательный процесс.

Мораль в таджикском фольклоре совпадает непосредственно с тем, что называется добродетелью, нравственностью, добропорядочностью, так как мораль предполагает осознание долга и действие сообразно этому осознанию. Этот долг в таджикском фольклоре рассматривается как закон.

Таким образом, назначением таджикского фольклора является такое развитие и усовершенствование склонностей, величаний и эмоций, чтобы они стали разумными. Воспитание и есть достоинство, т.е. взаимное проникновение разумного и чувственного в человеке. В самом деле, художественное воплощение в фольклоре имеет сложную структуру, но воссоздание идеала совершенного человека является главной целью педагогической и дидактической значимости таджикского народного творчества. Человек в идеале или же идеал в человеке является центральной

темой таджикского фольклора. Особенно в рубаи (четверостишии) показывается человек во всей сложности его интеллектуально-нравственного мира и его отношении к окружающему миру.

Итак, достижения таджикского фольклора в традиции воспитания заключаются в том, что в различных социально-исторических ситуациях человек провозглашается главным предметом фольклора. Человеческий и гуманистический характер предмета и назначения таджикского фольклора состоит в том, что целью различных направлений художественного творчества было воспитание прекрасного человека – «человека во времени» - «человека в его идее», создание очеловеченных обстоятельств жизни. Создание «формы жизни» служит тем единственным путем, к которому стремился таджикский фольклор. В полной мере это следует отнести и к понятиям предмета и назначению фольклора, так как «имя чего» познается и изображается в различных жанрах таджикского фольклора. В таджикском фольклоре не ограничивается положение о человеке как познавательной функции. Действительно, истинным содержанием различных жанров таджикского фольклора является человек и человеческая жизнь, а также нравственные и эстетические потребности людей. Такова и наша позиция по вопросу предмета и назначения фольклора как формы традиционного воспитания таджиков. Созданная в таджикском фольклоре теория и практика воспитания имеет действенный, творческий характер и учитывает роль воспитания в формировании человеческого характера. Помочь людям осознать и прочувствовать красоту и безобразие тех или иных характеров, поступков, действий, мыслей, чувств, обстоятельств, – таково, полагал таджикский фольклор, величественное назначение народного творчества – «учебника жизни».

В различных жанрах таджикского фольклора в качестве главного предмета и главной цели выступает человек созидательный, преобразующий и человек величайшей творческой активности. Первоначальная основа

проблемы воспитания в народном творчестве заложена в мифах, преданиях и «подражании природы». В загадочной форме это было зерно, из которого впоследствии вырастает необходимость нравственной эстетической потребности людей. Позже, именно такое понимание в таджикском фольклоре способствовало очищению, т.е. очеловечиванию человеческих чувств. Таким образом, обобщая итоги нашего диссертационного исследования, нами сделаны следующие **выводы**:

1. Различные жанры таджикского фольклора имеют определенное содержание воспитательной цели, которое способствует нравственному совершенствованию подрастающего поколения – ибо такая трактовка воспитательной цели фольклора представляет шаг вперед в современной историко-педагогической науке;

2. Весьма важны морально-этические аспекты таджикского фольклора в процессе воспитания, так как его поучительный характер имеет народное воплощение в современной форме – воспитательной задаче;

3. Предметом и назначением таджикского фольклора является духовное обогащение, возбуждение активной позиции к жизни и в формировании национального самосознания;

4. Таджикский фольклор является традиционной формой воспитания, так как в нем ясно вырисовывается народное педагогическое творчество, показываются высокие моральные качества человека;

5. Устные и письменные формы таджикского фольклора имеют человеческий и гуманистический характер, выявляют человеческие свойства и качества, отношения между людьми, восхваляют семейные и дружеские связи, возбуждают стремление к вере и знанию, связь человека с родиной, т.е. весь круг человеческой жизни;

6. Различные типы таджикского фольклора связаны с человеческим характером, общезначимыми для педагогов-воспитателей нравственными качествами и выразителями нравственных идей;

7. Задача и цель таджикского фольклора – в установлении личности, гражданских чувств, мудрости, ощущении долга и чести, идейно-нравственного характера, в оценке человека и стремлении решить вставшие перед ним жизненные задачи;

8. Духовные ценности таджикского фольклора для современного поколения связаны с различными понятиями о добродетели, мыслью о справедливости и честности в своих личных делах, определенными идеями и нравственными качествами, уважением к родителям и интересом к своей окружающей среде;

9. Различные жанры таджикского фольклора обратились к самым разным характерам и чертам человека, - от великих и возвышенных, до прекрасных и уродливых, утверждались героико-любовные стороны жизни, светлый человеческий разум, достоинство человека, красота высших человеческих чувств и т.п., которые обогащают идейно-воспитательный процесс и современную педагогику;

10. Предмет и назначение таджикского фольклора в современной педагогике заключаются в утверждении человека, назначении человека, раскрытии человеческих страстей и помыслов, гармонии и красоте человеческой жизни, стремлении к национальному самосознанию, к высокому пониманию своего долга;

11. Таким образом, в четверостишиях (рубаи), таджикских сказках, преданиях, загадках, образах, рассказах, пословицах и поговорках раскрывается борьба бесчеловечного, жестокого с любовью и правдой. Именно столкновение «жестоких нравов» с «горячими сердцами» составляет глубинный педагогический подтекст таджикского фольклора.

Литература

1. Артамонов, С.Д. Сорок веков мировой литературы [Текст] / С.Д. Артамонов // Литература средних веков. В 4 кн. Кн.2. – М.: Просвещение, 1997. – 224 с.
2. Асатилин, Л.Ю. К толкованию одного четверостишия Баба Тахира Урияна [Текст] / Л.Ю. Асатилин // Ислам и истории народов Востока. – М.: Наука, 1981. – С. 14-21.
3. Афсахзод, А. Лирика Абдурахмана Джами [Текст] / А. Афсахзод // Проблема текстам и поэтика. – М.: Наука, 1988. 264 с.
4. Аникин, В.П. Фольклор как коллективное творчество народа [Текст] / В.П. Аникин. – М., 1969. – 216 с.
5. Алиев, Р. М., Османов, М. Н. Омар Хайям [Текст] / Р.М. Алиев, М.Н. Осмонов. – М.: АН СССР, 1959. – 366 с.
6. Абаев, В.И. Этимологические заметки [Текст] / В.И. Абаев // Труды Института языкознания АН СССР в 6 т. Т. 6. – М., 1956. – С. 453-457.
7. Абдурахман Джами. Избранные произведения [Текст] / Вступ. статья, составление и примечание А.Афсахзода // Абдурахман Джами. – Л: «Советский писатель», 1978. – 656 с.
8. Амонов, Р. Поэтика таджикского народа [Текст] / Р. Амонов. – Душанбе: Дониш, 1968. – 201 с.
9. Амонова, С. Образы и сюжеты эпоса «Таджикского фольклора» в письменной литературе [Текст] / С.Амонова // Вопросы изучения эпоса народов СССР. – М.: АН СССР, 1958. – С.16-21.
10. Антология педагогической мысли России второй половины XIX и начала XX вв. [Текст]. – М., 1990.
11. Асроров, В.А. Народ и литература [Текст] / В.А. Асроров. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 167 с.
12. Асроров, В.А. Литература и фольклор [Текст] / В.А. Асроров. – Душанбе: УДТ, 1967. – 211 с.

13. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки [Текст] / А.Н. Афанасьев. – М., 1957. – 224 с.
14. Афсахзод, А. Абдурахман Джами, его время и творчество [Текст] / А.Афсахзод // Избранные произведения. – Л: «Советский писатель», 1978. – С.5-36.
15. Белинский, И.С. Полное собрание сочинений [Текст] / И.С. Белинский. – Санкт-Петербург, 1901. – 364 с.
16. Бертельс, Е.Э. Абдурахман Джами и его дружба с Навои [Текст] / Е.Э. Бертельс // Абдурахман Джами. – М., 1960. – С.46-67.
17. Бертельс, Е.Э. Джами [Текст] / Е.Э. Бертельс. – Сталинабад, 1949. – 114 с.
18. Бертельс, Е.Э. Избранные труды / Низами и Фузули [Текст] // Е.Э. Бертельс. – М., 1962. – 406 с.
19. Бертельс, Е.Э. История персидско-таджикской литературы [Текст] / Е.Э. Бертельс. – М., 1960. – 306 с.
20. Бертельс, Е.Э. Низами [Текст] / Е.Э. Бертельс. – М.: Молодая гвардия, 1947. – 303 с.
21. Бобо Тохир. Четверостишия [Текст] / Бобо Тохир. – Душанбе, 1965. – 164 с.
22. Богданова, М.М. К вопросу о взаимодействии фольклора и литературы [Текст] / М.М. Богданова. – М.: АН СССР, 1962. – 274 с.
23. Болдырев, А.Н. Отражение древних культурных традиций в классической литературе Ирана [Текст] / А.Н. Болдырев. – М., 1971. – 216 с.
24. Болдырев, А.Н. Таджикский фольклор в литературе Советского Таджикистана [Текст] / Литературный критик // А.Н. Болдырев. – М., 1935. – 136 с.
25. Болдырев, А.Н. Зайниддин Восифи [Текст] / А.Н. Болдырев. – Сталинабад, 1957. – 166 с.
26. Брагинский, И.С. 12 миниатюр [Текст] / И.С. Брагинский. – М.:

Художественная литература, 1966. – 232 с.

27. Брагинский, И.С. Из истории таджикской народной поэзии: Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности [Текст] / И.С. Брагинский. – М.: Наука, 1956. – 206 с.

28. Брагинский, И.С. История персидско-таджикской литературы [Текст] / И.С. Брагинский. – М., 1960. – 302 с.

29. Брагинский, И.С. Очерки из истории таджикской литературы [Текст] / И.С. Брагинский. – Сталинабад, 1956. – 206 с.

30. Брагинский, И.С. Рудаки [Текст] / И.С. Брагинский. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1955. – 163 с.

31. Брагинский, И.С. От Авесты до Айни [Текст] / И.С. Брагинский. – Сталинабад, 1960. – 198 с.

32. Бромлей, Ю.В. Современные проблемы этнография [Текст] / Ю.В. Бромлей. – М., 1981. – 214 с.

33. Богоутдинов, А. М. Очерки по истории таджикской философии [Текст] / А.М. Богоутдинов. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1961. – 328 с.

34. Выготский, Л.С. Психология искусства [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Просвещение, 1968. – 576 с.

35. Васильев, Л.С. История религии Востока [Текст] / Л.С. Васильев. – М., 1983. – 388 с.

36. Волков, Г.Н. Современное функционирование народной педагогики как феномен демократии и гуманизма в сфере образования [Текст] / Г.Н. Волков. – Чебоксары, 1993. – 264 с.

37. Волков, Г.Н. Этнопедагогика / Под ред. И.Т. Огородникова [Текст] / Г.Н. Волков. – Чебоксары, 1973. – 236 с.

38. Гафуров, Б.Г. История таджикского народа [Текст] / Б.Г. Гафуров. – М.: Наука, 1955. – 311 с.

39. Гафуров, Б.Г. Предисловие к кн.: «Таджикские сказки» [Текст] /

- Б.Г. Гафуров; сост. Амонов Р., Мирзоев А.М. – М., 1963. – С. 3-16.
40. Гафуров, Б.Г. Таджики [Текст] / Б.Г. Гафуров. – М., 1972. – 464 с.
41. Гафуров, М.А. Персидско-русский словарь [Текст] / М.А. Гафуров. – М., 1927. – 304 с.
42. Гордлевский, В.А. Избранные труды [Текст]. Т. 2. / В.А. Гордлевский. – М., 1961. – 369 с.
43. Горький, А.М. О литературе [Текст] / А. М. Горький. – М., 1955. – 234 с.
44. Горький, А.М. Собр. соч. в 30-и томах [Текст]. Т. 12 / А.М. Горький. – М., 1953. – 406 с.
45. Гуревич, А.Я. Категория средневековой культуры [Текст] / А.Я. Гуревич. – М., 1972. – 304 с.
46. Таджикский фольклор [Текст] // Таджикский народный эпос / Вступ. статья И.С. Брагинского. – М.: Наука, 1987. – С.3-17.
47. Джалилов, А. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. [Текст] / А.Джалилов. – Душанбе, 1961. – 264 с.
48. Додихудоев, Х. Очерки философии исмаилизма [Текст] / Х. Додихудоев. – Душанбе, 1976. – 312 с.
49. Дорошенко, Е.А. Зороастрийцы в Иране [Текст] / Е.А. Дорошенко. – М., 1982. – 298 с.
50. Даль, В. Пословицы русского народа [Текст] / В. Даль. – М., 1957. – 246 с.
51. Елизаренкова, М.Я., Сыркин, А.Я. К анализу индийского свадебного гимна [Текст] / Труды по знаковым системам. Т. 2. // М.Я. Елизаренкова, А.Я. Сыркин. – М., 1965.
52. Жуковский, В.А. Человек и сознание у персидских мистиков [Текст] / В.А. Жуковский. – Спб., 1985. – 343 с.
53. Зелеман, К.Т. Очерки древнеперсидской литературы [Текст] /

- Всеобщая история литературы. Т.1. Ч.1. // К.Т. Зелеман. – Спб., 1980. – 243 с.
54. Зехни, Т. Санъати сухан [Текст] / Т. Зехни. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 304 с.
55. Иванов, В.А. Несколько образов персидской народной поэзии [Текст] / В.А. Иванов. – СПб., 1915. – 211 с.
56. Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские назидательные тексты. Введение транскрипция текстов, переводов, комментариев, глоссарий О. Чуньковой. – М.: Наука, 1991. – 192 с.
57. Измаилов, А.Э. Народная педагогика / Педагогические воззрения народов средней Азии и Казахстана [Текст] / А.Э. Измаилов. – М.: Педагогика, 1991. – 311 с.
58. Иностранцев К.А. Персидская литературная традиция в первые века ислама [Текст] / К.А. Иностранцев. – СПб.: Сасанидские этюды, 1909. – С. 1-40.
59. История персидской и таджикской литературы [Текст] / Под ред. Я. Рипка. – М.: Наука, 1970. – 439 с.
60. История эстетической мысли [Текст] / В 6-ти томах. Т.1. – М.: «Искусство», 1982. – 464 с.
61. Ильин, И.А. Путь к очевидности [Текст] / И.А. Ильин. – М.: Республика, 1993. – 346 с.
62. Калонтаров, Я.И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими [Текст] / Я.И. Калонтаров. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 340 с.
63. Кисляков, Н.А. Мотивные предметы горных таджиков [Текст] / Н.А. Кисляков // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – Л., 1970. – С. 31-42.
64. Кодиров, К.Б. История педагогической мысли таджикского народа (с древнейших времен до возникновения ислама) [Текст] / К.Б. Кодиров. – Душанбе, 2000. – 237 с.
65. Колесников, А.И. Завоевание Ирана арабами [Текст] / А.И.

Колесников. – М., 1982. – 204 с.

66. Короглы, Х.Г. Персидские пословицы и поговорки [Текст] / Х.Г. Короглы. – М., 1961. – 304 с.

67. Короглы, Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана [Текст] / Х.Г. Короглы. – М., 1983. – 314 с.

68. Костюченко, В.С. Классическая веданта и неоведантизм [Текст] / В.С. Костюченко. – М., 1983. – 289 с.

69. Крымский, А. История Персии, ее литературы и дервишской теософии [Текст] / А.Крымский. М., 1912. – 264 с.

70. Кулматов, Н. Этические взгляды Саади [Текст] / Н.Кулматов. – Душанбе, 1968. – 98 с.

71. Ушинский, К.Д. Избр. пед. соч. [Текст] / К.Д. Ушинский. – М., 1954. – 279 с.

72. Низами. Хосров и Ширин [Текст] / Предисловие Е.Э. Бертельса // Низами. – М.: Художественная литература, 1953. – 546 с.

73. Лафарг, П. Язык и революция [Текст] / П. Лафарг. – М., 1930. – 304 с.

74. Лаэртский, Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов [Текст] / Д. Лаэртский. – М., 1979. – 206 с.

75. Лосев, А.Ф. Эстетика Возрождения [Текст] / А.Ф. Лосев. – М., 1978. – 364 с.

76. Лазутин, С.Г. О мифологическом аспекте в изучении языка народной поэзии [Текст] / С.Г. Лазутин // Русская литература. – М., 1956. № 3. – С. 69-77.

77. Маркс, К. и Энгельс, Ф. Об искусстве [Текст] / К. Маркс и Ф.Энгельс. – М.: Искусство, 1938. – 101 с.

78. Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения в 30-и томах. Т. 2 [Текст] / К. Маркс и Ф.Энгельс. – М.-Л., 1932. – 364 с.

79. Мец, Адам. Мусульманский Ренессанс [Текст] / Адам Мец. – М.:

Наука, 1966. – 306 с.

80. Мирзоев, А. Рудаки (жизнь и творчество) / А.Мирзоев. – М.: Советский писатель, 1968. – 198 с.

81. Морочник, С.Б., Розенфельд, Б. А. Омар Хайям – поэт, мыслитель, учёный [Текст] / С.Б. Морочник, Б.А. Розенфельд. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. – 179 с.

82. Маковельский, А.О. Авеста [Текст] / А.О. Маковельский. – Баку: ИЛМ, 1960. 193 с.

83. Назаревич, А.Ф. В мире городской народной сказки [Текст] / А.Ф. Назаревич. – Махачкала, 1962. – 372 с.

84. Национальная концепция воспитания в Республике Таджикистан / Постановление Республики Таджикистан от 3.03.2006 г., № 94.

85. Николаев, В.А. Этнопедагогическая подготовка учителя русской национальной школы [Текст] / В.А. Николаев. – Москва: Орел, 1998. – 178 с.

86. Одилов, Н. Мироззрение Джалалиддина Руми [Текст] / Н.Одилов. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 201 с.

87. Олимов, К. Мироззрение Санаи [Текст] / К.Олимов. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 212 с.

88. Очерки истории школы и педагогической мысли древнего и средневекового Востока [Текст] // Сборник научных трудов (под ред. К.И. Салимовой). – М.: АПН СССР, 1988. – 198 с.

89. Пайкова, А.В. Композиция сборника «Калила и Димна» (по древнесирийской версии) [Текст] / История и филология стран Ближнего Востока // А.В. Пайкова. – М., 1964. – 346 с.

90. Памятники мировой эстетической мысли [Текст]. – М.: АН СССР, 1962. – 401 с.

91. Парвиз Хонлари. Шеър ва хунар [Текст] / Парвиз Хонлари. – Тегеран, 1345х. – 204 с. (на перс.яз.).

92. Пахлавонов, А. Педагогическая мысль таджикского народа в

XVI-XVII вв. [Текст] / А. Пахлавонов. – Душанбе: Ирфон, 1995. – 213 с.

93. Петрухин, А.И. Мировоззрение и фольклор [Текст] / А.И. Петрухин. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1971. – 223 с.

94. Пиров, М.Х. Изучение устного народного творчества в VI-X классах таджикских школ [Текст] : автореф... канд. пед. наук. – М., 1982. – 25 с.

95. Пирлиев, К.П. Прогрессивные традиции народной педагогики в современном воспитании школьников [Текст] / К.П. Пирлиев. – М., 1991. – 301 с.

96. Пидаль, Роман Менендес. Избранные произведения [Текст]. Т. 2 / Роман Менендес Пидаль. – М.: Иностранная литература, 1961. – 364 с.

97. Раджабов, М. Мировоззрение Убайда Зокони [Текст] / М.Раджабов. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1958. – 112 с.

98. Розенфельд, А.З. Из области таджикско-персидских фольклорных связей [Текст] / Советская этнография. № 3 // А.З. Розенфельд. – М., 1948. – С. 200-209.

99. Розенфельд, А.З. Материалы по этнографии и топонимике Ванча [Текст] / А.З. Розенфельд. – М.: ВГО. Т. 85. Вып. 4. – С. 36-67.

100. Ромаскевич, А. А. Вступительная статья к сборнику «Персидские народные сказки» [Текст] / Сборник статьи // А.А. Ромаскевич. – М., 1934. – С. 3-19.

101. Ромаскевич, А.А. Персидские народные четверостишия [Текст] / А.А.Ромаскевич. – СПб., 1915. – 301 с.

102. Саади. «Куллиёт» («Избранное») [Текст] / Саади. – Душанбе: Ирфан, 1954. – 283 с.

103. Саади. «Гулистон» («Весенний сад») [Текст] / Саади. – М.: Наука, 1959. – 276 с.

104. Саади. «Бустон» («Розовый сад») [Текст] / Саади. – М.: Наука, 1962.

105. Саади, А.С. Педагогические мысли Востока [Текст] / А.С. Саади. – Казань, 1927. – 182 с.
106. Салимов, Ю. Персидско-таджикская повествованная проза [Текст] / Ю. Салимов. – Душанбе: Дониш, 1971. – 269 с.
107. Сухомлинский, В.А. Как воспитать настоящего человека [Текст] / В.А. Сухомлинский. – М., 1981. – 116 с.
108. Тилавов, Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок [Текст] / Б. Тилавов. – Душанбе: Дониш, 1967. – 89 с.
109. Тропп, В.Я. Специфика фольклора [Текст] / В.Я. Тропп // Труды юбилейной научной сессии АГУ. Серия филологических наук. – Л., 1946. – С.72-91.
110. Унсурулмаоли Кайковус. Кобуснома («Книга советов») [Текст] / Унсурулмаоли Кайковус. – Душанбе: Адиб, 1990. – 142 с.
111. Унсурулмаоли Кайковус. Скромность и мастерство [Текст] / Унсурулмаоли Кайковус. – Душанбе: Адиб, 1991. – 139 с.
112. Фильштинский, И.Н., Шифдар В.Я. Очерк арабо-мусульманской культуры [Текст] / И.Н.Фильштинский, В.Я.Шифдар. – М.: АН СССР, 1971. – 334 с.
113. Фирдоуси. Шахнамэ [Текст] / Фирдоуси. – М., 1968. – 369 с.
114. Фиш, Р. Джалалиддин Руми [Текст] / Р. Фиш. – М.: Наука, 1972. – 269 с.
115. Хайям Сулайман. Зарбулмасалхои форси ва англиси [Текст] / Хайям Сулайман. – Тегеран, 1334х. – 301с. (на перс.яз.).
116. Хотифи Абдулла. Мажолис-ун-нафоис / Рукопись института востоковедения имени А.Беруни АН Республики Узбекистан. № 622. Л. 91-93.
117. Чернышевский, Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 2 [Текст] / Н.Г. Чернышевский. – М.: Госполитиздат, 1949.
118. Чернышевский, Н.Г. Повесть в повести [Текст] / Н.Г.

Чернышевский. Собр. соч. Т. 12. – М., 1956. – 274 с.

119. Чернышевский, Н.Г. Эстетика и литературная критика [Текст] / Н.Г. Чернышевский. – М. – Л., 1951. – 460 с.

120. Жирмунский, В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад [Текст] / В.М. Жирмунский. – Л., 1979. – 298 с.

121. Фазылов, М. Ф. Толковый словарь таджикских пословиц, поговорок и афоризмов в контексте [Текст] / М.Ф. Фазылов. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 204 с.

122. Фаридаддин Аттар. «Панднома» («Книга наставлений») [Текст] / Аттар, Фаридаддин. – Калькутта, 1907. – 216 с. (на перс. яз.).

123. Фаридаддин Аттар. «Асрорнома» («Книга тайн») [Текст] / Аттар, Фаридаддин. – Тегеран, 1338 х. – 246 с. (на перс. яз.).

124. Шварц, Э.А. К истории изучения фольклора Ирана [Текст] / Э.А. Шварц. – Душанбе: Дониш, 1974. – 204 с.

125. Шадриков, В.Д. Духовные способности [Текст] / В.Д. Шадриков. – М.: Магистр, 1996. – 279 с.

126. Шабустари. «Гулшани роз» («Цветник тайн») [Текст] / Шабустари. – Шираз, 1954. – 236 с. (на перс. яз.).

127. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик («Таджикская энциклопедия литературы и культуры»). Т.1. – Душанбе: Дониш, 1988. – С.15-187.

128. Юлдашева, С.Т. Эволюция образа Бахрама Гура в персоязычной литературе [Текст] / Классическая литература Востока // С.Т. Юлдашева. – М.: Наука, 1972. – С. 112-126.

129. Nicolson, R. The Mystics of Islam [Text] / R. Nicolson. – London, 1973. – 311 p.

130. Roschthal, A. History of Muslim Historiography [Text] / A. Roschthal. – Leiden, 1968. – P. 353.

131. Bukhsh Kuda. The education stem of the Muslim in the Middle ageist

[Text] / Bukhsh Kuda. – London: Islamic Culture, 1927. Vol. 1. – P. 151-155.

132. Makdisi, C. The Piece of Colleges [Text] / C. Makdisi. – Edinburg, 1981. – P. 430-436.

133. Tibami, A.L. Muslim education the elodea age of the Caliphate [Text] / A.L. Tibami. – Leiden: Islamic Culture, 1954. Vol. 28. – P. 424-434.

134. Brawne, E.A. Literaty history of Persia [Text] / E.A.Brawne. – Cambridge, 1928. – 269 p.

135. Al-Hallaj Mansour. Kitab al-Tawasin [Text] / Al-Hallaj Mansour. – Paris, 1913. – 304 p.

136. Al-Kalabadhi. The Dostrine oF the Sufis [Text] / Al-Kalabadhi. – Cambridge, 1964. – 264 p.